

ИГОРЬ ВОРОНИН

Гражданин Империи Иван Солоневич

Игорь Воронин
Гражданин Империи
Иван Солоневич

«Издательские решения»

Воронин И.

Гражданин Империи Иван Солоневич / И. Воронин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-981442-5

Второе, исправленное и дополненное издание очерка жизни и творчества
Ивана Лукьяновича Солоневича (1891—1953), выдающегося русского
публициста и мыслителя.

ISBN 978-5-44-981442-5

© Воронин И.
© Издательские решения

Содержание

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ	6
Предисловие к первому изданию (2013 г.)	6
Дополнение 2020 года	10
ИЗ КРЕСТЬЯН ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ	11
ВИЛЬНО, ГРОДНО, МИНСК	25
РУХНУЛИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ	40
ИМПЕРАТОРСКИЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ	51
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕПОРТЕР КРУПНЕЙШЕЙ ГАЗЕТЫ РОССИИ	59
ВЕЛИКАЯ БЕЗМОЗГЛОСТЬ	69
ТЫЛЫ И ФРОНТЫ БЕЛОЙ АРМИИ	83
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Гражданин Империи Иван Солоневич

Игорь Воронин

© Игорь Воронин, 2020

ISBN 978-5-4498-1442-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕСКОЛЬКО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЪЯСНЕНИЙ

Предисловие к первому изданию (2013 г.)

Всех выдающихся русских консерваторов можно разделить на два условных типа: люди при власти и, так сказать, власти не имеющие.

С первой категорией все ясно: Сергей Уваров, Василий Жуковский, Федор Тютчев, Константин Победоносцев прекрасно совмещали долг службы и веление сердца. Пограничное положение занимает Михаил Катков, который никаких государственных постов не занимал, но влияния на российскую политику оказывал поболее, чем иной министр.

Во второй категории почти все – мыслители-публицисты. И в то же время каждый из них наособинку. Если Иван Ильин, говоря грубо, «кабинетная мышь», то Алексей Хомяков – церковная, а Константин Леонтьев вообще практически монах в миру. Николай Данилевский – это чистое естествознание, Михаил Меншиков – такая же чистая публицистика.

Двое других, Лев Тихомиров с «Монархической Государственностью» да Иван Солоневич с «Народной Монархией», представляются фигурами не столь однозначными.

Тихомиров привнес в монархическую идеологию академизм, некие законченные формы, которых не смогла всерьез поколебать даже такая вселенская катастрофа, как «русская революция». Его продолжателем стал Солоневич – но продолжателем своеобразным. Не апологетом и не критиком.

Православие – Самодержавие – Народность. Эта уваровская формула, известная также в качестве боевого лозунга «За Веру, Царя и Отечество», так или иначе присутствует в творчестве всех вышеперечисленных, если так можно выразиться, классиков монархизма. Последняя составляющая этого триединства – Народность – была, пожалуй, наименее проработанной в русской консервативной мысли. Усилий одних славянофилов оказалось недостаточно, и не зря, наверное, большевики потом так издевались над «официальной народностью». Иван Солоневич сделал эту народность неофициальной, простой и понятной каждому – сначала эмигранту, а в последние десятилетия – и любому русскому человеку, равнодушному к судьбе своей Отчизны.

Антимонархическая мифология сильна, безусловно, и в наши дни. Противопоставление свободы и единоличной власти, надуманное и лукавое, бередит гордыню современников.

Но Солоневич – не только ярко выраженный народник, он еще и представитель того типа державников, для которого «ловля счастья и чинов» была презренна и ничтожна. А во главу угла ставилось именно общественное служение, и личная свобода ценилась по-новому.

На грани фола выразился Пушкин: «Я готов быть верноподданным, даже рабом, но шутом гороховым не буду и у Царя Небесного».

Сравним с высказыванием Солоневича: «Я – монархист до мозга и от мозга костей моих, но это никак не значит, что я собираюсь быть чьим бы то ни было рабом. Совсем наоборот: мое личное монархическое чувство – в молодости это было, конечно, только чувство или, точнее, только инстинкт, – базируется как раз на моем личном чрезвычайно обостренном чувстве свободы. Рабом я не чувствовал себя и в 1912 году – хотя в России, где царская власть была отгорожена дворянской властью, – мне нравилось далеко не все»¹.

¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. – М.: Феникс, 1991. – С. 341.

Солоневич – это настоящий гражданин Империи. После эпохи революций быть подданным уже мало. Исполнители приказов – они тоже нужны. Но что они будут делать, когда приказывать станет некому?

Незавидна судьба писателя даже в самой читающей стране. Увы, даже и условно «своей» аудитории нужно в большинстве случаев объяснять, кто такой Иван Солоневич и почему о нем вдруг понадобилось писать книгу. В Минске накануне Первой мировой войны, в среде советских физкультурников в конце 1920-х или в Русском зарубежье, начиная с середины 1930-х годов только переспросили бы, о каком именно из Солоневичей идет речь. Все-таки и отец политического мыслителя Лукьян Михайлович, и младший брат Борис, и даже сын Юрий свой след в истории оставили.

Но все равно, я глубоко убежден, что если не знать в точности детали, то, по крайней мере, слышать об этом человеке каждый культурный гражданин России элементарно обязан.

Допустим, ни самбо, ни гиревым спортом вы не интересуетесь. Скрепя сердце соглашусь, что среди культурных русских людей не все монархисты (а быть монархистом и не ознакомиться с солоневичевской «Народной монархией» – совсем уж странно). Но если вас никогда и никоим образом не интересовала, говоря казенным языком, история политических репрессий в СССР – то какой же вы русский и о какой культуре может идти речь? Если же в тех исследованиях, что попадались вам на глаза, имени Солоневича не упоминалось, то вы читали не самых компетентных авторов. Только не надо, пожалуйста, думать, что я собираюсь обличать Солженицына. Он-то как раз и не имеется в виду: «Архипелаг ГУЛАг» писался в СССР, где с «Россией в концлагере» Солоневича могли ознакомиться только на оккупированных территориях во время войны, а потом по понятным причинам не торопились делиться прочитанным с окружающими.

Но – как бы то ни было – Иван Лукьянович явился одним из основоположников целого жанра литературы, который нам известен под привычно неудачным названием «лагерная проза». И именно Солоневич вытащил на свет Божий из чекистских бумаг аббревиатуру ГУЛАг и сделал ее, как это принято говорить, достоянием общественности.

К сожалению, автор «России в концлагере» (которая все-таки не является классическим образцом мемуарной литературы) подробной автобиографии нам не оставил. Сведения о своей жизни он, будто нарочно, раскидал по тысячам своих публикаций. Да и внешние обстоятельства, прямо скажем, не давали покоя – и политический деятель победил писателя. Хотя нет-нет да и прорывалось заветное: «Если мне удастся когда-нибудь написать, как Короленко, „Записки моего современника“ – это будет книга!»².

Ваш покорный слуга не уверен в своих писательских талантах в такой же степени, как Солоневич. Все-таки между журналистикой, «которую я в данный момент представляю», и литературой есть какая-то никем точно не измеренная дистанция. Была даже компромиссная во всех смыслах идея ограничиться почетным званием составителя. Подозреваю, что впоследствии найдется зацепившийся за предисловие критик, который воскликнет: «Да, именно так и надо было поступить». Между прочим, сама идея «автобиографии» (собрания цитат из книг, статей и писем И. Л.) неоригинальна. Ее задумывал составить еще полвека назад Всеволод Константинович Левашев-Дубровский, продолжатель дела Солоневича.

Честно говоря, я почти уверен, что не газетная рутинка помешала редактору «Нашей Страны» осуществить свой замысел, а практическая невозможность воплощения. В своих попытках сложить мозаику мы с ним располагали примерно одинаковым набором смальты. Сомневаюсь, что имевшиеся в распоряжении Дубровского письма Солоневича содержат какие-

² Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. – М.: «Москва», 1997. – С. 286—287.

то сенсационные и не преданные огласке факты из жизни моего героя. И вовсе не отсутствие возможности ознакомиться с этими образцами эпистолярного жанра, хранящимися по сей день в далеком Буэнос-Айресе, толкнуло меня на скользкий путь биографа. Выстругивать компиляцию из текстов, имеющих свою собственную ценность, – даже для выдавших виды акул пера это все-таки безграничный цинизм.

Само собой, должна была появиться спасительная соломинка, выросшая в один поистине прекрасный момент в непобедимую оглоблю: кто, если не я? Победила, в конце концов, эта самая оглобля.

В 2007 году, когда была сделана примерно треть работы, возникло последнее препятствие – даже скорее последнее сомнение – вышла в свет книга Нила Никандрова «Иван Солоневич: народный монархист»³. Первая развернутая биография нашего героя построена, главным образом, на документах, которые достались автору от ветерана НКВД Ю. А. Маркова. Работая в 1950-1970-х годах в Секретариате ЦК КПСС, Марков собирал материалы для брошюры об идеологических диверсиях и планировал включить в нее главу о Солоневиче. Главу «зарезала» цензура, а собранные материалы уже в годы перестройки перекочевали к Никандрову. Особо ценные документы – отчеты агентов и директивы иностранного отдела ОГПУ-НКВД.

Говоря откровенно, некоторый «шпионский уклон» стал одновременно и плюсом, и минусом книги Никандрова. С одной стороны, изумительной ценности данные об одной большой чекистской провокации, которая окружала Солоневича и отравляла все его эмигрантское бытие. С другой – вехи жизненного и творческого пути Ивана Лукьяновича (как минимум, «до побега») представлены подчас весьма схематично, есть нестыковки по хронологии, фактические ошибки, иногда – к счастью, нечасто – и авторские домыслы. Последний упрек, впрочем, обусловлен особенностями жанра, который выбрал Никандров: беллетризованная биография.

Я знаком с Нилом по переписке несколько лет, даже писал к его книге предисловие. Никандрову оно понравилось, а вот издательство сочло текст слишком «солоневичевским», что ли. Редактор М. сформулировал свой отказ так: «Честно говоря, впечатление двойное. Нам кажется, что для предисловия к книге он (текст – И. В.) слишком политизирован. Дело в том, что вступая в полемику с теми или иными политическими силами, мы сокращаем, тем самым, круг потенциальных читателей. А так как „Алгоритм“ – издательство коммерческое, то нам хотелось бы расширять, а не сужать этот круг. Поэтому мы решили выпустить книгу без предисловия...» Ничего страшного – большая часть написанного тогда вошла в эпилог моей книги, той самой, что вы держите в руках.

Все мои замечания фактического характера Нилу известны, он обещал учесть их при подготовке второго издания своей книги. Но состоится ли оно – Бог весть. Не принимает Никандров моих аргументов только по одному вопросу: я категорически отказываюсь верить, что у Лукьяна Михайловича Солоневича было две дочери от разных браков с одним именем – Люба. Нил настаивает на своем, не приводя в ответ никаких доказательств.

Существенное отличие двух версий биографии Ивана Солоневича – моей и никандровской – я бы сформулировал так: документальное исследование против беллетристики.

Полное собрание сочинений нашего героя, если бы оно было издано, – это никак не меньше 10 томов. Без ложной скромности должен сказать, что я прочитал если не все их, то больше, чем кто-либо из ныне живущих. Наших современников, знакомых с публицистикой Солоневича за период с 1911 по 1934 год (!) вообще можно пересчитать по пальцам. Да и работы эмигрантской поры – особенно статьи, а не книги – представлены в переизданиях

³ Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. – 672 с.

очень скромно. Меж тем Иван Лукьянович утверждал, что именно его статьи являются «человеческим документом».

У книги, которую вы, читатель, сейчас держите в руках, есть один серьезный недостаток: ее автор не профессиональный историк и о работе в архивах имеет самое поверхностное представление. Большинство привлеченных источников принято называть открытыми, хотя, опять же, большинство из них прежде чем открыть, не так-то просто было разыскать. Но, слава Богу, нашлись единомышленники, и с 2003 года в Санкт-Петербурге ежегодно проводится научно-практическая конференция «Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии». Материалы этих конференций, в том числе и архивные, сослужили добрую службу при написании книги.

Список лиц, которым я выражаю свою искреннюю благодарность за помощь, и без труда которых эта книга была бы кривой на один глаз, помещается на последней странице – только для того, чтобы не утомлять читателя в самом начале длиннейшим перечнем (все равно ведь пролистаете дальше). Надеюсь, друзья, коллеги и фактически соавторы на меня за это не обидятся.

И. В.

Дополнение 2020 года

За эти минувшие несколько лет имя Ивана Солоневича, слава Богу, стало более известным в России. Этому способствовали два события.

В знаменитой серии ЖЗЛ в 2014 году вышла книга «Солоневич» Константина Сапожникова (именно он под псевдонимом Нил Никандров опубликовал первую биографию писателя). Это по сути второе, исправленное и дополненное, издание книги «Иван Солоневич: народный монархист».

И в том же 2014-м вышел полнометражный документальный фильм режиссера Сергея Дебижева «Последний рыцарь Империи», к которому мне посчастливилось писать закадровый текст. Фильм получил множество кинонаград, но главное не это, а то, что счет зрителей, посмотревших картину, идет уже на сотни тысяч.

Выявились и новые материалы о жизни и творчестве Ивана Лукьяновича. Все это подвигло меня на второе издание «Гражданина Империи». Дополнен не только текст книги. В качестве приложения публикуется полная, на данный момент, библиография И. Л. Солоневича.

И. В.

ИЗ КРЕСТЬЯН ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Иван Лукьянович Солоневич родился 1 ноября 1891 года (все дореволюционные даты традиционно даются по старому стилю) в глухой белорусской деревне. Неоспоримо и окончательно место его рождения до сих пор не установлено, и об этом подробнее будет рассказано ниже. Сначала, по традиции, следует помянуть родителей.

Отец – Лукьян Михайлович Солоневич (1866—1938) – третий сын в крестьянской семье. Старшие братья – Семен и Степан. Как говорили в те старые добрые времена, один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – полный сын.

В детстве Лука, потомок недавнего крепостного крестьянина, пас свиней. В 20-летнем возрасте, окончив учительскую семинарию за казенный счет, стал сельским учителем. Затем некоторое время подвизался на чиновничьем поприще, но по-настоящему проявил себя в качестве общественного деятеля.

Эта сторона биографии Л. М. Солоневича оказала решающее воздействие на становление его старшего сына Ивана как политического публициста. А посему в первых главах нашего повествования этапы деятельности Лукьяна Михайловича будут отражены последовательно и подробно. Деятельность эта протекала не на великосветских банкетах, а на простой и привычной для миллионов русских людей службе «за Веру, Царя и Отечество». Вне зависимости от того, была данная служба официальной или же проходила частным порядком.

Обратимся к документам, из которых наиболее информационно насыщенным является «Формулярный список о службе Канцелярского служителя Гродненского Губернского Правления Лукьяна Михайловича Солоневича», хранящийся в Государственном историческом архиве Республики Беларусь⁴.

Подобные формуляры в Российской Империи заводились на каждого государственного служащего. Документ, который интересует нас, ввел в научный оборот профессор Гродненского государственного университета В. Н. Черепица. Он отметил несколькими интересными публикациями о герое нашей книги⁵ и даже написал о двух Солоневичах, отце и сыне, по статье для «Энциклопедии истории Беларуси», но, к сожалению, эта тема не получила дальнейшего развития в его творчестве.

Итак, из материалов «личного дела» узнаем, что Л. М. Солоневич родился 8 октября 1866 года, православного вероисповедания, «из крестьян Гродненской губернии и уезда, Богородицкой волости, Кубельнинского сельского общества, деревни Новоселок». В июне 1886 года он окончил курс в Свислочской учительской семинарии, а уже с 1 сентября начал преподавать в Цехановецком народном училище Бельского уезда.

Известно, что еще в учительской семинарии Лукьян Солоневич занимался изучением фольклора. Две сказки, записанные им в своей родной деревне Новоселки, вошли в «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края». Собранные и «приведенные в порядок» П. В. Шейном, эти материалы составили 57-й том «Сборника отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук», изданный в 1893 году.

С 1 сентября 1892-го, менее чем через год после рождения первенца, нареченного во Святом Крещении Иоанном, Лукьян Михайлович был «перемещен на ту же должность (то есть народного учителя – И. В.) в Кабакское народное училище Пружанского уезда», а 1 октября

⁴ Формулярный список о службе Канцелярского служителя Гродненского Губернского Правления Лукьяна Михайловича Солоневича. Государственный исторический архив Республики Беларусь (Гродно), ф. 2, оп. 37, д. 1455, л. 1—3об.

⁵ Наиболее значительная из них: Черепица В. Н. «Да будет услышан на Родине...» // Черепица В. Н. Преодоление времени: Исторические очерки и миниатюры. – Минск: БелНИИДАД, 1996. – С. 37—73.

1893 года – в Байковское народное училище того же уезда, где и прослужил без перерыва почти шесть лет.

В марте 1899 года учительская карьера завершилась: Л. М. Солоневич «определен Бухгалтером Гродненской Губернской Комиссии Народного Продовольствия с правами государственной службы, присвоенной канцелярским служителям III разряда». Мы не знаем причин, которыми руководствовался он при переходе в чиновное сословие. Наиболее вероятное объяснение лежит в области «хлеба насущного», ведь к этому времени на иждивении Лукьяна Михайловича помимо супруги было уже и трое отпрысков мужского полу. Тот же Формулярный список свидетельствует: «Имеет детей-сыновей: Ивана, родившегося 1 ноября 1891 года, Всеволода, родившегося 15 августа 1895 года, Бориса, родившегося 20 января 1898 года. Жена и дети вероисповедания православного и находятся при нем».

Нил Никандров в своей книге утверждает, что у Ивана Солоневича была также родная сестра по имени Любовь⁶. Никакими архивными документами это не подтверждается. Упоминания о сестре Любе содержатся только в чекистских материалах 1930-х годов и речь в них идет о дочери Лукьяна Михайловича от второго брака (об этом ниже), которая приходилась Ивану не родной, а единокровной сестрой. Косвенным опровержением «версии» Никандрова может служить и цитата из статьи Ивана Солоневича, которая опубликованной в 1937 году:

«В некоторых отношениях мне в жизни не повезло: у меня не было ни сестры, ни дочери. А я очень люблю женщин. Не так, как любят рябчиков в сметане или себрюгу с хреном. Просто – я считаю, что женщины – замечательный народ и намного лучше нас»⁷.

Наконец, пора представить читателям женщину, которая подарила миру выдающегося писателя и политического мыслителя. Мать И. Л. Солоневича – Юлия Викентьевна (? – 1915) – в девичестве носила фамилию Ярушевич. Очень известную, надо сказать, в церковных кругах. Достаточно вспомнить советского митрополита Николая (Ярушевича), который и сам был сыном протоиерея. А, например, в списках учеников Литовской духовной семинарии, окончивших полный курс учения в 1830—1891 гг. (данные А. А. Бовкало⁸) находим сразу пятерых Ярушевичей: Ивана, Фотия, Андрея, Дорофея и Афанасия. Причем Дорофей – это как раз отец вышеупомянутого митрополита, а Афанасий – родной дядя Ивана Солоневича. Про первых троих Ярушевичей из данного списка, увы, добавить нечего.

Известно, что Юлия Викентьевна родилась в семье псаломщика. Имели отношение к церковной среде и многие ее родственники. По свидетельству самого И. Л. Солоневича, одиннадцать его дядьев были или священниками, или дьяконами. «Я вырос в **очень** консервативной и религиозно настроенной семье», – вспоминал он⁹.

Старший брат Юлии, Афанасий Викентьевич Ярушевич (1867-?), как мы уже отметили, закончил духовную семинарию. Священником он, однако же, не стал. Одно время исполнял должность директора Виленской учительской семинарии, потом инспектировал народные училища Виленского уезда и дослужился до коллежского советника. Известен А. В. Ярушевич также в качестве автора нескольких исследовательских работ по истории Северо-Западного края. Наиболее значительная из них – книга о князе К. И. Острожском¹⁰, которая в «Журнале Министерства Народного Просвещения» (книжка за июль 1898 года) была раскритикована

⁶ Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 20.

⁷ Солоневич И. Л. Алик и Кукока // Голос России. – 1937. – 25 мая; №48.

⁸ <http://www.petergen.com/bovkalov/duhov/litsem.html>

⁹ Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. – Новосибирск: Благовест, 1994. – С. 146.

¹⁰ Ярушевич А. В. Ревнитель православия, князь Константин Иванович Острожский (1461—1530) и православная Литовская Русь в его время. – Смоленск, 1896. – 250 с.

в пух и прах. Афанасию Викентьевичу пришлось даже выпустить брошюру в ответ¹¹. Ее ждала та же участь¹².

К сожалению, о своей матери Иван Солоневич написал совсем немного, в основном, только упоминал о том, что она из духовного сословия. Лишь однажды, и то как-то вскользь, обмолвился, что это была очень властная женщина. Возможно, причиной была какая-то детская обида, ведь после развода (неофициального, конечно; добиться разрешения церковных властей на развод было нелегко даже аристократам) дети остались жить у отца. Разрыв произошел, очевидно, не позднее 1905 года, когда у Лукьяна Михайловича родился четвертый сын – Евгений. Его матерью была уже не Юлия Викентьевна. Вторую жену Л. М. Солоневича (впоследствии, судя по всем косвенным данным, брак был узаконен) звали Надежда Александровна. Ее девичья фамилия и дата рождения неизвестны, а умерла она в самом начале 1920-х годов. Во втором браке у Лукьяна Михайловича родились: Евгений (1905—1938), Софья (1909—1973), Зинаида (1915—2007) и Любовь (1920—1996).

Наверное, уже никогда не станет известно доподлинно, почему расстались родители И. Л. Солоневича. И гадать, кто там прав, а кто виноват, не имеет никакого смысла. Пусть простит читатель нарушение хронологии изложения событий. Нелирическое отступление объясняется просто: к этой скользкой теме мы далее не вернемся.

Осталось отметить еще одну важную дату: запись о семейном положении в Формуляре Л. М. Солоневича была сделана в 1889 году. Очевидно, именно тогда обвенчались Лукьян Михайлович и Юлия Викентьевна.

Переходим к другому, по-настоящему детективному сюжету, связанному с определением места рождения их первенца – Ивана Лукьяновича. Это кажется невероятным, но существует целых шесть версий – и все они могут быть подтверждены архивными документами!

Начнем с «Анкеты арестованного», заполненной рукою чекиста в Ленинградском Доме предварительного заключения 14 сентября 1933 года. Она содержит следующие сведения о «руководителе контрреволюционной группы» И. Л. Солоневиче: «Родился 1 ноября 1889 г. (43-х лет) Польша Гродненская губ. того же уезда дер. **Новоселки**»¹³.

Это была информация, записанная следователем со слов Ивана Лукьяновича. Принимая во внимание неверно указанный год рождения и прочие сопутствующие обстоятельства, степень достоверности документа нельзя считать слишком высокой. Тем более, что в собственноручных показаниях, содержащихся в материалах того же уголовного дела, в качестве места своего рождения Солоневич указывает деревню **Шкурец** Бельского уезда Гродненской губернии¹⁴.

А вот что сообщалось из Представительства Центральной сыскной полиции Финляндии в городе Йюэнсуу в Главный отдел той же полиции 16 августа 1934 года (перевод с финского):

«Пограничный отряд г. Йюэнсуу 12 числа текущего августа месяца задержал в Элинламппи (волость Иломантси) проникших в страну тайным путем следующих советских граждан:

Солоневич, Иван Лукьянович, кандидат юридических наук, редактор газеты, род. 1.11.1891 в Польше, в деревне **Рудники** Берского района Гродненской губернии...»¹⁵

¹¹ Ярушевич А. В. Несколько слов по поводу одной рецензии. – Смоленск, 1899. – 39 с.

¹² См. статью М. К. Любавского в Журнале Министерства Просвещения, ноябрь 1899 г.

¹³ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело № П-68527. Л. 4. Цит. по: Чистяков К. А. Следственное дело в отношении И. Л. Солоневича в архиве ФСБ // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы III научно-практ. конференции: СПб. 24 апреля 2005 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2006. – С. 35—45. Далее: ФСБ и номер листа дела.

¹⁴ ФСБ. Л. 7об.

¹⁵ Архив СПб о-ва «Мемориал». Фонд «Братья Солоневичи», оп. 1, д. 2.

«Берский» – это, конечно, опечатка. Причем двойная: в Бельском уезде располагался Шкурец, а Рудники относились к другому уезду – Пружанскому.

Идем дальше. В составленных в 1935 г. «Биографических данных» (машинопись, автограф), оригинал которых хранится в Архиве НТС во Франкфурте-на-Майне, И. Л. Солоневич свидетельствует: «Родился 1—13 ноября 1891 г. в дер. **Цехановец**, Гродненской губ. Бельского уезда»¹⁶.

Два последних документа были обнаружены ныне покойным директором петербургского научно-исследовательского центра «Мемориал» В. В. Иофе, который сам собирался писать о Солоневичах в контексте политических репрессий, но не успел завершить свою работу.

Идем дальше: по данным исследователя из Москвы кандидата исторических наук К. А. Чистякова, в столичных архивах имеются документы, вывезенные после войны из Германии (секретные розыскные списки Гестапо), в которых в качестве места рождения Ивана Лукьяновича упоминается некий **Ухановец или Ушановец (Ushanovec)**.¹⁷

И, наконец, как пишет в своей книге Н. Никандров, при оформлении удостоверений личности в Аргентине в 1948 году и в Уругвае в 1953-м Солоневич указывал в качестве места рождения населенный пункт **Городня** Гродненской области¹⁸.

За право считаться родиной литературного Дон Кихота спорит некоторое число испанских деревень. Всамделишному Солоневичу повезло меньше – подавляющее большинство соотечественников, даже из числа земляков, беззастенчиво равнодушны к перипетиям его биографии.

Так часто бывает: реальное историческое лицо, какой бы фантастической ни была его жизнь, меркнет в глазах обывателя перед вымышленным персонажем. И чему удивляться? Ведь живой homo sapiens из плоти и крови – такой же, как ты – вдруг оказывается умнее, смелее, честнее, удачливее и, в конце концов, знаменитее. Кому же понравится...

Вот грехи и пороки великих мира сего – это чрезвычайно интересно. Публика жаждет соприкоснуться с небожителями хотя бы в общечеловеческих падениях. Если же восхищаться героем, то для этой роли больше подходит выведенный романистом гомункулус: мало ли чего не придумают, можно обойтись без всякого самобичевания и смущения.

Но это так, к слову. Попытаемся разобраться, откуда же взялось такое донкихотское обилие вариантов. Допустим – а право на такое допущение базируется не на пустом месте – что у И. Л. Солоневича имелись веские основания что-то скрывать или просто ввести в заблуждение советские органы. (Впрочем, они-то, похоже, как раз были равнодушны: что Шкурец, что Новоселки – все едино. Чекистов и точная дата рождения арестованного не слишком интересовала). Но какой был резон обманывать финскую политическую полицию? Или – эмигрантские организации? Или, например, шутить с германскими национал-социалистами? Да и власти южноамериканских государств вряд ли готовы были признать благонадежным эмигрантом человека, путающегося в собственной биографии.

В конце концов, не мог же сам Солоневич быть Иваном, не помнящим родства?!

Для начала отсортируем все версии по степени достоверности, начиная с наименьшей. И таким образом попытаемся добиться хоть какой-то ясности.

Ухановец. Все поиски в этом направлении оказались безуспешными: никаких населенных пунктов с таким названием на территории Гродненской губернии (ни прежде, ни теперь) найти не удалось. Элементарное и мало-мальски оправданное объяснение того, откуда взялся

¹⁶ Там же, оп. 1, д. 5.

¹⁷ РГВА. Ф. 1163. Оп. 1. Ед. хр. 1996. Л. 1—2.

¹⁸ Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 20.

этот вариант, находится в области либо фонетики, либо орфографии, то бишь правописания. Названия Ухановец и Цехановец все-таки вполне созвучны. Если предположить, что это были не собственноручно написанные показания, а зафиксированные со слов И. Л. Солоневича, то такое искажение услышанного выглядит вполне правдоподобным. Педантичные немцы были педантами далеко не всегда.

Если же название было изначально запечатлено на бумаге по-русски (в документе, о котором говорит Чистяков, оно дается в немецкой транскрипции – Ushanowec), то тут и вовсе, что называется, к египтологам не ходи. «У» и «Ц» на письме, при полном отсутствии каллиграфических способностей, можно изобразить практически одинаково. Так что Ухановец отпадает первым.

Городня. Своеобразный намек потомкам содержится в дате рождения – дважды И. Л. указывает ее неправильно, и оба раза это 19 декабря 1891 года. Намек номер два – в самом названии населенного пункта. Дело в том, что Городня – это Гродно и есть, так назывался город до той поры, как он городом стал.

Новоселки Гродненского уезда и той же губернии. Здесь родился Лукьян Михайлович Солоневич. Это подтверждают и «Формулярный список», и справка Красноярского Управления ФСБ РФ, высланная в ответ на запрос местного отделения общества «Мемориал»¹⁹, и воспоминания Бориса Солоневича – младшего брата Ивана.

Данная версия применительно к И. Л. встречается только в документах ОГПУ 1930-х гг. По сравнению с тем же Цехановцом, Новоселки тогда имели только одно относительное преимущество в глазах советской власти – они находились на территории СССР. Цехановец же в то время, как и сейчас, располагался в Польше. Иван Солоневич, ожидавший расстрела как «руководитель контрреволюционной группы, предпринявшей попытку вооруженного перехода границы», очевидно, цеплялся за любой шанс. Главное – избежать «вышки». Для безумной чекистской системы факт рождения (более сорока лет назад) на территории современной буржуазной Польши мог трансформироваться во что угодно. А для арестованного – обернуться дополнительным обвинением в шпионаже в пользу капиталистического государства.

В любом случае – версия очень зыбкая для того, чтобы искать дополнительные аргументы для ее опровержения. Доказательная база в ее пользу этого не заслуживает.

Рудники. Это – наиболее популярный вариант с 1991 года, то есть с того самого времени, как имя Солоневича стала открывать посткоммунистическая Россия. Игорь Дьяков опубликовал в журнале «Наш современник» довольно объемное эссе²⁰, в котором попытался «объять необъятное». Не имея достаточного фактического материала, он заполнил пустоты собственными домыслами, движимый, конечно, исключительно благими намерениями: ознакомить соотечественников с выдающейся биографией Ивана Солоневича. В итоге получилась дорога если не в ад, то к большой и долгой неправде, которая, будучи растиражирована, становится общепринятым «фактом».

И вот с тяжелой руки Дьякова десятки авторов и «источников», включая солидные с виду энциклопедические справочники, ничтоже сумняшеся выводят: «родился в деревне Рудники Пружанского уезда». Удивительно, но при этом ни один (!) из них не удосужился привести ни одного (!) мало-мальски серьезного аргумента в пользу этой версии.

Доподлинно известно, что Рудники – это родина Бориса Лукьяновича Солоневича. Никаких разночтений на этот счет нет. Борис родился на семь лет позже Ивана, в 1898 году. И их отец Лукьян Михайлович, согласно «Формуляру», с 1892 по 1899 гг. служил как раз в народных училищах Пружанского уезда. Мог ли и Иван родиться на Пружанщине? По крайней

¹⁹ <http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/People/Solonevich.htm>

²⁰ Дьяков И. В. Дьяков И. Дело, которое больше нас: к 100-летию И. Л. Солоневича // Наш современник. – 1991. – №11. – С. 179–185.

мере, это последний вариант, говорящий о том, что место его рождения находится на территории современной Белоруссии. Два оставшихся заставляют пересечь границу и искать его «пенаты» в нынешней Польше. Вряд ли соображения патриотизма в данном случае должны играть какую-то роль.

Шкурец. Версия относительно новая и потому малоизученная. Собственноручная подпись И. Л. Солоневича заставляет отнестись к ней со всей серьезностью. Тем более что, в отличие от Ухановца, речь идет о существовавшем в действительности волостном центре Бельского уезда.

Вообще Шкурец – один из главных фаворитов благодаря одному важному аргументу. Ведь в ноябре 1891 года Лукьян Михайлович Солоневич служил в Цехановецком народном училище, а, как установил исследователь из Гродно В. С. Андреев, со ссылкой на «Памятную книжку Виленского учебного округа на 1885/6 учебный год», именно в Шкурце и размещалось Цехановецкое училище. То есть, несмотря на свое название, не в Цехановце, более крупном населенном пункте, а в волостном центре, расположенном в восьми верстах от него.

Цехановец. И все-таки наиболее вероятным местом рождения И. Л. – как говорится, по совокупности данных – является именно это местечко с населением в конце XIX века 5—6 тыс. человек. Сегодня Цехановец – городок Ломжинского воеводства в Польше с тем же примерно числом жителей и одной «культурной» достопримечательностью – сельскохозяйственным музеем.

Здесь в 1897 году родился, кстати, Александр Леонидович Чижевский (1897—1964), всемирно известный биофизик, основоположник гелиобиологии и аэроионификации, изобретатель люстры, названной его именем.

Цехановец подарил миру также несколько знаменитостей еврейской национальности (все-таки черта оседлости). Это археолог, историк, исследователь Библии Биньямин Мазар (Майзлер) и ученый в области иудаистики Шрага Абрамсон. Оба – лауреаты государственной премии Израиля. Ради расширения списка можно добавить Абрама Хаимовича Зильберталя, большого специалиста по трамвайному хозяйству в СССР – вот, собственно говоря, и все. С конца XIX – начала XX века знаменитостей даже такого калибра эта земля не рождала.

В современной польской энциклопедии Nowa encyklopedia powszechna 1997 года издания (спасибо за источник тому же Виктору Андрееву из Гродно) говорится о том, что местечко Ciechanowiec до 1366 года являлось собственностью князей Мазовии. Затем до 1569-го входило в состав Великого княжества Литовского. А в XVI веке было поделено на две части, обе они, располагаясь на противоположных берегах реки Нурец, сохранили прежнее название. С 1795 года Цехановец – в границах Пруссии. В Российскую Империю местечко влилось в 1807 году в виде своей левобережной части – в ней, судя по всему, и родился Иван Солоневич. Правобережная часть Цехановца входила сначала в Герцогство Варшавское, а с 1815 года – в состав Королевства Польского.

Но мы, кажется, несколько забежали вперед. Не преждевременны ли подробности? Ведь должна быть «окончательная, фактическая, настоящая» бумажка, о которой говорил булгаковский профессор Преображенский...

Далеко не все открытия совершаются путем строго научных изысканий. Иногда достаточно увидеть сон или, столь же хрестоматийно, получить яблоком по голове. Но это те случаи, когда исследователь долго и упорно стремился к постижению и не хватало ему какой-то субъективной малости или, выражаясь иначе, толчка.

Бывают открытия и другого рода – следствие удачного стечения обстоятельств. Они, хоть и совершаются наобум, но сопровождаются жадной поиском и потому тоже не могут быть объяснены одной лишь случайностью, – это открытия колумбовского типа. Нечто похожее произошло с определением места рождения И. Л. Солоневича.

Научный сотрудник сектора источниковедения Российского института истории искусств Т. Д. Исмагулова, занимаясь историей рода графов Зубовых, работала в Центральном государственном историческом архиве с фондом Санкт-Петербургского университета. Часть времени она отводила свободному поиску. Зная о том, как мало сохранилось документов, относящихся к деятелям Русского Зарубежья, Исмагулова, натолкнувшись на фамилию «Солоневич», вспомнила о полемике в русской эмигрантской прессе в Польше. Полемика эта была посвящена знаменитой книге «Россия в концлагере». Так впервые рука исследователя коснулась папки под названием «Дело <студента> Императорского Санкт-Петербургского университета Ивана Лукьяновича Солоневича»²¹.

Его материалы позволяют (на данный момент – пока не появятся другие, еще более убедительные свидетельства) остановиться именно на цехановецкой версии. Один из самых значительных документов – метрическая выписка. Вот что в ней значится: «В метрической книге Цехановецкой церкви Бельского уезда Гродненской губернии за 1891 год в 1-й части под №6 <...> записано: 1891 года 1 ноября рожден, а 12 ноября крещен Иоанн»²².

Со всех сторон допустимое предположение, что И. Л. мог родиться в одном месте, а был записан в метрическую книгу в другом, опровергает другой документ из студенческого дела, «Свидетельство», говорящее более определенно: «Дано сие сыну чиновника <...> родившемуся в 1891 ноября 1 в местечке Цехановец Гродненской губернии»²³.

Благодаря метрической выписке становятся известны и имена крестных родителей будущего писателя:

«Восприемники:

писарь Шкурецкой волости Петр Иванов Алексеев и крестьянка местечка Озер Гродненского уезда Антонина Яковлевна Курелович»²⁴.

Как установил В. С. Андреев, в Цехановце была в то время Вознесенская православная церковь. Очевидно, в ней и крестили новорожденного Ивана Солоневича. Благодаря «Памятной книжке Гродненской губернии на 1891 год» мы даже с большой степенью достоверности можем установить, кто совершал обряд крещения: «Цехановецкой церкви священник <енник> Ал <екс> ей Смирнов».

Он же, кстати, преподавал Закон Божий в Цехановецком народном училище, то есть был коллегой Лукьяна Михайловича. Как видим, служба в церкви, находящейся в Цехановце, не мешала ему быть законоучителем в Шкурце. Так что категорическое утверждение В. С. Андреева о том, что Иван родился в Шкурце, а в Цехановце только был крещен, разбивается об информацию относительно иерея Алексея. Очевидно, что народному учителю было в силу целого ряда обстоятельств удобнее проживать в более развитом Цехановце. Здесь был храм, а Лукьян Михайлович и его супруга были истово верующими людьми. Здесь была почтовая станция, что для молодого учителя тоже имело значение. Наконец, в Цехановце наверняка было более комфортно проживать беременной жене, да и рожать Юлии Викентьевне тоже лучше было в Цехановце, все-таки могла понадобиться квалифицированная медицинская помощь.

Итак, после всестороннего анализа выстроилось нечто вроде логической цепочки с элементами психоанализа. Исключили мифический Ухановец и историческую Городню, и вышло,

²¹ См.: Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. – С. 22–26. Дальнейшее цитирование документов студенческого дела Солоневича – по ее работе.

²² ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, №61273, л. 12.

²³ Там же, л. 11.

²⁴ Там же, л. 12.

что в те моменты, когда Ивану Лукьяновичу, по каким-то, теперь одному Богу известным, причинам, требовалось скрыть свое подлинное место рождения (Цехановец) в его памяти рефлексивно всплывали: родина отца (Новоселки), крестного (Шкурец) и младшего брата, а может, и братьев (Рудники).

После ряда изысканий возвращаемся к послужному списку Лукьяна Михайловича Солоневича. Наше повествование, напомним, прервалось в марте 1899 года, когда он покинул учительскую стезю и стал мелким, или микроскопическим, как говаривал впоследствии Иван Лукьянович, чиновником. Почти год, с 1 июня 1901 года по 8 мая 1902-го Солоневич-старший пребывал за штатом.

О дальнейшей его, не слишком выдающейся, чиновничьей карьере поговорим чуть позже. Настало время сказать о литературной и общественной деятельности Лукьяна Михайловича. По данным В. Н. Черепицы, его сотрудничество с газетой «Гродненские губернские ведомости» началось с середины 1890-х годов²⁵, как раз во время перехода из учительского звания в чиновное.

В 1897 году Л. М. Солоневич становится секретарем неофициальной части официозного издания. Он много пишет о проблемах села, народного образования, медико-санитарном состоянии губернии, является одним из инициаторов борьбы с пьянством, организатором движения за народную трезвость. Сам Лукьян Михайлович, кстати, полным трезвенником не был, но выпивать умел, причем сохранил это качество и в старости. Его внук, Юрий Иванович, будучи уже сам на восьмом десятке лет, вспоминал:

«Водку батька (то есть И. Л. Солоневич – авт.) мог пить как никто больше, кого я на моем веку знал. За единственным исключением его собственного батьки – моего деда, Лукьяна Михайловича, который его раз в моем присутствии перепил в городе Ялте, в 1931-м году. Это был первый раз, когда я своего „водконепропускаемого“ батьку видел не то, чтобы пьяным, а так, под мухой»²⁶.

От бытовых подробностей – к делам поистине историческим. В 1901 году вышла в свет первая книга Л. М. Солоневича: история Гродненской губернии²⁷. Исследование, несмотря на юбилейный характер, получилось самобытным, что отмечали местные историки, краеведы и любители старины.

Автор разделил историю Гродненщины на четыре части. Первый, самый продолжительный отрезок, – до возникновения Гродненской губернии: времена Киевской Руси, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и несколько лет в составе Российской империи. Любопытно отметить, что в главе, посвященной «древне-русскому периоду исторической жизни населения губернии», Лукьян Михайлович цитирует уже упоминавшийся труд о князе Константине Острожском – книгу своего шурина Афанасия Ярушевича.

История собственно Гродненской губернии – это три периода

Первый (1802—1840 гг.) – время действия на Гродненщине Литовского статута и других местных законоположений – Л. М. Солоневич оценивал критически: «Администрация в это время, за весьма немногими исключениями, состояла из лиц польского происхождения – католиков. Только во главе губернии, да и то не всегда, стояли русские люди. Так что, в сущности, в губернии продолжались старые польские порядки». Самым важным событием в духовном мире края после усмирения мятежа 1830—1831 годов он считал воссоединение белорусских униатов с Православной Церковью. В то же время, констатируя прекращение религиозной

²⁵ Черепица В. Н. «Да будет услышан на Родине...» // Черепица В. Н. Преодоление времени: Исторические очерки и мини-атюры. – Минск: БелНИИДАД, 1996. – С. 70.

²⁶ Солоневич Ю. И. Подготовка к побегу: Отрывок из воспоминаний // Наша страна. – 1998. – 23 мая; №2493—2494.

²⁷ Солоневич Л. М. Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования. 1802—1902 гг. – Гродна, 1901. – 106 с.

зависимости от римско-католического духовенства, автор отмечает, что над сельским населением «тяготела еще зависимость личная, созданная крепостным правом, и зависимость экономическая, созданная наплывом в страну евреев»²⁸.

Период с 1840 по 1863—1864 годы автор очерка назвал переходным – в смысле обретения жителями преимуществ русской духовности и культуры. Он начался с того, что Литовско-Гродненская губерния стала именоваться Гродненской, изменились ее границы, началось движение в сторону ослабления крепостной зависимости крестьян от помещиков. Вместе с тем одновременное существование в губернии двух властей – одной «законной и открытой русской» и другой «тайной, революционной и польской» – не могло не привести к восстанию 1863 года. По мнению историка, это восстание на Гродненщине по своим целям было польским, но не настолько, чтобы быть признанным восстанием всего польского народа. Его поддерживали лишь католическое духовенство и шляхта.

Третий период существования губернии (1863—1901 годы) Л. М. Солоневич считал «периодом коренных реформ в губернии и усиления русского самосознания в местном населении». Такую динамику движения автор-составитель очерка подкреплял показом значительных изменений в хозяйственной и культурной жизни Гродненщины, что, однако, не мешало ему, слегка в духе тогдашней либеральной оппозиционности, резко критиковать правительственную политику в аграрном вопросе. Именно после подавления польского восстания 1863 года, по словам Лукьяна Михайловича, «Западно-Русский край, а вместе с тем и Гродненская губерния поставлены на тот естественный и единственный путь исторического развития, по которому они идут и теперь, и идут уже с полной уверенностью, без всяких сомнений и колебаний»²⁹.

В конце мая 1902 года гродненским губернатором стал Петр Аркадьевич Столыпин. Прослужил в Гродно будущий премьер-министр всего несколько месяцев, но как же ярко это сказалось на судьбе Лукьяна Михайловича Солоневича. И ведь кто знает, не будь этого краткосрочного столыпинского назначения, может, и не узнал бы весь мир публициста и писателя Ивана Солоневича.

Скорее всего, молодой губернатор заметил и выделил скромного чиновника, буквально вчера пребывавшего за штатом, благодаря его труду по истории края и газетной деятельности. Лукьян Михайлович получил новую должность менее чем за два месяца до того, как губернатор Столыпин прибыл в Гродно – с 8 мая 1902 года он исполнял обязанности секретаря Гродненского губернского статистического комитета. В дальнейшем, надо полагать, не без протекции Петра Аркадьевича, Солоневич-старший стал редактором неофициальной части «Губернских ведомостей» (в 1903—1907 годы она выходила отдельным изданием в качестве еженедельного приложения). Еще позже, уже незадолго до гибели великого реформатора, финансовая помощь из Петербурга позволила далеко не богатому Лукьяну Солоневичу стать редактором-издателем ежедневной газеты – «Северо-Западная Жизнь» начала издаваться на деньги Столыпина.

Не исключено, что и паспорт выхлопотал крестьянину Л. М. Солоневичу будущий премьер-министр, оставивший гродненское губернаторство в феврале 1903 года. Согласно пометкам на обложке «Формуляра», глава семейства получил «вид на жительство» несколько позже, 27 июля 1903 года (№237), а его супруга Юлия – 21 февраля 1905-го (№277).

Чтобы уж окончательно поставить точку на служебной карьере Лукьяна Михайловича и сосредоточиться на освещении его общественно-политической деятельности, кратко перечислим все оставшиеся должности. Как гласит «Формуляр», «30 мая 1903 года согласно про-

²⁸ Там же. – С. 37.

²⁹ Там же. – С. 17.

шению зачислен в штат Гродненского губернского правления канцелярским служителем III разряда; с 16 октября 1904 года исполнял обязанности секретаря Гродненского губернского по городским делам присутствия; с 1 марта 1907 года исключен из списков служителей за переходом его с тем же званием в Гродненское губернское присутствие; 16 сентября 1907 года за выслугу лет произведен в коллежские регистраторы; 15 декабря 1907 года исключен из числа служителей Гродненского губернского правления».

В студенческом деле Ивана Солоневича (о нем упоминалось ранее) подшита копия Аттестата его отца, из которой узнаем, что с 13 октября 1907 г. по 3 января 1908-го Лукьян Михайлович служил младшим помощником Правителя канцелярии Ковенского губернатора. Данные Аттестата принципиально расходятся с Формуляром в одном пункте – касательно даты произведения Л. М. Солоневича в коллежские регистраторы. Согласно Аттестату, это произошло 5 октября 1906 года, почти на год раньше, чем указано в Формуляре. Однако же вряд ли стоит особо останавливаться на этом противоречии, гораздо важнее то обстоятельство, что к январю 1917 года Лукьян Михайлович был уже в ранге титулярного советника, как об этом свидетельствует другой документ из студенческого дела³⁰.

В «Памятной книжке Гродненской губернии» за 1905 год помещены некоторые сведения и о деятельности Л. М. Солоневича на общественном поприще: «член и секретарь общества взаимного вспомоществования учащихся и учителей народных училищ, член ревизионной комиссии собрания гродненских чиновников». Кроме того, по данным В. Н. Черепицы, Лукьян Михайлович был членом Гродненского церковно-археологического комитета и местного православного Софийского братства. Почетным председателем последнего был епископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков), впоследствии митрополит Киевский и экзарх Украины.

Братство оставило о себе память на века: во многом благодаря именно его стараниям в Гродно был возведен храм-памятник Покрова Пресвятой Богородицы – тогда гарнизонная церковь, а ныне кафедральный собор. Историк и краевед Л. М. Солоневич, как и многие другие братчики, принимал участие в организации внешнего оформления собора-музея, сборе средств на установление мемориальных досок в память воинов, погибших в Русско-Японскую войну.

Известно, что в октябре 1905 года, после издания Высочайшего Манифеста, за так называемой чертой оседлости в ответ на революционные манифестации прокатилась волна еврейских погромов. В Белоруссии наиболее крупный из них произошел в Белостоке. Намечались аналогичные беспорядки и в Гродно, но усилиями властей и общественности страсти удалось погасить. Внес свою лепту в успокоение и редактор местных «Ведомостей» Л. М. Солоневич, выступивший в печати с открытым письмом против погромов. Власть олицетворял губернатор Иван Львович Блок (1858—1906), родной дядя поэта, убитый эсерами-террористами в Самаре менее чем через год.

В сентябре-октябре 1907 года состоялись выборы в III Государственную Думу. Лукьян Михайлович состоял в списке кандидатов от Гродненщины, но был забаллотирован.

О детстве Ивана доступной информации не то, чтобы мало – ее практически нет. Сам он более чем скудно осветил этот период своей биографии, в частности сообщил о том, что вследствие испуга в раннем детстве был недопустимо косноязычен и лет до 25-ти его времени не понимала собственная мать. Первые личные воспоминания относятся уже к годам отрочества, когда Ивану было 10—11 лет.

«Был у меня товарищ Лева Рубанов, – писал И. Л. Солоневич спустя многие годы. – Мы с ним вступили в некоторое спортивное состязание, результатов которого никакое жюри

³⁰ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, №61273, лл. 29, 29об.

проверить не могло. Поэтому вопрос шел о честном слове. Для подкрепления этого честного слова было принесено Евангелие, зажжена свечка и над Евангелием, и перед свечкой была дана клятва в том, что ни один из нас о результатах своих подвигов ничего не сохнет. Все это было благоговейно и торжественно.

Подвиги же заключались в том, кто из нас рогаткой больше перебьет фонарей в захламленном городишке Гродно.

Я не помню, кто взял первенство в этом поистине социалистическом соревновании. Но помню, как я тихонько вставал по ночам, спускался на балконе на веревке с рогаткой в одном кармане и с сотней камушков в другой (ночью камушков не найти) и, дрожа от страха и спортивного азарта, вышибал стекла керосиновых гродненских фонарей.

Стекла были вышиблены все. Предприятие осталось безнаказанным».³¹

Сам Лев Рубанов датирует свое знакомство с Иваном Солоневичем несколько более поздним временем – 1904—1905 годами.

«Мы оба были во втором-третьем классе Гродненской гимназии, – вспоминал он. – Наши семьи были знакомы.

По улицам города ходили демонстрации, и мы с Ваней охотно присоединялись к толпе, и я до сих пор помню революционные песни, которые пели во время демонстраций»³².

Репертуар оригинальностью не блистал: «Вы жертвою пали...», «Отречемся от старого мира...» и все такое прочее. Но чего было больше в этом мальчишеском хоре – подражания или издевки? И как реагировал на эти выходки Лукьян Михайлович, консерватор и человек «самых честных правил»? Не исключено, что иногда и слишком всерьез.

Отец Вани и мать Левы входили в родительский комитет, существовавший при гимназии (до революции такой комитет избирался один на все учебное заведение, а не по классам, как это принято сейчас). И, естественно, они частенько обсуждали проделки своих сорванцов, которые вместе сбегали с уроков, чтобы сходить на Неман искупаться или в лес, или просто гурьбой побродить по городу.

Рубанов вспоминал, как возмущалась его мать, когда Лукьян Михайлович сказал ей, что хочет забрать Ваню из гимназии, чтобы он не набрался тлетворного революционного духа: «Мать моя отговаривала его от этого, говоря, что с четырехклассным образованием Ваня может быть только околоточным надзирателем. Но все же отец забрал Ваню из гимназии и экзамен на аттестат зрелости он держал потом»³³.

Но «революционный дух» был не единственной причиной, по которой Иван стал «экстерничать», то есть самостоятельно готовиться к гимназическим экзаменам. «Я вышел из третьего класса гимназии, – говорил он, – отчасти потому, что финансовые дела моего отца были в те времена совсем окаянными, а главным образом потому, что гимназической рутинны я переварить не мог. Это стоило больших семейных драм»³⁴.

Основу гродненской компании той поры, помимо Льва Рубанова, составляли Костя Пушкаревич, Мишка Горновский, Данюк (имя неизвестно), Август Ульрих, Митя Михайлов. Кое-кто из них, как говорится, вышел в люди: Пушкаревич, например, стал профессором, а Михайлов сделал неплохую военную карьеру. И в нашем повествовании и эти двое, и Лев Рубанов еще встретятся. О судьбе других приятелей Ивана Солоневича нет, увы, никакой информации – как и о первых соперниках по французской борьбе.

О Солоневиче-подростке Рубанов пишет так: «Был он коренастым крепышом, участником всех мальчишеских эскапад, принимал активное участие во всех путешествиях по обсле-

³¹ Солоневич И. Л. Этюды оптимизма // Белая Империя. – М.: «Москва», 1997. – С 257—258

³² Наша Страна. – 1983. – 23 апреля; №1709.

³³ Там же.

³⁴ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936—1940 гг. – М.: Москва, 1997. – С. 281.

дованию окрестностей города Гродны, любил зимой кататься на коньках, летом увлекался новым тогда футболом, а когда стал постарше – гирями, разными видами борьбы и атлетикой»³⁵.

В город ежегодно приезжал цирк Принцеля с дядей Ваней Лебедевым, Поддубным и другими мастерами борьбы. И гродненские мальчишки, в теплые летние и осенние дни, «обычно в субботу и воскресенье, устраивали свои чемпионаты французской борьбы, чаще всего в пригородной лесу в Пышках или Понемуне или Лососне на берегу Немана. В качестве борцов выступали здесь Коля Куликовский, Ваня Солоневич, Олесь Дашек, Юзик Солянко, Коля Куханович и другие борцы в возрасте от 13 до 15 лет. Ваня считался одним из „силачей“. Не думая о риске, которому подвергались, мы из молодечества переплывали Неман, возились с огнестрельным оружием, преимущественно с пистолетами монтекристо, стреляли в цель. У Вани был револьвер „велодог“, заряжая который он прострелил себе указательный палец. Пуля прошла у самого сустава и застряла в оконной раме, а он долго потом возился с пальцем»³⁶.

Гродно (а тогда говорили и писали – Гродна) – городок в начале XX века хоть и губернский, но совсем небольшой, каких-то 42 тысячи жителей. И частенько семьи друзей-приятелей, переезжая с одной съемной квартиры на другую, рекомендовали знакомым свое предыдущее жилище. Благодаря этому обстоятельству мы знаем приблизительные адреса Солоневичей в Гродно. Свои воспоминания Лев Рубанов писал, уже будучи ветхим стариком, постоянно перескакивал с одной темы на другую, но из них все-таки можно заключить, что речь идет именно о 1904—1905 годах, а не о другом гродненском периоде Солоневичей (1912—1913 гг.).

Итак, свидетельство очевидца: «...они жили на Каретном переулке, среди сада, а мы перешли в ту квартиру (тут же по соседству), где Солоневичи жили перед этим, на Татарский переулок номер 4. И помню, как Костя Пушкаревич, прожив у нас два года, перешел потом на квартиру к Солоневичам»³⁷.

Все три брата Солоневича – Иван, Всеволод и Борис (или Ватик, Дик и Боб, согласно семейным прозвищам) – унаследовали от отца слабое зрение. Но в виде компенсации Господь Бог наградил всех троих природной силой. В ту пору увлечение гимнастикой, борьбой и боксом уже перестало быть привилегией столичных жителей. По всей Империи здоровая молодежь потянулась к спорту, нездоровая – подалась в революцию. Не стала исключением и белорусская окраина.

Тон спортивным занятиям в семье задавал, конечно, старший брат. Тренировался он, при отсутствии каких бы то ни было методик, примерно так: на большой палец правой руки надевал двухпудовую гирю, а остальными пальцами поддевал младшего Боба за ремень сзади – и все это выжимал в «солдатской стойке», сколько мог.

«Вскоре семья Солоневичей переехала в Вильно, – констатирует Рубанов. – Но я все это время переписывался с Ваней, не рвал связи. С шестого класса я перевелся в Сувальскую гимназию»³⁸.

Переезд в Вильно состоялся, судя по всему, в 1908 году. Увольнение Лукьяна Михайловича из канцелярии Ковенского губернатора датируется 3 января 1908-го³⁹, а регистрацию созданного при его ближайшем участии «Белорусского Общества» разрешили 6 ноября того же

³⁵ Рубанов Л. Об Иване Солоневиче // Наша Страна. – 1953. – 3 октября; №194.

³⁶ Там же.

³⁷ Рубанов Л. Памяти основателя // Наша Страна. – 1989. – 17 сентября; №1989.

³⁸ Наша Страна. – 1983. – 23 апреля; №1709.

³⁹ Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. – С. 26.

года.⁴⁰ Где-то в этом временном промежутке семья Солоневичей и проследовала по маршруту Гродно – Вильно.

Именно к данному периоду относится, кстати, стихотворение «песняра» Янки Купалы:

Ўсё саюзы ў беларусаў,
Ўсё апекуны, —
А бадай жа на іх немач!
Адкуль жа яны?!

Быў «Крестьянин», плёў «Крестьянин»
Сеткі, як павук, —
Глупства выйшла – бач, няма ўжо
За што зацяць рук.

Скуль узяўся яшчэ шэльма —
«Общество» снуе, —
«Белорусское» няйначай.
Цёмныя мае.

Саланевіч ды з кампаняй
Сцапаў гэту мысль,
А ўсё «истинным» тым духам
Смярдзіць, знай, дзяржысь.

Ох, паможа саюз гэткі
Беларусі нашай,
Як «Крестьянин», як знаёмы
У хваробе кашаль⁴¹.

Сей образец по-детски наивного творчества «белорусского Пушкина», «отца нации» и «пророка национального возрождения» (никакой иронии – эти характеристики придумали поклонники Купалы) был воспроизведен в вышедшем в 1993 году сборнике его стихотворений и статей под выспренным названием «Жыве Беларусь». Составитель и комментатор В. Рагойша снабдил «Ўсё саюзы...» разъяснением, которое, в отличие от стихотворения Купалы, требует перевода:

«Это политико-сатирическое произведение входит в цикл античерносотенных выступлений поэта (стихотворения „Врагам Белоруссии“, „Опекунам“, статья „А все ж таки мы живем!..“ и др.) В предисловии к первой публикации стихотворения („Полымя“, 1929, №3) Янка Купала писал: „Крестьянин“ издавал Ковалюк, а Солоневич позже (кажется) „Северо-Западную жизнь“. Обе газеты выходили, конечно, на деньги „Охранки“ и обе боролись с „Нашей нивой“, разумеется, и с белорусским национальным движением».

«Крестьянин» – русский шовинистический журнал, орган одноименной черносотенной организации; выходил в Вильно в 1906—1915 гг. Неоднократно выступал против белорусского национально-освободительного движения, отказывая белорусам в праве развивать их язык и литературу.

⁴⁰ Устав Белорусского общества. – Вильна, 1909.

⁴¹ Купала Я. Жыве Беларусь: Верши, артыкулы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 97.

Солоневич Л. М. (1868-?) – журналист-великодержавник, монархист. Из обрусевших белорусов. Как мог топтал свое, родное, белорусское, в том числе – белорусские периодические издания, творчество белорусских писателей, белорусскую культуру. Основанное им «Белорусское общество» отличалось шовинистично-черносотенной деятельностью⁴².

Необходимы и несколько пояснений уже с нашей стороны, так сказать, комментарии к комментариям. Светоч белорусской поэзии Янка Купала в 1914—1915 годах был редактором еженедельной газеты «Наша нива» – о ней подробнее мы поговорим дальше. А из поминаемого выше общества «Крестьянин» и выросло «Белорусское Общество», благодаря которому Лукьян Михайлович Солоневич ступил на издательское поприще.

Современным белорусским школьникам в 6-м классе предлагают «намалеваць» (то есть нарисовать) политическую карикатуру на тему: «Лука Солоневич и «Белорусское общество». Не все, конечно, меряется деньгами. Но было бы здорово, если б нашелся однажды какой-нибудь смысленый школяр и поведал своему преподавателю, что в 1913 году, при «проклятом царском режиме» и «полном угнетении белорусской нации», рядовой учитель гимназии в Минске мог купить на месячное жалованье 200 граммов золота или, например, 80 пар обуви. И тогда они вместе похочут и придумают другую, более достойную, тему для карикатуры.

Что же такого смешного увидели сторонники «независимой Беларуси» в деятельности Л. М. Солоневича? Попробуем разобраться в следующей главе.

⁴² Там же. – С. 464.

ВИЛЬНО, ГРОДНО, МИНСК

Итак, в ноябре 1908 года Л. М. Солоневич вместе с П. В. Коронкевичем, А. С. Кудерским и А. С. Вруцевичем основали в Вильно «Белорусское Общество». Лукьян Михайлович стал председателем правления, а Павел Васильевич Коронкевич товарищем, или по-современному заместителем, председателя.

Как гласил параграф первый Устава, «общество имеет целью: а) поднятие в районе Северо-Западного края культурного и экономического уровня наиболее отсталой в культурном и экономическом отношении белорусской народности, б) развитие в ней самосознания на началах русской государственности и в) примирение на почве справедливости и беспристрастия различных населяющих Северо-Западный край народностей»⁴³.

Необходимая справка: Северо-Западный край Российской Империи включал в себя шесть белорусских и литовских губерний: Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую и Могилевскую. Подавляющее большинство населения в них составляли белорусы, далее по численности следовали евреи, поляки, литовцы и др. При этом в губернских городах более половины жителей составляли евреи. А белорусы – так уж сложилось – своего дворянства и интеллигенции практически не имели. Соответственно, средства массовой информации, издававшиеся в городах, почти сплошь (за исключением изданий русской администрации и единичных органов националистов) находилась в еврейских и польских руках.

В такой ситуации без собственного печатного органа никакая организация, ориентированная на белорусскую массу, выжить не могла. И вскоре «Белорусским Обществом» была предпринята попытка выпустить свое издание.

Однако первый номер газеты «Белорусская Жизнь», увидевший свет 9 февраля 1909 года, оказался почти на два года и последним. Редактор Л. М. Солоневич и издатель А. С. Кудерский потерпели чувствительное поражение...

Если Лукьян Михайлович в это время был озабочен низким культурно-образовательным уровнем белорусов, то его сына Ивана больше занимала культура физическая. «С 1908 по 1910 год, – пишет он тридцать лет спустя, – я и мой друг – теперь полковник – Д. М. Михайлов занимались гимнастикой в вилейском польском „Соколе“ – русского не было. Обстановка была дружественной, как это бывает почти во всех спортивных организациях»⁴⁴.

Но помимо гимнастики, футбола и гирь, Ватик вынужден был посвящать немало времени и самообразованию – ведь рано или поздно надо было сдавать экзамены на аттестат зрелости. Одна латынь чего стоила! Посещал он и лекции заезжих профессоров. Одну из них, о земельном вопросе и социализме, состоявшуюся в 1908 году, И. Л. Солоневич красочно описал в своей книге «Диктатура слоя» (вторая часть «Диктатуры импотентов»):

«Зал наполнен, по преимуществу, молодежью, а так как высших учебных заведений в городе нет, то молодежь представляют, главным образом, гимназистки и гимназисты, а также то своеобразное племя тогдашней русской молодежи, которое именовалось «экстернами» – вот вроде меня. Экстернами были ребята, готовившиеся к аттестату зрелости и лишенные возможности посещать гимназию. Низовая русская интеллигенция была бедна, как социалистическая мышь, и мне приходилось, с пятнадцати лет, зарабатывать свой хлеб и «экстерничать» – был и такой глагол. Странным образом – «экстерны» были наименее революционной частью молодежи...»

⁴³ Устав Белорусского общества. – Вильна, 1909. – С. 1.

⁴⁴ Солоневич И. Л. Самое важное // Солоневич И. Л. Белая империя. – М.: «Москва», 1997. – С. 339–340.

Итак: профессор поучает, а мы, молодежь, поучаемся у профессора. Теперь, много-много лет спустя, я знаю совершенно твердо, документально, бесспорно, абсолютно, что профессор врал <...> Врал сознательно и обдуманно, для вящей славы той революции, от которой он сам же сбежал лет двенадцать спустя <...>

И, вот, в зале чей-то крик: «казаки!» Казаков, во-первых, не было, а, во-вторых, быть не могло – было время полной свободы словоблудия. Одна секунда, может быть, только сотая секунды трагического молчания и в зале взрывается паника. Гимназистки визжат и лезут в окна – окон было много. Гимназистами овладевает великий революционный и героический порыв: сотни юных мужественных рук тянутся к сотням юных женственных талий: не каждый же день случается такая манна небесная. Кто-то пытается стульями забаррикадировать входные двери от казачьей кавалерийской атаки. Кто-то вообще что-то вопит. А профессор, бросив свою кафедру, презирая все законы земного тяготения и тяжесть собственного сана, пытается взобраться на печку <...>

Положение было спасено, так сказать, «народной массой» – дежурными пожарными с голосами иерихонской трубы. Все постепенно пришло в порядок: гимназистки поправляли свои прически, а гимназисты рыцарски поддерживали их при попытках перебраться через хаос опрокинутых стульев. Соответствующий героизм проявил, само собою разумеется, и я. Но воспоминание об этом светлом моменте моей жизни было омрачено открытием того факта, что некто, мне неизвестный сторонник теории чужой собственности, успел стащить мои первые часы, подарок моего отца в день окончательной ликвидации крестьянского неравноправия. Должен сознаться честно: мне по тем временам крестьянское равноправие было безразлично. Но часов мне было очень жаль: следующие я получил очень нескоро. Потом выяснилось, что я не один «жертвой пал в борьбе роковой», – как пелось в тогдашнем революционном гимне. Не хватало много часов, сумочек, брошек, кошельков и прочего»⁴⁵.

В 1910 году Л. М. Солоневич выпускает в Вильно брошюру на 30 страниц «Новая роль польской женщины в Белоруссии и Литве», а затем, несмотря на первую неудачу, вместе с П. В. Коронкевичем (тот издатель, а Лукьян Михайлович – редактор) возобновляет выпуск «Белорусской Жизни».

«Программный номер» датирован 1 января 1911 года, через две недели газета переходит на ежедневный выпуск, «кроме дней послепраздничных».

«Внимательно следя за всеми событиями государственной и общественной жизни в России и за границей и давая им беспристрастное освещение на своих страницах, – говорилось в рекламном объявлении, помещенном на страницах справочника «Вся Вильна» на 1911 год, – «Белорусская Жизнь» главное внимание будет сосредоточивать на обслуживании местных, краевых интересов, на выяснении взаимоотношений населяющих край народностей и на примирении их на почве справедливости, ни на минуту не забывая при этом, что Северо-Западный Край – Белоруссия – есть нераздельная часть Великой России, что господствующее положение в нем должно принадлежать белоруссу – родному брату великорусса и малоросса, что в тесном единении этих трех племен залог могущества государства <...>

«Бел <орусская> Ж <изнь> начинает выходить в тот момент, когда на С <еверо> -З <ападный> Край обращены взоры всей России, когда интерес к нему проявляется во всем мире, в момент призыва к работе над устройением края местных общественных сил.

Необходимость в русском независимом органе печати в такое время крайне велика, все-стороннее освещение первых шагов деятельности зарождающихся земских учреждений чрез-

⁴⁵ Солоневич И. Л. Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. – С. 39—41.

вычайно важно в смысле направления их дальнейшей деятельности по пути поднятия умственного и экономического уровня господствующей в крае белорусской народности»⁴⁶.

Редакция признавала «безусловно вредными» все течения, стремящиеся толкнуть белорусов на путь сепаратизма, и призывала к тому, чтобы ее поддержали «все интеллигентные белорусские силы края».

Подписная цена на год составляла 6 рублей. Льготная – 4 рубля 50 копеек, она была доступна для сельского духовенства и учителей, фельдшеров, учащихся высших учебных заведений, крестьян и рабочих «при непосредственном обращении в контору». В Вильно редакция располагалась по адресу: Большая Погулянка, 18. Здесь же в квартире №5 проживала семья Солоневичей.

Именно в «Белорусской Жизни», скорее всего, состоялся и журналистский дебют Ивана Солоневича. Возможно, это были три публикации-отчета с трехдневного гимнастического праздника (два подписаны инициалами И. С., а один без подписи), появившиеся на страницах газеты в апреле 1911 года, но полной уверенности в этом нет⁴⁷.

Зато две корреспонденции, подписанные «Ив. Солоневич», уже никаких сомнений в авторстве не оставляют. Они опубликованы в «Белорусской Жизни» 11 и 28 мая, и, что характерно, обе назывались «Футбол». Так юношеское увлечение спортом (не столь принципиально, гимнастика это или футбол), которое И. Л. Солоневич пронес через всю жизнь, открыло ему дорогу в профессию журналиста.

Отец вскоре полностью сосредотачивается в своей общественной деятельности на газете и становится редактором-издателем. Это происходит в августе того же года, вместе с переименованием «Белорусской Жизни» в «Северо-Западную Жизнь». Спустя месяц П. В. Коронкевич занимает должность председателя правления в «Белорусском Обществе».

В том же сентябре 1911 года террористом был застрелен Петр Аркадьевич Столыпин, негласный покровитель Л. М. Солоневича. Как вспоминал Иван, *«когда, после убийства русского премьер-министра П. А. Столыпина, телеграф принес известие о том, что убийцей является не Дмитрий Богров, как раньше было сообщено, а Мордко Богров, нашу газету на улицах рвали в клочки – не для прочтения, а для уничтожения. И такая же еврейская толпа ворвалась в типографию. Я стрелял. Впечатление от двух или трех выстрелов, произведенных в воздух, было потрясающим. В дальнейшем оказалось достаточным просто показать револьвер...»*⁴⁸.

Скорее всего, работа Ивана Солоневича в «Северо-Западной Жизни» в этот период выполнялась все-таки не эпизодически, как об этом можно было бы заключить по его публикациям, а на постоянной основе. Наверняка отец давал старшему сыну задания готовить небольшие заметки (по тогдашнему обычаю они публиковались без подписи) и править чужие тексты.

В январе 1912 года при редакции газеты была основана «Белорусская историческая библиотека», позволявшая «всякому белорусу заглянуть в нашу историческую сокровищницу». Весомую поддержку этому начинанию оказал виленский историк и краевед Осип (Иосиф) Васильевич Щербицкий (1837—1916). Он был одним из первых учеников известного белорусского ученого М. О. Кояловича (1828—1891) и даже написал о нем воспоминания.

О. В. Щербицкий передал в дар новой библиотеке 35 томов опубликованных при его участии актов Виленской археографической комиссии, множество других документов и книг, относящихся к истории края. В одном из писем к Л. М. Солоневичу, опубликованному

⁴⁶ Вся Вильна: Адресная и справочная книга на 1911 год. – Отдел III. С. 67.

⁴⁷ И. С. Гимнастический праздник // Белорусская жизнь. – 1911. – 14 апреля; №73. Второй день гимнастического праздника // Белорусская жизнь. – 1911. – 15 апреля; №74. И. С. Третий день гимнастического праздника // Белорусская жизнь. – 1911. – 16 апреля; №75.

⁴⁸ Солоневич И. Л. Большевик и женщина // Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам!: Сб. статей. – СПб: Русиформ, 2003. – С. 37.

в «Северо-Западной Жизни», он выражал уверенность, что библиотека сослужит немалую службу белорусскому народу. «Тому народу, – писал Щербицкий, – который высокомерные родовитые и неродовитые паны называли, да и теперь называют „быдлом“, над языком которого всячески издеваются, называя его, в отличие от своего польского панского языка, языком мужицким, хлопским. Быдло это никто иной, как наш белорус – бедный, загнанный, приниженный, доведенный во времена крепостного права, во времена „панщины“ теми же гордыми своею „высокой культурою“ панами до скотского состояния; этот язык – хлопский, мужицкий – язык белорусский, мало чем отличающийся от того языка, на котором пятьсот лет тому назад предки нынешних ясновельможных и просто вельможных панов писали все свои имущественные сделки и договоры. . .»⁴⁹

В начале 1912 года пожал начальные плоды своей организационной деятельности и Иван Солоневич – состоялось первое общее собрание членов виленского гимнастического общества «Сокол». Уже не того, польского, в котором вместе с Митей Михайловым он занимался в 1908—1910 годах, а нового, русского.

Дело это казалось поначалу невероятно простым: почему же, в самом деле, не основать русского «Сокола»? Отец – редактор местной монархической газеты, и, как шептались враги, еще и субсидии от «охранки» получает за свою «русификаторскую» деятельность. Практически все чиновное население Вильны – личные знакомые.

Но оказалось, что без «хождений по мукам» никак не обойтись.

– Какое там еще общество! Зачем это? Есть гимназии, есть военное училище. . . Государство готовит из вас служащих, а не цирковых борцов. . . А нет ли там революционного душка?.. И вообще – сидите и не рассуждайте, начальство знает, что нужно и чего не нужно. . .

Так, в интерпретации Солоневича, отвечало само начальство.

Нечто похожее описывал в своей книге «Мои скитания» В. А. Гиляровский:

«Начальник охранного отделения Бердяев сказал председателю общества при встрече на скачках:

– Школа гимнастов! Знаем мы, что знаем. В Риме тоже была школа Спартака. . . Нет, у нас это не пройдет».

«Дядя Гиляй» был, между прочим, членом-учредителем Русского Гимнастического Общества, от которого ведут свою родословную русские соколы. И картина, запечатленная им в Москве конца XIX века, на белорусской окраине повторялась уже в начале века XX-го.

Вот как складывался первый организационно-спортивный опыт нашего героя:

«Лазили по генералам и искали «членов-учредителей». С помощью отца нашли пять штук. Не помогло. Отец поехал в Петербург и нажал на свои столыпинские связи, – наконец разрешили. Но денег правительство не дало, ни копейки. «Общественность» – тоже. В городе было штук десять всяких игорных и винных притонов: военное собрание, благородное собрание, купеческий клуб, полесский клуб, белорусский клуб и еще какие-то – и в них всех ежедневно проигрывались и проигрывались огромные деньги, а для «нравственного и физического внешкольного воспитания молодежи» было организовано только одно: дома терпимости. Те, кто не хотел шататься по домам терпимости, начинал шататься по всякого рода революционным подпольям.

Пока вот таким манером успел кое-как организовать «Сокол», то выяснилось, что в данном виде он не годится никуда. Его национальная идея оказалась глубоко провинциальной. Я не хочу ничего худого говорить о чехах, но все-таки ежели учиться «национальному строительству», то давайте уж мы будем учить: все-таки Империя. Методика оказалась совершенно нелепой: наш «Сокол» взял ее у Тырша, Тырш списал у немцев Яна и Гутс-Мутса – словом, к нам она попала как раз в то время, когда и сами немцы от нее отказались по полной

⁴⁹ Щербицкий О. В. Письмо в редакцию // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 6 января; №3.

ее нежизнеспособности. Нужны были реформы. Но на путях к реформам стояли вот эти самые «генералы-учредители», которые вообще ни о чем, кроме винных погребов всей Европы, никакого понятия не имели и которые стояли столбами: яйца курицу не учат. Подрываете устои.

Ничего не вышло. Молодежь в массе на «Сокол» плюнула, и он стал распадаться. Стали расти «кружки любителей спорта», футбольные лиги, легкоатлетические лиги, санитас и прочее»⁵⁰.

Как бы то ни было, а многолюдное общее собрание русского «Сокола» состоялось в субботу 21 января 1912 года в помещении городского общественного собрания. Председателем правления был избран А. А. Кон. Иван Солоневич стал одним из двенадцати членов правления. Начальником (преподавателем) общества был избран известный сокол – чех Карл Старый (впоследствии погиб в боях с большевиками на Волге; его брат Франта был выслан из СССР в 1926 году). Регулярные занятия начинались с ближайшего понедельника в зале Второй гимназии, «любезно предоставленной обществу учебным начальством»⁵¹.

Сокольское движение нуждается хотя бы в кратком представлении – в дополнение к вышеприведенной эмоциональной оценке И. Л. Солоневича. Для этого мы обратимся к данным одного из руководителей Русского Сокола в США А. Б. Сергеевского⁵².

Сокольство основано в 1862 году в Чехии тридцатилетним доктором философии и эстетики Мирославом Тыршем как орудие возрождения своего народа, находившегося под гнетом Австро-Венгрии. Это был своеобразный симбиоз патриотического воспитания молодежи и комплекса гимнастических упражнений. Постепенно система прижилась и в других славянских странах – в Словении, Болгарии, Хорватии, Сербии.

В России работа по сокольскому методу начинается в Москве в 1883 году в Русском Гимнастическом Обществе. Однако официальное признание произошло лишь в 1907 году. По инициативе П. А. Столыпина общества «Сокол» превращаются в одно из средств борьбы с революционным движением. Отныне гражданин и патриот должен быть крепким не только духовно, но и физически. Сам премьер-министр с сыном вступают в сокольство. Обвалом происходит переименование уже существующих «гимнастических обществ» в Москве, Петербурге, Одессе, Ташкенте. В сокольскую работу втягивается и военное ведомство.

Новые общества возникают повсеместно – в 1908 году: «Москва-2», «Каменец-Подольск», «Екатеринослав», «Егорьевск», «Харьков»; в 1909-м: «Чернигов» и «Полтава»; еще через год: «Воронеж», «Петербург-2», «Москва-3», «Орел», «Новороссийск», «Таганрог», «Сычев», «Новочеркасск» и так далее.

Создается Союз Русского Сокольства, издаются газеты и журналы. К началу Великой войны (Первой мировой) русское сокольство насчитывает уже 36 вступивших в Союз обществ и 22 еще не вступивших в него, но сокольских по духу. Война практически останавливает эту работу – большинство соколов уходит на фронт.

После революции русское сокольство возродилось в эмиграции, а в 1990-е годы вновь появилось и в России.

Созданное в 1912 году в Вильно общество, таким образом, влилось в общероссийскую систему, которая на тот момент еще только начинала складываться, но имела уже довольно обширную географию в рамках Империи.

Вскорости, впрочем, сокольские дела для Ивана Солоневича отошли на второй план: наступило время сдавать экзамены на аттестат зрелости. Гимназию он выбрал Вторую Вилен-

⁵⁰ Солоневич И. Л. Самое важное // Солоневич И. Л. Белая империя. – М.: «Москва», 1997. – С. 340.

⁵¹ В «Соколе» // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 22 января; №18.

⁵² Сергеевский А. Б. Организация «Русский Сокол» и ее деятельность в Югославии (1922—1941): Доклад на международном симпозиуме «Русская эмиграция в сербской и других славянских культурах». <http://www.sokolrussia.ru/rsvoy.htm>

скую – то ли потому, что по сокольским делам был знаком с учебным начальством, то ли исходя из тех соображений, что прием прошений о допущении экстернов к экзаменам на аттестат зрелости там заканчивался на месяц раньше⁵³, чем в Первой гимназии⁵⁴. Ведь, значит, и сами экзамены – гора на плечах – можно было сдать быстрее.

Собственно говоря, обе гимназии располагались в одном комплексе зданий упраздненного университета. Первая занимала бывшее главное здание, а Вторая – флигель (здание постройки второй половины XVI века). Гимназия находилась на узенькой, но очень оживленной Замковой улице, в самом центре города. Самым известным ее выпускником за все время существования стал Мстислав Добужинский, театральный художник. Первая Виленская тоже внесла свой вклад в мировую историю, трагический уже не по-театральному, – ее закончил будущий палач русского народа Феликс Дзержинский.

В «Свидетельстве», выданном И. Л. Солоневичу 7 июня 1912 года (хранится в материалах студенческого дела), сказано, что «испытания зрелости» он выдерживал с 30 апреля по 6 июня.

По шести предметам (Закон Божий, законоведение, история, география, немецкий и французский языки) он получил отметку «хорошо». И по шести – «удовлетворительно», такой оценки заслужили его знания по математике, математической географии, физике, философии, а также по латыни и дисциплине под названием «русский язык и словесность». Две последние «тройки» были особенно обидны, во многом именно из-за них картины экзаменационной поры врезались в память на всю жизнь⁵⁵.

Директор гимназии, по свидетельству Солоневича, был латинистом и вообще «классиком» (кстати, фамилия его Кизеветтер – возможно, родственник историка, одного из лидеров партии кадетов), а потому на латинский язык пришлось нажимать по-настоящему.

«Странно, что я занимался им не без удовольствия: ни тогда, ни позже никогда за всю мою жизнь он мне решительно ни к чему не был нужен, – вспоминал И. Л. — Но я совершенно свободно читал любую книгу и до сих пор, то есть почти сорок лет спустя, я еще знаю наизусть две-три оды Горация, две-три страницы Овидия и даже страничку-две Цезаря. Но моя память устроена так, что никакой грамматики я вы зубрить не могу. Русской грамматики я не знал никогда – и сейчас имею о ней только самое отдаленное представление <...>

Итак, стою я. Передо мной – синедрион экзаменационных классиков, латинистов, грамматиков и словесников. К моему латинскому языку придаться нет никакой возможности. К моему русскому – тоже. Мои статьи к этому времени цитировались уже и в столичной печати, следовательно, кроме всего прочего, оставалась угроза того, что в той же печати я смогу обругать и грамматиков, и риториков, и словесников. А ни одной грамматики я не знаю никак. Меня спросили: что я могу сказать о правописании деепричастий? Я ничего утешительного сказать не мог. Создалось положение, непредусмотренное никакими уставами средне-учебных заведений. Я твердо стоял на том, что те цели, которым, – по этим уставам, – должно удовлетворять мое знание и латинского и русского языков, и «выполнены и перевыполнены», как мы бы сказали после пятилеток. Мой директор развел руками и сказал:

– Да, но не теми путями, которые были предусмотрены программой...

В общем, мне по латинскому и по русскому языку поставили по тройке. Срезать совсем – было бы неудобно. Может быть, и рискованно: стоит этакий щелкопер, бумагомарака проклятый – и вот возьмет и в газетах обругает. Но я нацеливался на Политехнический Институт. Туда принимали только по конкурсу аттестатов. Как раз в этом институте ни рус-

⁵³ Местная хроника // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 14 апреля; №87.

⁵⁴ Местная хроника // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 15 апреля; №88.

⁵⁵ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, №61273, л. 11.

ская, ни латинская грамматика были решительно не нужны. Но как раз в политехникум я и не попал»⁵⁶.

Ради справедливости надо отметить, что, говоря о гимназическом «тихом ужасе» своего времени, И. Л. Солоневич признавал, что в те годы, когда учились его братья, то есть всего несколько лет спустя, русская гимназия до неузнаваемости далеко шагнула вперед.

Сегодня довольно трудно представить себе, что это такое: сдавать гимназические экзамены экстерном в начале XX века. Возможно, хотя бы приблизиться к пониманию поможет текст одного только билета по истории:

«Русская история: Павел I. Новые постановления, меры ограничения помещичьей власти, постановления о цензуре. Итальянский поход Суворова. Александр I. Нашествие Наполеона. Отступление Барклай. Битва при Бородине. Взятие Москвы. Отступление великой армии и Венский конгресс. Министерства. Государственный Совет. Сперанский. Училища. Крестьяне. Свободные хлебопашцы. **Древняя история:** Помпей. Спартанская война. Красс. Восстание рабов. Спартанцы. Цицерон. Заговор Катилины. Юлий Цезарь и I Триумvirат. Борьба с галлами. Борьба Цезаря с Помпеем. Борьба Цезаря в Пиферсале. Александрийская война. Диктатура и смерть Цезаря. Исправление календаря. Октавиан и II Триумvirат. Октавий, Антоний, Лепит. Правление Октавиана-Августа. **Средняя история:** Византийский и романский стили. **Новая история:** Людовик XVIII. Конституционная хартия. Июльская революция. Карл X, его свержение. Людовик Филипп, переворот 1848—1849 годов. Гизо. Провозглашение Республики. Людовик Наполеон. Президент Республики».

Не правда ли, содержание одного-единственного экзаменационного билета царского времени не многим уступает по объему оглавлению современного учебника истории? Отвечать на него ученик выпускного класса гимназии должен был в течение часа.

Итак, Политехникум для Ивана отпадал автоматически. И Солоневич решается подать документы на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Рассуждал он примерно так: никакого толку при моем косноязычии, конечно, не выйдет, но общее образование, необходимое для работы журналистом, получу.

Однако же до подачи документов в университет было далеко – целое лето. Отец еще весной перебрался в Гродно (с 3 мая 1912 года «Северо-Западная Жизнь» сменила прописку), надо было ехать помогать ему в газетном деле. Тем более что во время переезда из Вильно прямо в вагоне поезда скончался секретарь редакции отцовской газеты Иван Андреевич Петерсон, отставной штабс-капитан, сотрудник многих, в том числе и столичных изданий, включая суворинское «Новое Время»⁵⁷.

В состав делегации виленского русского «Сокола» на шестой всеславянский сокольский съезд в Праге Иван Солоневич, в отличие от некоторых других членов правления, не попал, и с легким сердцем отправился в Гродно.

Лето 1912 года для двадцатилетнего Ивана Солоневича стало, возможно, одним из самых безоблачных в его жизни. Позади гимназия, впереди блистательный Санкт-Петербург и яркие студенческие годы, а уже сейчас – серьезная должность в большой ежедневной газете. Да еще и лучший друг детства приехал!

В очередной раз обратимся к воспоминаниям Льва Рубанова:

«Но вот, в 1912 году я окончил Сувальскую гимназию и приехал домой в Гродно. Сюда же переехали и Солоневичи, так как Лукьян Михайлович перевел сюда редакцию «Северо-Западной Жизни». Редакция помещалась на Муравьевской (Садовой) улице, угол Телеграфной, около моста на Городчанку, против Швейцарской Долины, которую звали попросту Брехалкой.

⁵⁶ Солоневич И. Л. Народная Монархия. – М.: Феникс, 1991. – С. 352—353.

⁵⁷ Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 3 мая; №100.

Сдав экстерном экзамены на аттестат зрелости, Ваня поступил, как и я, на юридический факультет Петербургского университета, но пользуясь тем, что тогда можно было являться в университет только для сдачи очередных зачетов, затягивал летние каникулы на полгода, работая в редакции отцовской газеты в качестве секретаря редакции и пописывая временами передовицы. Мои первые опыты в газете заключались в том, что я писал театральные рецензии о спектаклях драматической труппы баронессы Розен, подвизавшейся в это время в Гродненском театре, давал иногда хроникерские заметки.

Жили Солоневичи в это время, если не ошибаюсь, на Каретном переулке в доме с большим садом. Отдаваясь в редакции журнальной работе, Ваня дома продолжал интересоваться гирями, гимнастикой, футболом и др. видами спорта, отличаясь для своего возраста исключительной силой»⁵⁸.

Редакция и контора «Северо-Западной Жизни» в Гродно располагалась на Муравьевской улице, на втором этаже дома Библина (ныне это здание аптеки по улице Ожешко).

Перенос издания из Вильно в Гродно Лукьян Михайлович мотивировал так: Вильна если и является центром Северо-Западного края, то центром административно-политическим, а никак не географическим. Следовательно, газета, издаваемая в Вильне, доходит до белорусских окраин с запозданием. Существенным аргументом являлось также и то, что в Гродненской губернии на тот момент не было ни одного русского органа печати. В преддверии выборов в четвертую Думу такое положение вещей грозило националистам полным фиаско. А ведь еще в Вильно Л. М. Солоневич стал одним из организаторов местного отделения Всероссийского национального союза. В феврале 1912 года он вышел из «Белорусского Общества», которое «уклонилось от участия в организации формирующегося в Вильне национально-русского предвыборного комитета»⁵⁹, сложив с себя звание члена правления. В апреле его примеру последовали другие ведущие члены общества, стоявшие у его истоков: А. С. Вруцевич, А. С. Кудерский и старший брат Л. М. Солоневича – Степан Михайлович⁶⁰.

Об общественной деятельности последнего известно также, что в 1912 году он состоял членом правления общества «Крестьянин», а также кандидатом в члены правления Общества взаимного вспомоществования учащихся и учившим в народных училищах Виленской губернии. Во время отъездов Лукьяна Михайловича по делам (в Петербург или, например, в Киев на открытие памятника Столыпину) Степан Михайлович оставался за редактора-издателя «Северо-Западной Жизни».

Иван же, помимо исполнения функций секретаря, начинает и активное занятие публицистикой, оттачивая свое перо на наиболее близкой ему спортивной тематике. С 5 мая по 22 июля в Стокгольме прошла V Олимпиада. Российская Империя дебютировала на Играх, и дебют этот закончился громких провалом. Вся русская печать, не только специализированные спортивные, но и «серьезные» издания, обсуждали причины неудачи. Не осталась в стороне и провинциальная пресса.

В «Северо-Западной Жизни» за подписью «Ись» появилась статья об Олимпиаде. Псевдоним расшифровывается легко – убираем поставленную в конце по правилам старой орфографии букву «ер» (твердый знак), и остаются инициалы Ивана Солоневича. Вот его размышления:

«Спорт существует у нас без году неделю, до сих пор никто не придавал ему серьезного значения в деле оздоровления нации, да и теперь многие смотрят на него, как на забаву людей, которым некуда девать свободного времени, сил и денег <...>

⁵⁸ Рубанов Л. Об Иване Солоневиче // Наша Страна. – 1953. – 3 октября; №194.

⁵⁹ Заявление члена правления «Белорусского общества» Л. М. Солоневича председателю общества г. Коронкевичу // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 7 марта; №55.

⁶⁰ В «Белорусском обществе» // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 4 апреля; №78.

Результаты всего этого ярко проявились на олимпийских играх. Из 17 наций, принимавших участие в благородном соревновании, Россия, крупнейшее государство Европы, заняла одно из самых последних мест, позади маленьких Бельгии, Дании, Финляндии.

Этот чувствительный и заслуженный щелчок нашему национальному самолюбию усилился еще поражением, нанесенным в Москве венграми нашим футбольным командам «Вся Москва» (9:0) и «Вся Россия» (12:0).

Но, слава Богу, гром, грянувший с стокгольмского олимпийского стадиона, заставил перекреститься наших мужиков и теперь, мы думаем, что наше общество охотнее, чем раньше, пойдет навстречу правительству и тем, пока очень немногим организациям, которые стараются насадить «здоровую волю в здоровом теле»⁶¹.

Под тем же псевдонимом в течение июля Иван публикует несколько корреспонденций о предполагавшемся, но несостоявшемся закрытии трека гродненского общества для содействия физическому развитию учащейся молодежи, а также ряд полемических фельетонов по еврейскому вопросу.

Выходила в Гродно газета «Наше Утро», ее издавал владелец типографии Иосель Мейлахович, а редактировал его сын, студент Психоневрологического института. Сегодня «Наше Утро» назвали бы типичным представителем «желтой прессы». С одной оговоркой: тираж был крайне невелик. Пикирование с правой националистической «Северо-Западной Жизнью» являлось, по-видимому, одним из средств этот тираж поднять, благо евреи в Гродно составляли в начале XX века 60% постоянного населения.

Так вот, «Наше Утро» нападало на газету Солоневичей с совершенно бульварными замашками. Про Лукьяна Михайловича печатали, например, такие высокохудожественные стихи, написанные не только в стиле, но и в размер «Гаврилиады» из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова:

На зло естественным законам
Он в мир пришел и удивил,
Родился он хамелеоном
И человеком вместе был!
Менял свои он убежденья.
Их, как перчатки он менял.
И брал за то вознагражденья,
За то подачки получал...

Далее – в том же духе. Лукьяну Михайловичу оставалось только иронизировать: «И талантливый же, право, народ евреи. Попробуйте, вот, сочините подобные стихи. Куда вам!»⁶²

Иногда, впрочем, оппонентам все-таки удавалось вывести из себя «погромщиков и черносотенцев». И тогда «Ись» мог выдать и такое:

«Еврейская национал-субсидийная газетка «Наше Утро» недовольна статьей г-на Низяева (имеется в виду статья «Национализм и прогрессивность», опубликованная в номере от 7 июля 1912 г. – И. В.). Во-первых, статья скучна и написана небойким пером, затем показывает незнание классической древности. Но это еще что! Г. Низяева уличают в порнографии и революционности – вот где зарыта собака.

⁶¹ Ись <Солоневич И. Л.>. К пятой олимпиаде // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 10 июля; №155.

⁶² Солоневич Л. М. Что сей сон значит? // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 22 июня; №145.

На счет бойкости, конечно, где уж г. Низяеву тягаться в беспардонности с коммивояжерами из «Утра из наших» – не всем же быть Дельтами, но «революционность» «Северо-Западной Жизни» возмущает наших друзей с Мариинского переулка до глубины души.

В самом деле, странно, ведь, подумать, националист и туда же с суконным рылом в калашный ряд.

Прогрессивность!

Это называется – отнимать у бедных еврейчиков хлеб с маслом.

До сих пор прогрессивность, как и торговля, – были в полном распоряжении у евреев и вдруг – о ужас – конкуренция!

Как тут не возмущаться

Что доброго дойдут еще до национализации прогресса, и тогда... Кто знает, что будет тогда.

И «Утро из наших» – кричит.

«Вы думаете это прогрессивность? Пхэ! Настоящая прогрессивность только у нашей фирмы Мейлахович и Ко. Единственное представительство для Гродны – у нас. Просто от гаишпадина Винавера. Чтобы мы так жили. Вы думаете – у них прогрессивность! Пхэ! Какая это прогрессивность! Купите – ей-Богу, месяц не поносите! Чтоб я так здоров был. У нас самая заграничная: смотрите, нате вам фабричная марка «ев-рей-ское рав-но-пра-вие».

«Это уж будьте себе шпыкойно – первый сорт. А то что! – каково-то русскаво фабрикации. У них и шпещалистов по прогрессивности нет».

Гармидер еврейского комми вполне понятен: сильнейшее оружие в борьбе против нарождающейся русской национал-демократии, обвинение ее в реакционности, ускользает из рук.

«Ну чем ми теперь будем торговать?»⁶³

Еврейский вопрос в предреволюционной Белоруссии был только одной частью знаменателя, вторую составлял вопрос польский. В числителе, понятно, была судьба русской нации. Соотношения данной дроби во многом определили политическую арифметику на долгие десятилетия.

Официальная, то есть русская имперская, государственная, наука стояла на своей собственной, не подсказанной никакой западной философией, точке зрения. Согласно которой для самоидентификации восточно-славянского этноса основным критерием является вероисповедание. В силу этого всех представителей данного этноса, невзирая на некоторые различия в говорах его субэтносов, считали русскими.

В так называемых интеллигентских кругах, которые ни к науке, ни к ее проявлениям не имели никакого отношения, господствовал иной взгляд. Основной критерий – чтобы было «передовое» и «революционное».

Представители униатско-католической культуры в таком контексте становились участниками «национально-освободительного движения». Ну как же, налицо классический марксистский подход: и антирусскость, и борьба с царизмом, и разрушение «тюрьмы народов».

Таким образом, одобрение претензий униатско-католического меньшинства Белоруссии и Украины на национальную самобытность в глазах передовой интеллигенции становилось хорошим «прогрессивным» тоном. Все остальное – несмотря на объективность, государственные интересы и прочее – это черносотенство, ретроградство и прочее «отжившее, прогнившее и безнадежно устаревшее».

Это противостояние наложило свой отпечаток на мировоззрение Ивана Лукьяновича Солоневича. Что особенно ярко отразилось в его отношении к дворянскому сословию. Вновь цитата, еще более длинная, чем прежние, но зато и многое объясняющая:

⁶³ Исх. Конкуренция: Маленький фельетон // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 11 июля; №156.

«Политическая расстановка сил в довоенной Белоруссии складывалась так. Край, сравнительно недавно присоединенный к Империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика, русского там не было почти ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа, и интересы России. Тышкевичи, Мицкевичи и Сенкевичи – они все примерно такие же белорусы, как и я. Но они продались. Народ остался без правящего слоя. Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии, даже без пролетариата и без ремесленников. Выход в экономические верхи был начисто заперт городским и местечковым еврейством. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции. Наша газета опиралась и на эту интеллигенцию, так сказать, на тогдашних белорусских штабс-капитанов: народных учителей, волостных писарей, сельских священников, врачей, низшее чиновничество. Приходилось бороться на два фронта. Эта масса была настроена революционно. Нужно было ей доказать, что только в борьбе с еврейством и полонизацией, только в опоре на империю и на монархию она может отстаивать свое политическое, экономическое и всякое иное бытие. Борьба была очень трудна. Было очень трудно доказать читателям Чернышевского, Добролюбова, почитателям Аладьина, Родичева и Милокова тот совершенно очевидный факт, что ежели монархия отступит, то их, этих читателей, съедят евреи и поляки. Что только в рамках империи и монархии эти люди могут отстаивать свое национальное бытие. Это было доказано. Белорусская интеллигенция была сдвинута на национально-имперскую точку зрения.

Доказывать очень простые вещи было чрезвычайно трудно. Русская бюрократия была, так сказать, государственно тупоумна. У нее не было ни национального чутья, ни самых элементарных познаний в области экономических отношений. Ее положение было чрезвычайно противоречивым. Вот губернатор. Он обязан поддерживать русского мужика против польского помещика. Но сам-то он – помещик. И помещный пан Заглоба ему все-таки гораздо ближе белорусского мужика. У пана Заглобы изысканные манеры, сорокалетнее венгерское и соответствующий палац, в котором он с изысканной умильностью принимает представителя имперской власти. Губернатору приходится идти **или** против нации, **или** против класса. Петербург давил в пользу нации. Все местные отношения давили в пользу класса. Польский виленский земельный банк с его лозунгом «Ни пяди земли холопу» запирали для крестьянства даже тот выход, который оставался в остальной России. Белорусское крестьянство эмигрировало в Америку. Вы подумайте только: русский мужик, который сквозь века и века самого жестокого, самого беспощадного угнетения донес до Империи свое православие и свое национальное сознание, он, этот мужик, вынужден нынче бросать свои родные поля только потому, что еврейство (неравноправное еврейство!) и Польша (побежденная Польша!) не давали ему никакой возможности жить на его тысячелетней родине. И еще потому, что губернаторы были слишком бездарны и глупы, чтобы организовать или землеустройство, или переселение. На просторах Российской Империи для этого мужика места не нашлось.

Тогдашняя наша газета была такой же боевой, как и нынешняя. Но у моего отца была маленькая слабость, которой я лишен начисто, – почтительность к губернаторскому мундиру. У отца хватило смелости в ответ на предложение взятки набить морду графу Корвин-Милевскому, да еще и вызвать этого графа на дуэль. Если бы эта дуэль состоялась, то у отца не было бы никаких шансов на победу: ни о пистолете, ни о шпаге он не имел никакого понятия. Но граф заявил, что он с мужиком драться не станет, и уехал в Ниццу... Но когда возникали конфликты такого рода – конфликты между поляком, но помещиком и русским, но мужиком, – губернаторы пытались стать на сторону помещиков – почти без всякого исключения – и пытались отца распекавать. Отец конфузился, извинялся и продолжал вести свою линию. В Петербурге была широкая спина Петра Аркадьевича, и, собственно говоря, на губернаторов можно было наплевать. Сие последнее открытие сделал я лично,

когда во время одного из конфликтов к минскому губернатору Г. пошел я сам. Я был в те времена семипудов, косноязычен и, как и сейчас, до чрезвычайности решителен. Я собрал в кулак всю силу нехитрой своей выразительности и заявил что-то вроде того, что в таком тоне я разговаривать не желаю и ему, губернатору, не позволю. И что ежели он, губернатор, позволит себе еще раз такие нажимы, то он, губернатор, вылетит в два счета. Губернатор смяк молниеносно, стал шелковым, как дессу, и больше действительно ни во что не лез. <...>

Вильно, Гродно, Минск – это были военно-чиновничьи города. Было много друзей-офицеров. Но было много и друзей-солдат. И военный быт я знаю неплохо. Но знаю его с двух точек зрения или, точнее, с трех: с официально-елейной, с офицерской и с солдатской»⁶⁴.

В этом мемуарном отрывке (написанном Иваном Лукьяновичем через четверть века в эмиграции) налицо так называемый временной сдвиг. «Широкой спины Петра Аркадьевича» в марте 1913 года, когда Солоневичи перебрались в Минск, уже не было.

Фамилия же губернатора, действительно, начиналась в букву «г» – этот пост в 1913—1915 годы занимал Алексей Федорович Гирс (1871—1949).

Что простительно мемуаристу – не дозволено биографу. А посему постараемся оставаться в рамках известных нам фактов, если же появится необходимость прибегать к каким-то путешествиям во времени, то всегда будем делать соответствующие оговорки.

В августе 1912 года Иван Солоневич отправляется в Санкт-Петербург – поступать в университет. О его студенческой жизни мы расскажем в отдельной, пусть и небольшой, главе. Это немного нарушит последовательность изложения событий, но зато сохранит в целостности такое понятие, как «белорусский период», и позволит непрерывно осветить работу Ивана Лукьяновича в «Северо-Западной Жизни». Опять же, текущая и следующая за ней главы нашего повествования и без университетской эпопеи должна вместить в себя великое множество фактического материала. Существует и еще одно оправдательное обстоятельство: в те годы, как свидетельствует Лев Рубанов, летние студенческие каникулы растягивались на пять-шесть месяцев⁶⁵. А были ведь еще и зимние. Таким образом, нельзя сказать, что Иван Солоневич учился в Петербурге, а на родине появлялся лишь наездами. Совсем наоборот: большую часть года он проводил в Белоруссии, а в столицу Империи наведывался по университетской необходимости.

Итак, 31 августа наш герой подает прошение о зачислении на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Среди документов, подшитых в студенческом деле, имеется справка, датированная 18 августа 1912 года и выданная отделением Министерства Внутренних дел Гродненской губернии:

«Вследствие ходатайства крестьянина Ивана Лукьяновича Солоневича <сообщается, что он> за время проживания в Вильне ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был».

И тут же приписка: «по имеющимся сведениям Солоневич состоит под надзором полиции по обвинению в пр <еступлении> 285 ст <атьи> Уложения о Наказаниях за оскорбление действием почтово-телеграфного чиновника при исполнении последним служебных обязанностей»⁶⁶.

Силушка по жилушкам, это понятно. Но, скорее всего, господин почтово-телеграфный чиновник просто-напросто помешал журналисту Солоневичу исполнить профессиональный репортерский долг. Тем более, что почти аналогичный случай, хотя и без мордобоя, произошел летом 1913 года. По сообщению «Минской газеты-копейки», 9 июля в камере городского

⁶⁴ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936—1940 гг. – М.: Москва, 1997. – С. 275—277, 280.

⁶⁵ Рубанов Л. Памяти основателя // Наша Страна, Буэнос-Айрес. – 1988. – 17 сентября; №1989.

⁶⁶ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, №61273, лл. 24, 24об.

судьи 4-го участка слушалось дело по обвинению сотрудников «Северо-Западной Жизни» Г. Я. Михалюка и И. Л. Солоневича в том, что они нарушили статью устава о наказаниях, воспрепятствующую хождению по железнодорожному пути.

«Г. г. Михалюк и Солоневич, – пишет «Копейка», – узнав о крушении на ст <анции> Минск прошли на линию узнать подробности происшествия.

Здесь их неприветливо встретил пом <ощник> нач <альника> депо Сухарев и передал жандарму для составления протокола.

Г. г. Михалюк и Солоневич приговорены к 10-и р <ублям> штрафа каждый с заменой двухдневным арестом»⁶⁷.

Отъезд Ивана в Санкт-Петербург, с одной стороны, осложнил издательскую деятельность его отца, но с другой – «Северо-Западная Жизнь» теперь могла выйти за рамки телеграфных сообщений в освещении событий общероссийского масштаба, имея в столице пусть и не постоянного, но «собственного корреспондента». И 18 сентября на ее страницах появляется материал об изменениях в жизни студенчества после реформы министра просвещения Л. А. Кассо. Статья называлась «Академические перспективы» и имела подзаголовок в скобках «от нашего петербургского корреспондента». Подпись под ней вполне красноречива: «Новоселковский» (если кто забыл, Лукьян Михайлович родился в деревне Новоселки, а его сыновья частенько проводили там лето). Последние сомнения относительно авторства развеиваются после того, как одна из публикаций в ноябре того же года завершается автографом: «Ив. Сол. (Новоселковский)»⁶⁸.

Столичная жизнь накладывает свой отпечаток: Иван Солоневич резко расширяет тематический спектр своей публицистики. Внешнеполитические коллизии и поистине мировые проблемы становятся главными информационными поводами корреспонденций студента-первокурсника.

Названия говорят сами за себя: «Европа и Балканы», «Польско-еврейская распря», «Drang nach Osten», «Балканский кризис», «Будущность еврейства», «Русская точка зрения»... В период с декабря 1912 года по март 1913-го публикации идут с максимальной частотой, по две-три в неделю. «Румыния и Австрия», «Ответ Порты», «Австро-русские отношения», «Скутари», «Новые вооружения», «Петербург и Адрианополь» – все эти статьи и очерки, вышедшие из-под пера Ивана Солоневича, дышат атмосферой первой и второй балканских войн, в них можно разглядеть и грозное предчувствие надвигающейся Мировой войны.

Весной 1913 года редакция «Северо-Западной Жизни» вновь меняет дислокацию. Номер от 27 февраля стал последним вышедшим в Гродно. С 9 марта газета стала выходить в Минске. Основная причина – прекращение издания «Минского Русского Слова», ежедневного органа Всероссийского союза националистов. Подписчикам «Слова» в качестве компенсации стала рассылаться «Северо-Западная Жизнь».

Гродненский период, несмотря на свою краткость, был ярким и запоминающимся. Неслучайно в энциклопедическом справочнике «Гродно», вышедшем в 1989 году в издательстве «Белорусская советская энциклопедия», газете посвящен небольшой, но вполне красноречивый очерк. В нем, естественно, сообщается, что «Северо-Западная Жизнь» относилась к «великодержавно-шовинистическому направлению». И, кроме того, выдается следующая информация:

«Газета получала гос. субсидию, была неофициальным правительственным органом в Белоруссии и Литве. Используя тактику идейно-политической мимикрии, ее руководители сначала подделывались под издателей национально-прогрессивного демократического направления. Газета отрицала этническую, национальную и культурную самостоятельность

⁶⁷ В суде: Характерное дело // Минская Газета-Копейка. – 1913. – 10 июля; №321.

⁶⁸ Ив. Сол. (Новоселковский) <Солоневич И. Л.> Маска сброшена // Северо-Западная Жизнь. – 1912. – 23 ноября; №264.

белорусского народа, признавая только его временные и незначительные этнографические особенности. Выступала за насильственную и «добровольную» русификацию белорусов. С целью общественно-политической дискредитации освободительного и культурно-национального движения называла белорусов отсталым малокультурным «русским племенем». Делала попытки использовать авторитет русской классической литературы в шовинистических целях, вела нападки на критический реализм в литературе, музыке, изобразительном искусстве, на произведения Л. Толстого, Л. Андреева, К. Бальмонта. С реакционно-охранительских позиций критиковала символизм и футуризм. Выступала с нападками на гродненскую либерально-буржуазную газету «Наше утро»⁶⁹.

По поводу субсидий мы уже отмечали, что имелись в виду личные средства П. А. Столыпина, а после его гибели, очевидно, помощь кого-то из петербургских националистов. О том, что из себя в действительности представляла газета «Наше Утро», также можно было узнать выше.

В общем и целом, из казенной советской характеристики легко вынести представление о том, что «Северо-Западная Жизнь» была подлинно-русской газетой, стоявшей накануне революции на страже Империи, Монархии и Православия.

В Минске редакции и контора вначале расположились в доме Мейерсона (№27) по Подгорной улице, а газета печаталась в электро-типографии А. Г. Данцига, которую арендовали Л. М. Солоневич и один из его ближайших сотрудников И. В. Терлецкий. Через год, после того, как была достигнута договоренность о печатании «Северо-Западной Жизни» в электро-типографии С. А. Некрасова (Захарьевская, 54), редакция разместилась по соседству с ней – в доме Минковского, располагавшемся по адресу: Богдельная, 38. Сегодня Богдельная носит название, данное ей при советской власти, – Комсомольская, и, как и век назад, является одной из центральных улиц Минска.

Итак, на календаре – образцово-показательный 1913-й, год трехсотлетия Дома Романовых, последний мирный год старой России. И – мирные развлечения. В том числе – продолжение полемики с еврейской и польской печатью. Теперь в качестве одного из главных ее субъектов становится другой бульварный листок – «Минская Газета-Копейка».

Подводя 1 января 1914-го итоги года минувшего, некто, скрывшийся под псевдонимом Армь, отметил переезд «Северо-Западной Жизни» в Минск как одно из событий месяца марта. Шутливо-издевательская форма всемерно приветствовалась на страницах «Копейки»:

Все кошки вылезли на крышу...
И Солоневич вылез: – Слышу!
Закрото «Слово»! Буду я
«Жизнь» издавать для вас, друзья!»
И издавать он стал сначала...
Но – правый стан вдруг поднял крик:
«Жизнь» вони той не издавала,
К которой Минск давно привык...
«Жизнь» – и приют для вытрезвленья
Открыты в месяце одном...
(Полны глубокого значенья
Не только грезы и виденья,
Но все – что видим мы кругом!)⁷⁰

⁶⁹ Гродно: Энциклопедический справочник. – Мн.: Беларус. сов. энцикл., 1989. – С. 352—353.

⁷⁰ Армь. Минск в 1913 году: Фельетон // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 1 января; №493.

Другим вполне мирным развлечением был, конечно, спорт. Далеко не все так серьезно относились к нему, как Иван Солоневич, который летом 1913 года навсегда вошел в историю... белорусского футбола.

Согласно наиболее авторитетному источнику – книге Д. Болдырева и А. Кострова «Футбол Белоруссии»⁷¹ – на территории современной Республики Беларусь начали играть в футбол благодаря господину А. Либману. Он, известный в Киеве футболист, был переведен по службе в Гомельское отделение Орловского банка. Именно Либман приобщил к новой игре учащуюся молодежь, и к осени 1910 года образовалась «Первая гимназическая футбольная команда».

В 1913 году футбол пришел в Минск. В мае газеты поместили объявления о том, что «городские власти приняли решение относительно выделения участка земли для игры в футбол в Минске на Кошарской площади» (сейчас это территория между Красноармейской улицей и рекой Свислочь, где находится станкостроительный завод имени Кирова).

Наконец, в городе объявили: «29 июня, на Кошарской площади, в случае хорошей погоды, состоится ПЕРВОЕ футбольное состязание между студенческими командами „Олимп“ и „Макоби“. Публика уведомляется: начало игры – в 4 часа дня. До игры и в течение перерыва будет выступать Минский Оркестр Отдела пожарной охраны».

На следующий день после матча, 30 июня, появились репортажи:

«Вчера на футбольной площадке Кошарского поля при значительном стечении публики, которая разместилась на специально изготовленных скамейках, состоялся матч между командами «Олимп» и «Макоби». Результат 3:0 в пользу «Олимпа».

Судить матч любезно согласился г. Солоневич. По его свистку на площадку выбежали команды. Игроки «Олимпа» были в красных майках и синих трусах, а игроки «Макоби» в белых майках и черных трусах. На ногах игроков были гетры и специальная для игры обувь. Подброшенной вверх монетой были разыграны ворота и право первого удара по мячу»⁷².

Как видим, ни имени, ни инициалов в отрывке из газетной публикации не указано. Кто же из Солоневичей был арбитром первого футбольного матча в Минске? Лукьяну Михайловичу уже давно перевалило за 40, о его увлечении футболом и спортом вообще нигде и никаких данных не приводится. Да и положение редактора-издателя, наверное, в те годы не позволяло всерьез заниматься «мальчишескими играми».

Средний и младший сыновья, Всеволод и Борис, – еще гимназисты, причем учатся в той же Второй Виленской гимназии, где получал аттестат зрелости Иван. Подтверждение чему находим, например в местной спортивной печати. Так, в информации журнала «Спорт» о футбольной встрече между командами гимназии Катхе и Второй гимназии в составе последней (победившей, кстати, со счетом 2:0), находим двух Солоневичей. Один играл на позиции бека (защитника), другой – форвардом. Инициалы футболистов-гимназистов не приводятся, только фамилии, по обычаю того времени они различаются как Солоневич I и Солоневич II⁷³. Однако никаких сомнений быть не может – это Дик и Боб (Всеволод и Борис).

Так что обязанности рефери в том памятном минском матче, исполнял Ватик. То, что опыт судейства у него был, доказывает более поздняя публикация в минской «Копейке». В письме в редакцию рефери матча между командой города Ратомка и тем же «Олимпом» Иван Солоневич опровергает напечатанную газетой накануне информацию о том, что ратомчане проявили негостеприимство, есть минчанам не дали и на ночлег не пустили. «К просьбе ратомчан об опровержении присоединяется и команда «Олимп», – заключает автор письма⁷⁴.

Как говорится, вопрос исчерпан.

⁷¹ Болдырев Д. М., Костров А. И. Футбол Беларуси. – Мн.: Польша, 1990. – 160 с.

⁷² Там же. – С. 6–7.

⁷³ Футбольные матчи 23, 24, 25, 31 марта сего года: (Поле гимназии Н. А. Виноградова) // Спорт: Еженедельный журнал, посвященный всем видам спорта. Вильна. – 1913. – №4; 4 апреля. – С. 4.

⁷⁴ Солоневич И. Письмо в редакцию // Минская Газета-Копейка. – 1913. – 3 августа; №345.

РУХНУЛИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

После всероссийских торжеств по случаю 300-летия Дома Романовых первым по общественному резонансу событием 1913 года был процесс по делу Бейлиса, который проходил с 24 сентября по 28 октября в Киевском суде.

Еще в марте 1911 года в Киеве был найден убитым двенадцатилетний мальчик Андрей Ющинский, тело которого было обескровлено в результате сорока семи колотых ран. «Кровавый навет» пал на евреев, точнее на одного из них – служащего кирпичного завода Менделя Бейлиса. Молва утверждала, что мальчика убили в целях использования его крови для ритуальных обрядов.

Следствие тянулось свыше двух лет, и только осенью 1913 года дело было доведено до суда...

Как пишет проф. С. С. Ольденбург, «правая печать, начиная с „Нового Времени“, доказывала ритуальный характер убийства, и в помощь прокурору гражданскими истцами выступили член Гос. Думы Г. Г. Замысловский и известный московский адвокат А. С. Шмаков, автор ряда антисемитских исследований»⁷⁵.

С этого места, что называется, – поподробнее. Ибо Алексей Семенович Шмаков (1852—1916), присяжный поверенный Московской судебной палаты, автор книг «Свобода и евреи», «Мировое тайное правительство» и прочих, был родным дядей Тамары Владимировны Воскресенской. В скором времени после окончания дела Бейлиса она стала супругой Ивана Лукьяновича Солоневича, который дает такую информацию о ее жизни до замужества:

«Тамара Владимировна окончила в 1911 году казачий институт благородных девиц в Новочеркасске – с высшей наградой – с золотым шифром. Новочеркасск, в числе прочих, весьма немногочисленных, своих достопримечательностей, имел и такую: во всем городе жил один-единственный еврей, да и тот крещеный: в эти места въезд евреям был воспрещен категорически. Отец Т. В. был членом комиссии по проведению русско-японской границы на о-ве Сахалине, и свои каникулы Т. В. проводила у своего дяди – ген. А. Сташевского в Казани, где евреев тоже не было. Другой дядя Т. В. – московский присяжный поверенный А. С. Шмаков был основоположником русского антисемитизма. Его перу принадлежало несколько много-томных трудов по еврейскому вопросу. На эти темы он вел переписку со своей племянницей, но я весьма сомневаюсь в том, чтобы на «девушку в осьмнадцать лет» тяжеловесные рассуждения А. С. Шмакова – со ссылками на арамейские тексты и с цитатами из Кремье – могли бы произвести какое бы то ни было впечатление.

Впечатление пришло с другой стороны. После окончания высших женских курсов в Петербурге Т. В. попала преподавательницей французского языка в минскую женскую гимназию. Минск несколько не похож ни на Новочеркасск, ни на Казань. Евреи там составляли около 70% населения – влиятельного и захватившего в свои руки если и не совсем власть, то во всяком случае деньги. Попав в это окружение, Тамара Владимировна вспомнила и арамейские тексты, и цитаты из Кремье. Во всяком случае – мы с ней познакомились на еврейской почве: я в те годы издавал антисемитскую газету «Северо-Западная Жизнь». Тамара Владимировна давала в эту газету статьи – с цитатами из... А. С. Шмакова»⁷⁶.

Было это как раз осенью 1913 года – во время процесса Бейлиса. Вновь, как и в 1911 году после убийства Столыпина Ивану Солоневичу пришлось с револьвером в руках отстаивать типографию от толпы евреев, собравшейся для того, чтобы погромить черносотенцев.

⁷⁵ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. – СПб: Петрополь, 1991. – С. 486.

⁷⁶ Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам!: Сб. статей. – СПб: Русиформ, 2003. – С. 36—37.

«Вероятно, – иронизирует Иван Лукьянович, – при этих обстоятельствах я фигурировал в достаточно героической позе. Во всяком случае – для нас лично дело Бейлиса кончилось браком»⁷⁷.

О своем общении (неизвестно, устном или письменном) с дядей жены Солоневич вспоминал так:

«По еврейскому вопросу А. С. Шмаков натаскивал и меня. Именно под его влиянием я перечитал и „Еврейскую энциклопедию“, и Дубнова, и Жаботинского и Герцля и издания „всемирного еврейского союза“, и многое другое – для того, чтобы в конечном счете прийти к непреклонному убеждению, что все три пуда ишмаковских писаний есть совершеннейший вздор. То ли мономания, то ли просто мания. Еврейство играет и в политике и мире очень большую роль, но играет не оно одно, и даже и оно не всегда одинаковую роль»⁷⁸.

Впрочем, к подобному заключению наш герой пришел, наверное, все-таки позже, а, например, в 1915 году на страницах «Северо-Западной Жизни» он – очевидно, все-таки под воздействием Шмакова – опубликовал «Записки антисемита»⁷⁹.

Несколько слов заслуживает и другой дядя Тамары Владимировны – Арсений Дмитриевич Сташевский (1851—1916), генерал-лейтенант, участник Хивинского похода 1873 года и Кокандской экспедиции 1875—1880 гг., командующий Оренбургской казачьей конно-артиллерийской бригады, затем командир 3-й запасной артиллерийской бригады, начальник артиллерийского 11-го армейского корпуса. В 1914—1916 гг. – военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского казачьего войска.

Безусловно, необходимо добавить, что Тамара Владимировна родилась 11 января 1894 года в Одессе, в семье потомственных дворян. Институт, который она кончила в Новочеркасске, именовался Донским, а женская гимназия в Минске, где она преподавала – Марининской.

Нил Никандров ошибочно указывает, что свадьба состоялась осенью 1913 года⁸⁰. На самом деле – в 1914 году. Об этом прямо говорит документ из Политического архива Германского министерства иностранных дел (ответ международного отдела Гестапо от 17 февраля 1938 года на запрос Болгарской политической полиции)⁸¹.

Точная дата венчания Ивана Солоневича и Тамары Воскресенской, впрочем, не известна. Можно очертить только временную границу – не позднее августа 1914 года. Ведь запрос из университета о том, «какими формальностями обставлено получение разрешения на вступление в брак» студента И. Л. Солоневича датирован 8 августа 1914-го⁸². Относительно университетского запроса необходимы комментарии. Дело в том, что согласно действовавшим тогда правилам студент, собравшийся жениться, обязан был просить на то разрешения ректора учебного заведения. Иван Солоневич, судя по всему, от соблюдения формальностей уклонился. По крайней мере, кроме запроса, никаких иных бумаг касательно женитьбы в его студенческом деле не обнаружено, поэтому очевидно, что и наказания студент избежал.

Наиболее вероятное время бракосочетания – середина весны 1914 года. Хотя бы потому, что весна – время влюбленных, это каждому известно. Если же говорить серьезно, то знаменательное событие должно было случиться после праздника Св. Пасхи, которая в 1914 году

⁷⁷ Там же. – С. 37.

⁷⁸ Солоневич И. Л. Совсем всерьез // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. – М.: ФондИВ, 2008. – С. 370.

⁷⁹ Северо-Западная Жизнь. – 1915. – 8 мая; №108. – 14 мая; №112.

⁸⁰ Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. – 672 с.

⁸¹ Политический Архив МИДа Германии – Politisches Archiv des Auswaertigen Amtes (далее – PA AA), R104377, Bd. 2: 16.2.1938 – Oktober 1938, S. 244822.

⁸² Цит. по: Исагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. – С. 25.

приходилась на 6 апреля. Светлая неделя закончилась, соответственно, 13-го числа – а раньше, согласно церковному уставу, просто не могли обвенчать. Другой вариант – свадьба состоялась в период между Крещением и началом Великого поста. Но предположение о том, что это было все-таки весной опирается еще и на традицию – после Пасхальной недели на Руси по давнему обычаю начинался период весенних свадеб.

Кроме того, нужно же как-то объяснить нижеследующий пассаж Солоневича:

«Летом 1914 года, за несколько месяцев до Первой Мировой войны, я попал в Париж, и как всякий праздничношатающийся турист, попер, конечно, и в Пантеон. Гробница Наполеона произвела истинно романтическое впечатление: вот здесь лежит «слава прекрасной Франции». На ум приходили: Аркольский мост, Аустерлиц, стихи Гейне:

...То он над могилами едет

Знамена победно шумят...

Из гроба тогда, Император,

Восстанет твой верный солдат...

и вообще всякие такие «мысли о величии» и о «пире богов»...»⁸³

Иван Лукьянович, без сомнений, был мастер задавать загадки. Общепринято, что «несколько», и уж тем более, если речь идет о чем-то продолжительном (месяцах), это больше двух. Первая Мировая началась в конце июля 1914-го. Значит, и «летом», и «за несколько месяцев» просто невозможно.

Отсюда предположение: рабы Божии Иоанн и Тамара обвенчались в конце апреля – начале мая, после чего отправились в свадебное путешествие, во Францию. Кстати, в одной из автобиографий-анкет советского периода Тамара Владимировна написала: «В 1913 и 1914 годах, будучи учительницей, ездила пополнять образование на летние курсы в Париже» (цитирую по книге Никандрова)⁸⁴.

Любопытно, что новоиспеченный супруг во время этой поездки выкраивал время и для спортивных подвигов. Но – все-таки медовый месяц! – не преуспел.

«В Париже, в 1914 году, – вспоминал он, — мне устроили матч с Карпантье – тогдашним чемпионом мира по боксу. Во мне было семь пудов мускулов, я пробежал стометровку за 12 секунд, я был нокаутирован на первом раунде, по свидетельским показаниям, пролежал без сознания 15 минут»⁸⁵.

Короткая ремарка: в действительности, Жорж Карпантье (1894—1975) выиграл мировое первенство позже, в 1920 году, а в 1914-м носил неофициальный титул чемпиона мира среди белых (был и такой, как говорят сейчас, расистский титул).

Жанр летописи, увы, в современной литературе практически не встречается, он кажется читающей публике слишком скучным. Да и появившись кто-то, претендующий на звание летописца, его тут же обвинят в тенденциозном подборе фактов. Средневековое сознание не было столь лоскутным, как у наших современников. Для оценки событий использовалась одна универсальная шкала – Христовы заповеди. Автор мог обходиться совсем без комментариев, ибо трактовка событий была однозначна, ему оставалось только придерживаться хронологии.

Ныне такой подход невозможен: попросту никто ничего не поймет, или точнее, каждый станет понимать по-своему. А посему, пытаясь в целом придерживаться принципа последовательного изложения, иногда – ради этих самых комментариев – приходится то забегать на год-другой вперед, то возвращаться обратно.

⁸³ Солоневич И. Л. Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. – С. 83.

⁸⁴ Никандров Н. Иван Солоневич: Народный монархист. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 27.

⁸⁵ Солоневич И. Л. Медведь и его шкура // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. – М.: ФондИВ, 2008. – С. 104.

На сей раз возвращаемся в 1913 год, когда Аркадий Александрович (фамилия, а не отчество), служащий банковской конторы, неоднократный чемпион Петербурга и Российской Империи среди гиревиков полутяжелого веса, основал минское отделение спортивного общества «Санитас» (в переводе с латыни – «Здоровье»)⁸⁶. Иван Солоневич, а немного позже и его братья Всеволод и Борис занимались в этом обществе. Иван, по некоторым данным, был учеником Александровича. По крайней мере, в феврале 1914 года на Первенство России в Ригу они поехали вместе. И оба отличились.

Первенство проходило с 14 по 16 февраля. Через два дня после его окончания «Северо-Западная Жизнь» с гордостью писала:

«Как мы уже сообщали, на розыгрыш всероссийского первенства 1914 г. по тяжелой атлетике из Минска выехали в Ригу два члена минского атлетического о-ва Sanitas И. Л. Солоневич и А. В. Александрович.

Оба выступали в поднимании гирь. Первый занял 2-ое место в тяжелом весе и пытался побить мировой рекорд в выжимании правой рукой, поставленный в 1904 г. известным атлетом А. Елисеевым, но не дождал семи фунтов. А. Александрович занял первое место в группе среднего веса»⁸⁷.

Из спортивных журналов того времени узнаем подробности.

«Неожиданно и очень приятно поразил своим выступлением многообещающий ученик Александровича из минского отделения об-ва Санитас Солоневич, – сообщал журнал „К Спорту“. – Выступая в тяжелом весе, он смог остаться на втором месте, отодвинув, правда, с очень небольшим преимуществом на третье – москвича Лескиновица. Это тем более замечательно, что в тяжелой атлетике Солоневич в полном смысле слова – новичок и публично в состязании участвовал впервые. В его работе совершенно не замечалось знания темпа, но удивила огромная сила, исключительно благодаря которой он и показал свои исполнения»⁸⁸.

«Второй приз получил многообещающий атлет Солоневич („Санитас“, Минск), выжавший двумя 230 фунтов без малейшего отгиба и толкнувший правой 198 фунтов. Вне программы Солоневич выжал правой 120 фунтов, рекорд внушительный, недоступный даже для Краузе», – констатировал «Русский Спорт»⁸⁹.

Петербургский «Геркулес» опубликовал даже таблицу выступлений всех участников с сопроводительным текстом⁹⁰. В Первенстве состязались 15 атлетов, больше половины из которых представляли Ригу, по двое – Санкт-Петербург и Минск и по одному – Москву и Либаву.

Солоневич выступал в тяжелом весе – свыше 201 ½ фунта, или 82,5 кг. Его результаты, благодаря «Геркулесу», мы знаем полностью. Общими руками: толчок – 280 фунтов, жим – 230, рывок – 210. Одной рукой: толчок – 198, рывок – 150. Общая сумма – 1068 фунтов.

Представитель Москвы, известный тяжелоатлет Иван Лескинович уступил Солоневичу совсем немного, всего 4 фунта. Член Рижского атлетического общества Ян Краузе был недосягаем, его общая сумма – 1244. Достаточно сказать, что в толчке одной рукой он установил новый мировой рекорд, не единственный в своей, увы, недолгой спортивной карьере. В 1920 году Краузе умер от тифа в возрасте 27-ми лет.

Иван не ограничивался личными достижениями и по-прежнему вел организационную спортивную работу. При его ближайшем участии в 1914 году в Минске было создано «Второе

⁸⁶ «Санитас» // Минская Газета-Копейка. – 1913. – 19 декабря; №481.

⁸⁷ Минские спортсмены в Риге // Северо-Западная Жизнь. – 1914. – 18 февраля; №39.

⁸⁸ К Спорту. – 1914. – №9; 1 марта. – С. 7.

⁸⁹ Русский спорт. – 1914. – №9; 2 марта. – С. 9.

⁹⁰ Хроника спорта: В России: Рига // Геркулес. – 1914. – №4 – 30; 25 февраля. – С. 30—31.

общество «Сокол». В отличие от «Сокола» первого, это было русское гимнастическое общество. Как писала местная печать, «Русский «Сокол» в противовес существующему будет принимать в члены общества только православных лиц»⁹¹. Учредителями выступили члены Минского отдела Всероссийского национального союза и православных братств⁹².

Вызванный атлетическими подвигами перерыв в газетной деятельности Иван завершает в начале апреля 1914-го. Выступает он вновь со статьями на внешнеполитические темы: «Вооружение наций» и «Мексика и Штаты». Одновременно, судя по всему, без особого напряжения, он выигрывает первенство Минска по борьбе и становится вице-чемпионом (второе место, первое – опять же у Александровича) по «поднятию тяжестей»⁹³. Забавно, но после рижского триумфа столичная спортивная печать, сообщая об этих фактах, величает Солоневича уже не «многообещающим атлетом», а «старым спортсменом-минчанином».

До поры до времени внутрибелорусская полемика всерьез касается только Лукьяна Михайловича. Отбиваясь от наскоков еврейской и польской печати, он не забывает и о домогренных социалистах. Легальным органом этой политической группы с 1906 года была «Наша Нива», которая ныне почитается в Беларуси основоположницей подлинно национальной печати. Очевидно потому, что выходила она на белорусском языке и социализм проповедовала этакое патриотического толка. Получилась вполне гремучая смесь, на практике реализованная позже в Германии, – национал-социализм.

Сторонники каждой разновидности социалистического учения, как утверждал Иван Солоневич, считают свою трактовку единственно правильной. Вот и «нашенивовцы» при Советам попали в разряд буржуазных уклонистов. А редактор газеты в 1914—15 гг. Янка Купала в Литературной энциклопедии 1931 года издания получил такую характеристику:

«... в дальнейшем <после 1913 года> Купала все больше приближается к национал-либеральной идеологии „нашенивства“; перевес в творчестве берет националистическая деревенская ограниченность; Купала противопоставляет крестьянина городу, белоруса – небелорусу, идеализирует патриархально-феодалное прошлое Белорусско-литовской Руси времен „войска Всеслава“, защищает „самобытность белорусского народа“ и затушевывает классовую борьбу в Белоруссии. <...> Только в последнее время Купала приближается к советской действительности. Но в революции Купала видит лишь залог возрождения хозяйственной мощи крестьянина и национального возрождения Белоруссии, которая „заняла свой почетный паса́д между народами“ <...> Выражая чаяния белорусского крестьянства на этапе буржуазно-демократической революции, творчество Купалы в период 734 пролетарской диктатуры в зависимости от ее этапов и степени обостренности классовой борьбы то выражает идеологию части мелкой буржуазии и городской национальной интеллигенции, которая принимает пролетарскую революцию, главным образом ее национально-освободительную роль, то отражает буржуазно-кулацкие националистические настроения»⁹⁴.

Это уже впоследствии, после Второй Мировой, Купала, скончавшийся в 1942 году, стал «классиком» белорусской советской литературы и был, что называется, политически реабилитирован.

Полемика между Солоневичем-старшим и Иваном Луцевичем (настоящая фамилия Купалы) оказалась не очень продолжительной. Наиболее ярким ее эпизодом стал ответ «Северо-Западной Жизни» на статью в «Нашей Ниве» под названием «А все ж таки мы живем!..», опубликованную весной 1914 года.

⁹¹ Северо-Западная Жизнь. – 1914. – 11 февраля; №34.

⁹² 2-е о-во «Сокол» // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 11 февраля; №532.

⁹³ Северо-Западная Жизнь. – 1914. – 15 апреля; №84.

⁹⁴ Бэндэ Л., Боричевский Л. Купала // Литературная энциклопедия: В 11 т. – [М.], 1929—1939. – Т. 5. – [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1931. – Стб. 731—737.

Иван Луцевич от скромности умирать не собирался и в качестве эпитафии к передовице взял четверостишие... Янки Купалы, то есть свое собственное. Внимание Лукьяна Михайловича, однако, привлекло не это, а один пассаж из статьи:

«Старое, одряхлевшее, отжившее свой век идет прочь, на погибель, а новое, святое, радостное занимает свое почетное место и ведет народы и отдельных людей к доброму, вечному. Старые боги идут на слом, а новые вселяются в сердца человеческие. Так было от сотворения мира, так и теперь есть»⁹⁵.

В №129 своей газеты Л. М. Солоневич не удержался от колкости: «Читая эту галиматью, никак не разберешься, о чем, собственно, речь, каких новых богов выдумал «рэдактар-выдавец І. Луцэвіч».

Янка Купала был задет за живое. Да так, что пуше прежнего наворотил новой революционной галиматии:

«Панам солоневичам все будет «галиматья», что только по-белорусски не напишется. Для перевертышей законы жизни и правда-справедливость в расчет не идут. Посмотрим дальше. Вот он цитирует другой отрывок из нашей статьи:

«И наше Отечество пережило и переживает то же самое... Просыпается самосознание народное, поднимает сторона наша свои очи к солнцу и расправляет свои могучие плечи».

И что ж за ответ на это выдумал п. Солоневич? Да просто по-«истинно-русски»:

«Что вы скажете на это, читатель? Разве не просится на уста ваши нецензурное ругательство?»

Важно сказано. За слова «поднимает сторона наша свои очи к солнцу» грозят нам паскудной лаянкой. Не будь губернаторских постановлений о хулиганстве и цензурного устава, то «нецензурных ругательств» «Сев.-Зап. жизнь», как видно, не пожалела б для своих читателей.

Далее п. Солоневич распинается, что белорусы от русских националистов, кроме одного добра, ничего хорошего и не имели и, как пример, приводит правление в нашем крае великого националиста Муравьева. Мы не будем спорить с «Северо-Западной жизнью» о Муравьеве – зачем тревожить покойника – мы только напомним живым, что когда Муравьев правил в Беларуси, тогда и помину еще не было о таких патентованных русских националистах, созданных по образу и подобию солоневичей, пуришкевичей, замысловских и тому подобных. Их, этих патентованных «валяй-патриотов», сотворили наши нынешние времена: беспросветная реакция, наступившая после светлых проблесков 1905 г. Об этих националистах, которые хотели б все чистое и светлое в России опоганить, запачкать и повернуть всю ее жизнь назад – в крепостничество, – мы и говорили в своей статье. И п. Солоневич прикидывается незнайкою (порусски – «валяет дурака») и лжет, переворачивая нашу заветную думку на свой националистический лад. Успокойся, п. националист! Белорус хорошо сумеет разобрать, кто и как ему говорит и кто ему более родной и вечный, а кто чужой и временный. А что до «лганья», какое вы будто бы находите в «Н <ашей> н <иве>», то... оставляем этот интерес тем, кому за «лганье» хорошо платят, а мы и с бесплатной правдой как жили, так и будем жить. Казенных подачек не искали мы и искать не собираемся»⁹⁶.

Короче говоря, Купала, может, и большой поэт – дело вкуса – но публицист из него был все-таки никакой. Лукьян Солоневич на этот «поток сознания» даже, кажется, ничего и не ответил.

В июле началась Первая Мировая война. Однако это, теперь уже историческое, название пришло позже. В сознании подданных Русского Императора это была Великая война, а также – Вторая Отечественная.

⁹⁵ Цит. по: Купала Я. Живе Беларусь: Верши, артыкулы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. – С. 259.

⁹⁶ Там же. – С. 261—263.

Патриотический подъем был настолько велик, что даже космополитическая интеллигенция прониклась им поначалу чрезвычайно.

«Теперь дождались безработные – больших, торжественных работ. – Бодры и светлы лица потные, как в ясный урожайный год». Эти слова одной «декадентской» поэтессы метко определяют основное настроение интеллигенции в первые месяцы войны», – комментирует проф. С. С. Ольденбург⁹⁷.

А вот как вспоминал о первых военных месяцах Иван Солоневич:

«Осенью 1914 года студенчество поперло в офицерские школы – добровольцами. Правительство старалось не пускать: весь мир предполагал, и Германия тоже, что война продлится месяцев шесть. Правительство дорожило каждой культурной силой. Народные учителя от воинской повинности были освобождены вообще. Студентов резали по состоянию здоровья: меня не приняли по близорукости»⁹⁸.

Эта юношеская обида не оставляла его всю жизнь, в декабре 1951-го, за полтора года до кончины, он написал в одной из статей:

«В качестве молодого человека, одаренного пятью процентами нормального зрения, я был систематически извергаем всеми приемочными комиссиями. Кроме того, военная профессия, в том ее виде, в каком она сформировалась к началу Первой Мировой войны, никаких симпатий во мне не вызывала. Так что я действовал в качестве, так сказать, „вольного стрелка“, – участвовал в боях под Гумбингеном, Сталупененом, Пилькаэленом и пр., и потом, в годы Гражданской войны, – под Нежиным, Межигорием, Каневом и еще в десятке мест. Сейчас, – много лет спустя, – я должен признаться: в Первую Мировую войну меня тянуло желание подраться, почти в его химически чистом виде»⁹⁹.

Очевидно, что «вольным стрелком» Солоневич посещал передовые позиции по своей основной профессии – репортерской.

С началом Первой Мировой в жизни Ивана Лукьяновича связано два незабываемых события, и, поскольку мы не знаем, какое из них произошло раньше, располагаем их в том порядке, который больше бы соответствовал его убеждениям: сначала государственные интересы, потом – личные.

Так вот, 22 октября 1914 года Минск проездом посетил Государь Император Николай Второй. «Северо-Западная Жизнь» – конечно, постфактум – дала об этом соответствующий репортаж¹⁰⁰. Вполне вероятно, что его автором был Иван Солоневич. Более поздние воспоминания ничего общего с протокольным отчетом не имели:

«..это было в начале войны в Минске, через который Государь проезжал, направляясь в Ставку. Я в те времена не был совсем уж «в низах». Издавал газету «Северо-Западная Жизнь» и получил билет в собор, где в присутствии Государя служилась обедня. Обедня прошла не столь молитвенно, сколько торжественно, и после нее Государь прикладывался к иконам. Перед одной из них Он стал на колени – и на подметке Его сапога я увидел крупную и совершенно ясно заметную заплату.

Заплата – совсем не вязалась с представлением о Русском Царе. Проходили годы, и она, оставаясь для меня неким символом, стала все-таки казаться плодом моего воображения. Только в прошлой году, в Софии, я в разговоре с о. Г. Шавельским, который хорошо знал Царскую Семью, вопросительно упомянул об этой заплате: была ли она возможна? Она оказалась возможной. О. Георгий рассказал мне несколько немного смешных и очень трогательных анекдотов о том, например, как Наследник донашивал платья своих старших сестер.

⁹⁷ Ольденбург С. С. Царствование Императора Николая II. – СПб: Петрополь, 1991. – С. 536.

⁹⁸ Солоневич И. Л. Миф о Николае Втором // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. – М.: «Москва», 2001. – С. 85.

⁹⁹ Солоневич И. Л. «Углубление доктрин Клаузевица» // Наша Страна. – 1951. – 8 декабря; №99.

¹⁰⁰ Посещение ГОСУДАРЕМ ИМПЕРАТОРОМ города Минска 22-го октября 1914 года // Северо-Западная Жизнь. – 1914. – 24 октября; №249.

Эта заплата стала неким символом – символом большой личной скромности. И с другой стороны – большой личной трагедии. Царская Семья жила дружно и скромно: по терминологии тогдашних сумасшедших огарочно-санинских времен – это называлось мещанством»¹⁰¹.

В Минске Солоневич видел Государя во второй и последний раз в жизни. Первый был в 1913 году в Петербурге во время празднования 300-летия Дома Романовых – об этом мы расскажем в следующей главе, которая посвящена студенческой жизни нашего героя.

Другое свидание времен начала Великой войны – со своим тестем, которого Иван Лукьянович представляет довольно кратко: полковник В. И. Воскресенский, «начальник штаба какой-то дивизии». Впрочем, краткость с талантом родственники, и последующая характеристика тестя, написанная по итогам одной-единственной встречи-знакомства, это лишний раз подтверждает. Солоневич вспоминал:

«Это был человек исключительного остроумия и единственный по тем временам, который предсказал: война будет длиться не полгода и не год – а чорт его знает, сколько времени, и кончится, чорт его знает, чем. Я, в числе очень многих людей того времени, отнесся к этому пророчеству весьма иронически»¹⁰².

К такому портрету-комплименту остается добавить только скудную информацию фактологического характера, извлеченную из военно-исторических справочников.

Владимир Иванович Воскресенский родился в 1867 году. Образование получил в Кишиневской классической гимназии. В 20-летнем возрасте «вступил в службу». Служил в 14-й артиллерийской бригаде. Выдержал офицерский экзамен при Михайловском артиллерийском училище. В 1890 – подпоручик, в 1894 – поручик, в 1897 – штабс-капитан. Окончил Николаевскую академию генштаба по первому разряду. В мае 1900 года произведен в чин капитана, в декабре 1904-го – подполковника, ровно через четыре года стал полковником. С 1909-го – начальник штаба 65-й пехотной резервной бригады, затем на той же должности в 51-й пехотной дивизии. С августа 1915 года в чине полковника занимал должность командующего бригадой Кавказской гренадерской дивизии. Командиром 15-го гренадерского Тифлисского полка за отличие представлен к награждению – и награжден Георгиевским оружием. Ранее получил следующие награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1895); Св. Анны 3-й ст. (1902); Св. Станислава 2-й ст. (1907); Св. Анны 2-й ст. (1908); Св. Владимира 4-й ст. (1911). В октябре 1915-го произведен в генерал-майоры. В январе-мае 1917 года занимал пост начальника штаба 26-го армейского корпуса. В Гражданскую служил в Вооруженных Силах Юга России, с 3 марта 1919 года – в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. Затем – в эмиграции¹⁰³.

Так пишут современные исследователи. Солоневич же утверждал, что его тесть погиб под Сольдау¹⁰⁴, то есть в 1914 или 1915 году.

Еще до официального начала Великой войны, 18 июля 1914 года, Иван Солоневич дает передовицу в «Северо-Западной Жизни» под красноречивым названием «Жребий брошен». Через месяц с небольшим, 24 августа, в газете началась публикация серии его очерков под общим заголовком «Дневник войны». Всего она включила в себя свыше 70 произведений, которые вкуче с примыкающими по содержанию статьями, корреспонденциями и заметками могли бы составить целый том – хронику первых двух лет Великой войны глазами современника. «Дневник» выходил два-три раза в неделю, иногда чаще, иногда реже, однажды перерыв составил больше месяца. Это, скорее всего, было вызвано отлучкой Ивана в Петроград.

¹⁰¹ Солоневич И. Л. Убийцы, царубицы, самоубийцы // Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам!: Сб. статей. – СПб: Русиформ, 2003. – С. 33.

¹⁰² Солоневич И. Л. Большевизм и женщина // Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам!: Сб. статей. – СПб: Русиформ, 2003. – С. 36.

¹⁰³ См.: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1102>

¹⁰⁴ Солоневич И. Л. Совсем всерьез // Солоневич И. Л. Загадка и разгадка России. – М.: ФондИВ, 2008. – С. 370.

Младшие братья тянулись за Ватиком, и вот в номере от 11 октября 1914 года находим такой материал: «В Августовских лесах (письмо гимназиста)». Он сопровождается вводным предложением Лукьяна Михайловича: «Редактор „Северо-Западной Жизни“ получил от своих сыновей, гимназистов 8 и 6 классов Виленской 2 гимназии следующее письмо» – и далее собственно текст, повествующий о том, что они видели вблизи фронта. Шестнадцатилетний Боб 28 ноября еще раз отмечается в газете собственной корреспонденцией¹⁰⁵.

К концу года газета воспринималась уже как семейное дело Солоневичей, в том и числе и недругами. Под огонь критики начинает попадать не только редактор-издатель, но и его старший сын Иван.

«Какой-то «Белорусс», – писала, к примеру, «Минская Газета-Копейка» – в нежном союзе с солидной фирмой «Л. Солоневич и Сын», на все лады склоняет «еврея» <...>

Под ручку с гг. Солоневичами – отцом и сыном (какая талантливая семья!) г. Белорусс будет шествовать триумфально и хлопать в ладоши при виде пышных всходов, которые дадут брошенные ими на благодарную почву ядовитые семена...

Но когда рассеется мрак, и свет любви и радости озарит нашу родину, – гг. Солоневичи и Белоруссы и с вами – все борзописцы, торгующие своими перьями оптом и в розницу, куда вы пойдете?

Не устыдитесь ли вы тогда?

А ведь время это придет»¹⁰⁶.

Куда пошли Солоневичи после всех радостей революции – известно. Лукьян Михайлович сначала в лагерь, а потом под расстрел. Иван за попытку побега из СССР также попал в ГУЛаг, и уже оттуда бежал в Финляндию. А вот, например, один из редакторов «Копейки» С. Левинсон в 1920-е годы работал в советском БелРОСТА – Белорусском бюро Российского телеграфного агентства.

Но мы опять забегаем далеко вперед. Осенью 1914-го учащаются нападки на отца и сына Солоневичей со стороны «Минской Газеты-Копейки». Лукьян Михайлович как объект травли к тому времени уже, видимо, поднадоел. В его адрес по инерции летят только давно затертые штампы вроде «издатель-гастролер», «субсидиеглотатель» и проч. Зато по принципу «кто на новенького?» все больше достается сыну. Даже строительство ледяного катка при содействии минской городской управы, то есть общественно-спортивная деятельность Ивана, вызывает раздражение: дескать, не на этом ли катке заморожена совесть?¹⁰⁷

Некий «Макар Чудра» пишет целую одноактную пьесу «Лицедейство», где действующими лицами выступают Соленый-отец, Соленый-сын, Белорусс, Брехачек и Тень Шмакова. Описание персонажа, прототипом которого стал Иван Лукьянович, таково: «Немецкие бакены. Голова – футбольный мяч крупного калибра»¹⁰⁸.

Дальше – больше. Вот уже и «Дневник войны» не дает покоя, и его автора именуют «новоявленным стратегом и тактиком, генералом-от-футбола»¹⁰⁹. А вот Ивана и вовсе отправляют в сумасшедший дом¹¹⁰. И буквально через день печатают статью с провокационным названием «Мозги господ Солоневичей»¹¹¹. На такие мелочи, как заметка «Там, где играют в футбол» за подписью «Диаволо»¹¹² уже перестаешь обращать внимания, тем более, что некоторые фельетоны в «Копейке» пишет «Сатана». Хоть этот самый «Диаволо» дал Солоневичу харак-

¹⁰⁵ Б. Солоневич. Виленские гимназисты на передовых позициях // Северо-Западная Жизнь. – 1914. – 28 ноября; №278.

¹⁰⁶ Гастролер. Поджигатели // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 6 ноября; №799.

¹⁰⁷ Бим-Бом. Замороженная совесть // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 28 ноября; №821.

¹⁰⁸ Минская Газета-Копейка. – 1914. – 9 ноября; №802.

¹⁰⁹ – ь. Об увечных // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 29 ноября; №822.

¹¹⁰ Договорились // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 12 декабря; №835.

¹¹¹ Мозги г. г. Солоневичей // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 14 декабря; №837.

¹¹² Диаволо. Встречи и речи: Там, где играют в футбол // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 9 декабря; №832.

теристику, безусловно заслуживающую того, чтоб ее воспроизвести: «Футболист-спортсмен – и военный стратег. Конькобежец и политик. Белорусс и жидоед. Словом, швец, жнец и на дуде игрец».

Иван Солоневич до поры до времени ограничивался лишь репликами по адресу оппонентов (эх, знали бы они, как разовьется его талант полемиста впоследствии!). Но однажды так припечатывает их своим памфлетом «Два сапога», что они в бессильной злобе бегут подавать в суд¹¹³. Статья была опубликована 11 апреля 1915 года, через полтора месяца после того, как Иван Лукьянович официально стал именоваться издателем «Северо-Западной Жизни»¹¹⁴.

Для Лукьяна Михайловича все это было не в новинку. Как редактор и издатель он к тому времени прошел все круги ада – и штрафы, и конфискацию номера газеты, и, конечно же, судебные иски.

Существует прочно укрепившийся в массовом сознании миф, что от царской администрации и цензуры страдала только революционно настроенная печать. Ничего подобного: закон был одинаков для всех, и в последние годы существования Российской Империи правые и русские националистические издания подвергались властным «репрессиям», возможно, даже чаще, чем те, кто боролся против Веры, Царя и Отечества.

Вот краткая хроника событий такого рода только за два года и только в отношении одной провинциальной газеты, редактора-издателя которой по сей день белорусские националисты именуют подлым русификатором, продавшимся проклятым москалям.

Июль 1913 года. На редактора «Северо-Западной Жизни» Л. М. Солоневича наложен штраф в 200 руб. с заменой арестом на 6 недель за передовую статью в номере от 3 июля. Штраф заплачен не был, и г-н редактор заключен в губернскую тюрьму¹¹⁵.

По распоряжению администрации конфискован номер «Северо-Западной Жизни» ввиду неправильного указания имени и отчества издателя газеты¹¹⁶.

Штраф внесен, и Л. М. Солоневич освобожден из заключения. Деньги в канцелярию губернатора по телеграфу прислал генерал А. В. Жиркевич из Вильны¹¹⁷.

Ноябрь 1913 года. Приговор окружного суда по делу «крестьянина Богородицкой волости, Гродненских уезда и губернии» Л. М. Солоневича: 2 месяца тюрьмы, поскольку допустил «опозорение в печати служебной деятельности» дисненского исправника Симановича, «могущее повредить его чести, достоинству и доброму имени», а также «допустил ряд оскорбительных отзывов, заключающих в себе прямое злословие»¹¹⁸.

Февраль 1914 года. «Дело о дисненском исправнике» рассмотрено еще раз, в апелляционном порядке. Виленская судебная палата приговорила: приговор окружного суда оставить в силе¹¹⁹.

Сентябрь 1914 года. Издатель Солоневич оштрафован на 100 рублей «за неправильное указание в одном из номеров действительного издателя»¹²⁰.

Лукьян Михайлович выступал ответчиком в виленском окружном суде по иску местного ксендза Леона Жебровского (обвинение в клевете) и был оправдан¹²¹.

¹¹³ Pro domo sua // Минская Газета-Копейка. – 1915. – 22 апреля; №962.

¹¹⁴ Северо-Западная Жизнь. – 1915. – 18 февраля; №44.

¹¹⁵ Оштрафование «Северо-Западной Жизни» // Минская Газета-Копейка. – 1913. – 17 июля; №328. Арест Л. Солоневича // Наше утро. – 1913. – 20 июля; №160.

¹¹⁶ Конфискация «Северо-Западной Жизни» // Минская Газета-Копейка. – 1913. – 19 июля; №330.

¹¹⁷ Освобождение Л. М. Солоневича // Минская Газета-Копейка. – 1913. – 21 июля; №332.

¹¹⁸ Дело Л. М. Солоневича // Минская Газета-Копейка. – 1913. – 30 ноября; №462.

¹¹⁹ Дело Солоневича // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 14 февраля; №535.

¹²⁰ За нарушение устава о печати // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 4 сентября; №736.

¹²¹ Северо-Западная Жизнь. – 1914. – 27 сентября; №228.

Октябрь 1914 года. Временный редактор «Северо-Западной Жизни» И. В. Терлецкий за помещение заметки «Пьяные выборы» обвинен в злословии в печати и оштрафован на 5 рублей (либо – арест на один день)¹²².

Июнь 1915 года. Л. М. отбывает наказание при одном из полицейских участков Минска по тому же «делу исправника». По Всеподданейшему ходатайству Солоневича двухмесячное заключение в тюрьму заменено арестом на один месяц¹²³.

Но эта печальная хроника не может, конечно, сравниться с настоящим горем, которое постигло Солоневичей 1 мая 1915 года: умерла Юлия Викентьевна. На следующий день в «Северо-Западной Жизни» появился некролог:

«Вчера в 10 часов утра после непродолжительной, но тяжелой болезни (воспаление легких) скончалась

Юлия Викентьевна

СОЛОНЕВИЧ

О чем муж и сыновья покойной с глубокою скорбью извещают родных и знакомых. Панихида на квартире (Петроградский пер. д. №5 Ушилло) сегодня 2-го мая в 2 часа и в 8 часов. В воскресенье 3 мая в 1 час дня вынос тела в Церковь Слепых, а затем погребение на Переспенском кладбище»¹²⁴.

NB: при советской власти Переспенское (или Сторожевское) кладбище было уничтожено, а на его месте действовал рынок.

Белорусский период жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича завершился в сентябре 1915 года, когда он перебрался на постоянно жительство в Петроград. За плечами остались почти 150 статей (если считать только те, что были подписаны хотя бы инициалами) в «Северо-Западной Жизни», а также неоценимый опыт журналистской и издательской работы. Годы становления публициста были отмечены полемическим задором, постепенным расширением жанровой палитры (от театральной рецензии до передовой статьи), оформлением имперских политических установок.

Мы лишь прикоснулись к творческому наследию нашего героя за этот период, и оно еще ждет своего исследователя. В современной России интерес к политической жизни окраин Империи, к сожалению, невелик. В независимой Беларуси официальное отношение к идеологии «западно-русизма», яркими представителями которой были отец и сын Солоневичи, однозначно-негативное – примерно такое же, как в СССР к работам К. П. Победоносцева или кого-то еще, кого нельзя «замолчать». Возможно, развитие интеграционных процессов на бывшем пространстве Российской Империи в скором времени подтолкнет представителей гуманитарной науки к изучению опыта «Северо-Западной Жизни».

¹²² Дело «Сев.-Зап. Жизни» // Минская Газета-Копейка. – 1914. – 1 ноября; №794.

¹²³ Арест Л. М. Солоневича // Минская Газета-Копейка. – 1915. – 19 июня; №1020.

¹²⁴ Северо-Западная Жизнь. – 1915. – 2 мая; №103.

ИМПЕРАТОРСКИЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Напомним, что мы намеренно превратили хронологию нашего повествования в пунктирную линию, ведь в августе 1912 года Иван Солоневич обрел «двойное гражданство» в рамках единой и неделимой Империи. А именно: продолжая оставаться жителем Белоруссии (Северо-Западного края) он получил «временную прописку» в Санкт-Петербурге.

Как свидетельствует его студенческое дело, 18 сентября Иван Лукьянович был зачислен на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. Первый столичный адрес нашего героя: Петербургская Сторона, Грязная улица, дом 4, квартира 29¹²⁵. Место, как можно догадаться по названию, не аристократическое. Сегодня эта улица носит имя русского ученого Яблочкова.

Студенческая книжка, из которой можно было бы узнать, какие курсы лекций и у кого прослушал Иван, в деле отсутствует. И мы вынуждены полагаться на автобиографические вкрапления, которые, по счастью, нередко встречаются в произведениях Солоневича, поскольку были составной частью его авторского стиля. Вот одно из них:

*«В мое время в 1912—1917 гг. филологический факультет Петербургского университета считался лучшим в мире. Юридический факультет начинал считаться лучшим в мире. На нашем юридическом факультете подвизался, однако, проф. И. Петражицкий – творец первой более или менее **русской** теории права, – психологической теории»*¹²⁶.

Во всех изданиях книги «Народная Монархия», включая прижизненное (третья часть «Киев и Москва»), откуда взята цитата, впервые вышла в свет незадолго до кончины И. Л. Солоневича), именно так и значится – «И. Петражицкий». За полвека никто из издателей так и не удосужился исправить опечатку, состоявшую в пропуске одной из составляющих инициалы букв.

Лев Иосифович Петражицкий (1867—1931) был профессором Санкт-Петербургского университета до 1918 года, одним из основателей психологической школы права. Эмигрировав в Польшу, преподавал в Варшавском университете.

Из других преподавателей на всю жизнь запомнился Солоневичу еще один профессор – Михаил Иванович Туган-Барановский (1865—1919).

*«Курс политической экономии я проходил под руководством профессора Туган-Барановского, крупнейшего политэконома России, – конечно, марксиста. По тем временам – 1912—1916 годы – я возлагал некоторую надежду на науку политической экономии. Наука в лице профессора Туган-Барановского возлагала некоторые надежды и на меня. Кажется, разочаровались обе стороны... Наука товарища Туган-Барановского проповедовала как раз те пятилетки, которые на нас всех и свалились. Так что если товарищ Сталин является политическим **убийцей**, то профессор Туган-Барановский и прочие иже с ним были подстрекателями к политическим убийствам. Это **абсолютно** ясно. Несколько менее ясен вопрос о смягчающих вину обстоятельствах: теперь я так же ясно вижу, что профессор Туган-Барановский и прочие иже с ним были просто глупы. И очень сильно содействовали также и моему собственному поглупению»*¹²⁷.

¹²⁵ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, №61273. Л. 10.

¹²⁶ Солоневич И. Л. Народная Монархия. – М.: Феникс, 1991. – С. 240.

¹²⁷ Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. – Новосибирск: Благовест, 1994. – С. 166.

Юридический факультет Петербургского университета, кроме всего прочего, был на первом месте по числу обучающихся. В 1916 году, например, на нем числилось 3,5 тысячи студентов, при том, что во всем университете их было немногим менее 6 тысяч. И Солоневич вовсе не ради красного словца говорил о том, что поступил на него ради «общего образования». Так делали многие, в том числе и более знаменитые люди, чем герой нашего повествования.

Среди выпускников факультета мы видим актеров и режиссеров, искусствоведов и политических деятелей (достаточно назвать Керенского и Ленина). Скорее всего, известных юристов вышло в свет намного меньше. Приведем список, далеко не полный, тех, кто подобно Ивану Лукьяновичу и в близкие с ним годы, учился на факультете не ради юридической практики:

писатель и драматург Леонид Андреев, художник Александр Бенуа, театральные антрепренер Сергей Дягилев, писатель Михаил Зощенко, актер и режиссер Соломон Михоэлс, художник и писатель Николай Рерих, композитор Игорь Стравинский, поэт Николай Гумилев, социолог Питирим Сорокин.

До революции немало было среди «законников» и тех, кто в дальнейшем избрал путь служения Церкви. Нельзя назвать единичными и случаи, когда после обучения на юрфаке выпускники заканчивали Духовную академию, а затем принимали монашеский постриг.

Как мы уже сказали, в университетском деле Ивана Солоневича нет студенческой книжки, но есть «Общая схема», позволяющая установить, что проучился студент Солоневич шесть семестров (с осени 1912 по весну 1915 г.), а 20 мая 1915 года «выбыл из университета за невнесение платежа»¹²⁸.

Таким образом, сведения, повторяющиеся во множестве источников – «в 1916 году закончил юридический факультет» – неверны категорически. По мнению Т. Д. Исмагуловой, как минимум, можно поставить под сомнение дату окончания университета: «Студент мог закончить университет без диплома, но имея – и это официальная формулировка – „восемь зачетных полугодий“. У Солоневича, как видим, было только шесть, и зафиксировано только присутствие»¹²⁹.

Но в университет он еще вернется, в 1917 году, так что вопрос о том, получил он высшее образование или нет, остается открытым. Теоретически, еще два необходимых полугодия можно было добрать весной и осенью 1917-го, ведь и после прихода к власти большевиков университет продолжал функционировать. И тогда слова Солоневича, написанные много позже в эмиграции, воспринимаются уже не так вызывающе:

«Я, более или менее, окончил Санкт-Петербургский Императорский и Социалистический университет. Я был больше чем невежественным: все кафедры и все профессора этого университета позаботились снабдить меня самым современным прицельным приспособлением, которое гарантировало промах на сто восемьдесят градусов. Если исключить гражданское право и сенатские разъяснения, что должно было в будущем гарантировать мне буржуазные гонорары на фоне пролетарской идеологии, то все остальное было или никому ненужной схоластикой, или совершенно заведомым враньем, которое должно было быть уголовно наказуемым во всяком добросовестно организованном обществе. Я собственными глазами зубрил профессорские труды и я теми же собственными глазами видел живую жизнь: труды и жизнь не совмещались никак. Мне говорили о революционном рабочем – я его не видел. Мне говорили об угнетенном крестьянстве – я его тоже не видел. Мне говорили о голоде среди русского пролетариата, но с представителями этого пролетариата я ел хлеб и даже пил водку и никакого голода не видал. Перед самой революцией и пресса, и «общественность» вопили о голоде, а я,

¹²⁸ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, №61273. Л. 8.

¹²⁹ Исмагулова Т. Д. И. Л. Солоневич в Санкт-Петербурге (по материалам студенческого дела) // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы II научно-практ. конференции: СПб. 25 апреля 2004 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2005. – С. 24.

футболист Иван Солоневич, сидел у металлиста Тимофея Солоневича – водки у нас по поводу сухого режима не было вовсе, но и хлеб, и мясо, и сахар, и рыба были в изобилии. Председатель Государственной Думы Родзянко во главе целой группы общественных деятелей обращался к царю с паническим и устрашающим докладом о голоде в Москве – я был и в Москве и не видал никакого голода. <...>

Я, более или менее, окончил Санкт-Петербургский Императорский и Социалистический университет и мое умственное состояние точнее всего можно определить термином: каша в голове. Мне преподавали «науку». О том, что все это ни с какой наукой ничего общего не имеет, я тогда еще не смел и догадываться: до умственного уровня Иванушки Дурачка я еще не дорос. Мой школьный мозг был переполнен призрачными знаниями, знаниями о вещах, которых не было в реальности. Мой внешкольный мозг был снабжен рядом жизненных впечатлений, никак не переработанных и никак не систематизированных, и все они казались мне «наивным реализмом», как солнце, которое вертится вокруг земли и вокруг меня. Потом пришла революция, с ее практической проверкой отношения «теории науки» к наивному реализму. Реализм оказывался прав. Моя юриспруденция оказалась ни к чему: сенатские разъяснения были аннулированы, а гражданские законы были заменены ВЧК-ОГПУ. Мои специальные познания в торговом праве были неприменимы ни к теории, ни к практике мешочничества»¹³⁰.

Императорский и вместе с тем Социалистический – у современного читателя такое не укладывается в голове. Возможно, список преподавателей, профессоров, приват-доцентов и просто университетского начальства поможет расставить все по местам. Пока, со слов Солоневича, мы назвали только двоих – Петражицкого и Туган-Барановского. Попытка реконструкции дает следующий, далеко не однозначный, пантеон-мартиролог.

Владимир Николаевич Бенешевич (1874—1938) – доктор юридических наук, профессор кафедры церковного права. С 1925 года член-корреспондент Академии наук СССР, репрессирован, реабилитирован посмертно.

Адольф Христианович Гольмстен (1848 – 1920) – в 1899—1903 гг. ректор Университета, в 1912-м избран деканом юридического факультета, по состоянию здоровья пробыл в этой должности недолго. До конца своих дней оставался в числе преподавателей Петроградского Университета.

Александр Михайлович Горовцев (1878—1933) – приват-доцент по кафедре международного права в 1912—1918 гг., затем профессор юридического факультета Пермского университета. Эмигрант с 1920-х годов, жил в Париже.

Эрвин (Александр) Давыдович Гримм (1870—1940) – общественно-политический деятель, историк, журналист, ректор Университета (1911—1918), с 1920-го эмигрант, участник сменовеховского движения. В 1923 году вернулся в Москву, работал в Институте востоковедения, служил в Народном комиссариате иностранных дел, в конце 1930-х арестован, погиб в заключении.

Александр Александрович Жижиленко (1873 – после 1930) – экстраординарный профессор кафедры уголовного права, декан юридического факультета в 1911 году. Указом Временного Правительства был назначен Начальником Главного Тюремного Управления в марте 1917-го. Член Комиссии по разработке первого советского Уголовного Кодекса, который вступил в действие с 1 июня 1922 года.

Юрий Петрович Новицкий (1882—1922) – с 1913 года доцент, затем профессор кафедры уголовного права Петроградского Университета. После революции профессор Педагогического института дошкольного образования, организатор и ученый секретарь Петроградского Педагогического института социального воспитания и дефективного ребенка, член Совета

¹³⁰ Солоневич И. Л. Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. – С. 166—168.

Петроградского Богословского института, председатель правления Общества объединенных Петроградских православных приходов.

Александр Александрович Пиленко (1873—1948) – доктор юридических наук, ординарный профессор кафедры международного права. Член Государственного совета, гласный Петербургской городской думы, сотрудник газеты «Новое Время». После революции – в эмиграции.

Михаил Андреевич Рейснер (1868—1928) – правовед, социальный психолог и историк. С 1903 года – в эмиграции, где увлекся марксизмом. В 1907 году вернулся в Россию. Приват-доцент Петербургского университета и профессор Высших женских курсов и юридического факультета Психоневрологического института. В 1915—1916 гг. (совместно с дочерью Ларисой, «валькирией революции») издавал журнал «Рудин». После октябрьского переворота 1917 года развивал идею «пролетарского интуитивного права» в виде «революционного правосознания». Автор текста декрета об отделении церкви от государства. Участвовал в разработке первой конституции РСФСР.

Николай Николаевич Розин (1871—1920) – ординарный профессор кафедры уголовного права с 1912 года, секретарь юридического факультета, заведующий кабинетом и музеем уголовного права Университета. С июня 1916 года был избран деканом юридического факультета на 4 года (уволился в марте 1917 г., затем в октябре 1917 был вновь утвержден на эту должность). Указом Временного Правительства назначен сенатором уголовно-кассационного департамента Правительствующего Сената с мая 1917 года.

Всеволод Аристархович Удинцев (1865—1930) – выдающийся русский цивилист и коммерциалист, то есть специалист по гражданскому и коммерческому праву. В 1913—1916 гг. – декан юридического факультета.

Наверное, Солоневич для того, чтобы утверждать, что его поколение «обучали по преимуществу марксизму», имел некоторые основания. Но не обошлось и без известной доли преувеличения.

Только два примера. Мы не знаем, пересекались ли пути И. Л. Солоневича и упомянутого в нашем списке Ю. П. Новицкого, который никаким марксизмом не увлекался. Мученик Юрий (Георгий) был убит большевиками в 1922 году вместе со священномучеником Вениамином Петроградским, и канонизированы они тоже вместе.

Профессор А. А. Пиленко, хоть и стал после Второй Мировой войны в эмиграции активным участником движения за возвращение в СССР, а до этого, по некоторым данным, был масоном, все-таки симпатий к «передовому учению» также никогда не высказывал, до революции служил в консервативном «Новом Времени», в Гражданскую редактировал белую газету.

В университете Иван Солоневич не оставляет, конечно, своих спортивных занятий, более того – опять проявляет лидерские качества:

«Осенью 1912 года я поступил в Петербургский университет. В числе делегатов от спортивного студенчества я попал на прием к ректору университета профессору Гримму: мы просили отвести нам какой-нибудь угол для спортивного кружка. Гримм довольно, впрочем, вежливо выгнал нас вон: университет не создан для подготовки цирковых силачей. Так ни в громадном здании университета, ни в его бюджете для нас не нашлось ни места, ни денег. Мы обошлись без профессора Гримма»¹³¹.

Речь идет об Эрвине Давыдовиче Гримме, который выше упомянут в нашем списке. Дело в том, что в Петербургском университете были свои братья Гримм: старший, Давыд Давыдович (1864—1941), тоже был ректором – в 1910—1911 годах – и как бы передал эту должность по наследству младшему брату.

¹³¹ Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. – М.: «Москва», 2006. – С. 375.

«Ни одним видом спорта, кроме футбола, – вспоминал Солоневич, – я никогда не занимался всерьез. В футбол играл фанатически и скверно. Некоторые мои достижения в футбольной области объяснялись просто тем, что решительно никому не было никакой охоты сталкиваться с семипудовой глыбой, мотающейся со скоростью восьми метров в секунду. Однако и тут были „достижения“: я как-то сыграл три матча подряд: был центром полузащиты во второй команде университета. Пришел до начала встречи третьих команд. В нашей третьей кто-то не пришел, я сыграл за него. Потом играл сам за себя во второй команде. Потом не оказалось центра полузащиты в первой команде: как мог я отказаться от столь лестного предложения? Я сыграл и третий раз. И – ничего»¹³².

Студенчество тех лет, как вполне обоснованно предполагает большинство наших читателей, было в массе своей революционным. Провинциал Иван Солоневич, по идее, вполне мог примкнуть к своим «передовым» сверстникам – несмотря на все семейное воспитание, мало ли таких примеров. Много лет спустя он категорически утверждал: не мог!

*«Я много, очень много раз задавал себе вопрос: отчего я, выходец из нищей крестьянской семьи – из самой нищей из всех областей России, никогда не соблазнялся ни революцией, ни социализмом? Для этого были все социальные предпосылки <...> Я вижу только одно объяснение тому отвращению к социализму и к революции, на котором осталось все-таки подавляющее большинство русской молодежи: физическое здоровье. И, собственно, больше ничего. От словоблудия и рукоблудия мы отталкивались чисто инстинктивно. Было просто **противно**. Были отталкивающие противны: и стриженные курсистки революции, и ее длинноволосые студенты, их изуверство и их высокомерие <...> были органически противны их узкие бедра и узкие плечи, и узкие лбы, и узкие мысли. Но в совершенно такой же степени **мы** были противны **им** – вот почему примириться невозможно **никогда**»¹³³.*

Итак, дилемма получалась довольно странная, непостижимая никакой гуманитарной наукой: или – спорт, или – революция. На самом же деле, борьба шла между здоровьем и болезнью, в том числе и в социально-политическом смысле.

«Те юноши, которых я лично знал до 1917 года, были как-то странно бесплотны и бессовестны. Они не пили водку, не играли в футбол, не вздыхали по девушкам и не дружили с юношами. Их связи с близкими имели чисто партийный характер. Люди их фракции, даже не партии, а только фракции, были „товарищами“ – не друзьями, а только товарищами. Все остальное человечество делилось на два неравных лагеря: в одном находилось великое несознательное стадо всего человечества, в другом – конкуренты, пытающиеся загнать это стадо в свой идейный корраль. К стаду принадлежал и я»¹³⁴.

Николай Васильевич Крыленко (1885—1938), советский нарком юстиции, вряд ли относился к числу длинноволосых студентов, а вот в его фракционно-партийной сущности сомневаться не приходится. Закончив с отличием историко-филологический факультет, будущий первый главком Красной армии, член ЦК и ЦИК, поступает в 1912 году (то есть вместе с Солоневичем) вторично – на юридический. «Выдающийся государственный деятель» уже в декабре 1913-го подвергается аресту и высылается из столицы. Он, согласно официальной биографии, едет в Харьков, где участвует в подготовке VI съезда РСДРП (б). Здесь на юридическом факультете он сдает экзамен по полному курсу наук, прослушанному в Петербургском университете, и опять получает диплом первой степени.

Был однокурсником Солоневича и еще один, менее видный, большевик – Михаил Кузьмич Ветошкин (1884—1958), вступивший в партию в двадцатилетнем возрасте, а после революции ставший первым советским правителем в Вологодской, а затем в Царицынской

¹³² Солоневич И. Л. Биография Степки // Наша Страна. – 1951. – 3 ноября; №94.

¹³³ Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. – М.: «Москва», 2006. – С. 374.

¹³⁴ Там же. – С. 347.

областях, ответственный секретарь бюджетной комиссии ЦИК СССР, на старости лет – профессор МГУ.

Прочие потенциальные соседи Ивана Лукьяновича по университетским аудиториям (юрфак был все-таки самым густонаселенным факультетом, и однокурсники могли и не пересекаться по учебе) оставили не такой значимый след в истории. Достойны упоминания живописец, сценограф и писатель М. Ф. Андреев, театральный режиссер Г. Э. Ферман, художник-график Н. Н. Купреянов. Дружбой на долгие годы связал университет И. Л. Солоневича с журналистом Борисом Михайловичем Калининковым, который еще неоднократно появится на страницах нашей книги.

Еще двое его хороших знакомых сохранили свое инкогнито:

«Это было в дни Трехсотлетия Дома Романовых на Невском проспекте. Я был, так сказать, «в составе толпы», сквозь которую – без всякой охраны, но с большим трудом – пробивалась коляска Государя... Со мною рядом стояли два моих товарища по университету: один – левый эс-эр, другой – член польской социалистической партии. Над Невским гремело непрерывное «ура» – и оба моих товарища кричали тоже «ура» во всю силу своих молодых легких: обаяние Русского Царя перевесило партийные программы. Я не кричал «ура» – кажется, никогда не кричал в своей жизни. Я всматривался в лицо Этого Человека, на плечи которого «случайность рождения» возложила такую страшную ответственность за судьбы гигантской Империи. В Его жестах было что-то ощупывающее и осторожное: как будто Он боялся – привык уже бояться – что малейшая неосторожность может иметь необозримые последствия для судеб ста восьмидесяти миллионов людей... Вероятно, было и еще что-то, – чего я тогда не заметил: мысль о том, что из-за сплошной стены этих восторженных лиц может протянуться рука, вооруженная браунингом или бомбой.

Коляска протиснулась дальше. Крики толпы передвинулись по направлению к Адмиралтейству. Мой пэпэсовский приятель несколько конфузливо, как бы оправдываясь перед моей невысказанной иронией, сказал:

– А симпатичный все-таки буриш.

*Почему он сказал «буриш» – я этого не знаю. Вероятно, не знает и он сам – нужно же было что-то сказать».*¹³⁵

Несколько обязательных пояснений. В первую очередь, в данном конкретном случае мы можем с документальной точностью установить дату описываемых событий – 21 февраля 1913 года. Именно в этот день в Петербурге праздновали 300-летие царствования Дома Романовых. Можно назвать даже время: в 12 часов 15 минут Императорская Семья выехала из Зимнего Дворца к Казанскому собору. Государь с Наследником ехали в коляске, Государыня с Вдовствующей Императрицей – в русской карете, а Царевны – в ландо. Телохранителей, в современном понимании, действительно, не было. Но и слова «без всякой охраны» следует признать поэтическим преувеличением мемуариста. Царский выезд сопровождался двумя сотнями Конвоя, одна сотня располагалась впереди, другая – позади.

В соборе был прочитан праздничный манифест и отслужен торжественный молебен, после чего, как записал в дневнике Император Николай Второй, Члены Императорской Фамилии «вернулись в Зимний тем же порядком в 1 ½ <дня>»¹³⁶.

Солоневич со своими университетскими приятелями, судя по направлению движения в сторону Адмиралтейства, видели Царскую коляску, уже возвращавшуюся из собора во дворец.

¹³⁵ Солоневич И. Л. Убийцы, цареубийцы, самоубийцы // Вся власть – русским мозгам!: Сб. статей. – СПб: Русиформ, 2003. – С. 32.

¹³⁶ Дневники Императора Николая II. – М.: Орбита, 1991. – С. 384.

«Буршами» же в Германии называли студентов, так что в устах польского социалиста это была и впрямь неожиданная похвала: он признал Русского Императора, что называется, за своего.

У пристрастного наблюдателя по прочтении предыдущих глав мог сложиться слегка заштампованный образ молодого Солоневича: монархист, шовинист, черносотенец и антисемит. При желании любую фотографию нетрудно окрасить в соответствующие собственному восприятию тона. Немного забегаая вперед, скажем, что в дальнейшем наше повествование способно вызвать у таких людей еще одно желание – повесить на Ивана Лукьяновича ярлык с надписью «фашист» или даже – «пособник немецких оккупантов». Есть, увы, такой сорт читателей: они считают себя обладателями монополии на истину, все знают и при этом находятся в постоянном поиске новых подтверждений своей точки зрения. Предупреждаем заранее: с Солоневичем этот номер не пройдет. Он не вписывается ни в политологические схемы, ни в философские системы, ни даже в рамки так называемых общепризнанных фактов. Более того: этим он и интересен.

Что касается, например, антисемитизма, то достаточно одного признания нашего героя о том, что в его жизни было три настоящих друга: один русский, один поляк и один еврей. Тех, кто не понял, придется отослать к довольно известной книге В. В. Шульгина «Что нам в них не нравится». Если принять классификацию автора, то Солоневича (причем с великим множественством оговорок) следует отнести к сторонникам того типа антисемитизма, который назван рассудочным, или политическим, и которому посвящена большая часть книги¹³⁷. Говоря схематически, этот тип противодействует еврейству в том случае, когда интересы и деятельность последнего противоречат интересам России.

Шовинизма же вообще ничуть не бывало: любовь к своему народу совсем необязательно означает ненависть к другому или желание его унижить. В качестве доказательства – воспоминания Солоневича об университетских годах:

*«Неизвестные мне преимущества филологического факультета привлекли к нему американских студентов и студенток. В их числе были и индейцы. Настоящие. О их научных успехах я не информирован никак. Но они принимали участие в нашей спортивной жизни, и я тогда никак не мог сообразить, – что именно их так привлекает к „русской демократии“. <... > Петербург был, конечно, интернациональным городом. Но даже и в Петербурге все-таки сказывалось „русское влияние“. Оно, в частности, заключалось в том, что если бы какая бы то ни было семья, группа, кружок и пр. – попробовали как бы то ни было задеть национальное достоинство финна или индейца, поляка или татарина, – то это было бы **общественным** скандалом. И единственным исключением было гимнастическое общество „Сокол“. Но и „Сокол“ был тоже обезьянством: чешские провинциальные масштабы мы пытались перенести на русскую имперскую почву: в соколы принимали, видите ли, только славян. В том числе, правда, и татар. Но не принимали ни немцев, ни евреев. По тем временам я измерял достоинство людей по объему их мускулатуры. Но я никак не мог примириться с измерением человеческого достоинства по принципу национальной принадлежности»¹³⁸.*

Последовательность изложения событий приводит нас к маю 1915 года, когда, выбыв из университета «за невнесение платежей», наш герой должен был сразу попасть прямо на фронт. Но этого по каким-то причинам не произошло. Скорее всего, сказалась не только кочевая жизнь между Петроградом и Минском, но и сохранившиеся в архивах призывных комиссий врачебные заключения о состоянии здоровья студента Солоневича. И только в авгу-

¹³⁷ Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. – СПб: Хорс, 1992. – С. 24—192.

¹³⁸ Солоневич И. Л. Народная Монархия. – М.: Феникс, 1991. – С. 240—241.

сте 1916 года, когда под рекрутский набор шли уже, по современной формулировке, и «ограниченно годные», Иван стал рядовым запасного полка.

Университет, впрочем, получил запрос о местонахождении бывшего студента Солоневича раньше. Благодаря этому нам известны еще два его петроградских адреса: Невский пр., 57 (там, рядом с Николаевским вокзалом, располагались меблированные комнаты – род гостиницы) и Московский пр., 1¹³⁹.

¹³⁹ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, №61273. Л. 21об.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕПОРТЕР КРУПНЕЙШЕЙ ГАЗЕТЫ РОССИИ

Окончанию белорусского периода жизни и творчества Ивана Солоневича и переезду на постоянное жительство в столицу Империи предшествовали следующие обстоятельства.

«Уже два дня не выходит газета „Северо-Западная Жизнь“, – не без удовлетворения сообщила „Минская Газета-Копейка“ 25 августа 1915 года. – О причинах своего невыхода редакция ничего не объявляла. В известных кругах это вызывает оживленные толки»¹⁴⁰.

Через два дня тот же источник – объект продолжительной полемики – опубликовал информацию о возобновлении выхода газеты Солоневичей.

Однако уже 7 сентября оппоненты «Северо-Западной Жизни» завершают полемику вполне эффектным, на их взгляд, финалом. Заметка, озаглавленная «Бегство гг. Солоневичей», составлена в классическом для бульварной прессы стиле:

«Вчера в городе стало известно о позорном бегстве из Минска гг. Солоневичей отца и сына.

Получив в известном порядке крупную сумму, гг. Солоневичи, обещав удовлетворить сотрудников и наборщиков вознаграждением, которое им причиталось за прошлое время, ночью уехали из Минска, захватив с собой наиболее ценные вещи.

Для ликвидации оставшихся благоприобретенных машин и полученного в виде компенсации за «патриотические» услуги шрифта, оставили некую родственницу из их же редакционной семьи»¹⁴¹.

Объективная же картина выглядела следующим образом. Фронт подходил к Минску вплотную. Правительственные учреждения уже были эвакуированы в Петроград. Из минских периодических изданий продолжали выходить лишь те, что принадлежали владельцам типографий. И даже эти немногие испытывали явные трудности с элементарным обеспечением бумагой. Всего через две недели после отъезда «господ Солоневичей» передовые немецкие разведки перерезали железнодорожную линию Минск-Москва в районе Смолевичей.

Кроме того, у И. Л. Солоневича имелись и более чем существенные личные обстоятельства для эвакуации: супруга Тамара Владимировна была на восьмом месяце беременности. Впоследствии Иван Лукьянович вспоминал:

«Потом все наши белорусские проблемы рухнули в мировую войну. Я очутился в Петербурге месяца за три до рождения Юры без денег и без перспектив (на самом деле, сын родился через полтора месяца – И. В.). <...> Я стал устраиваться в „Новом Времени“. Это были голодные годы, когда я в мирное время спал на одеяле, постеленном на полу, и прикрывался своим единственным пальто – летним пальто. А. М. Ренников помог мне устроиться во внутреннем отделе на обзорах провинциальной печати. Я до сих пор не могу забыть того большого и дружеского участия, которое оказал мне А. М. Ренников, он тогда редактировал внутренний отдел. Но я хотел работать более всерьез. Редактор информационного отдела Ф. Ф. Борнгардт заявил мне, что он меня в этот отдел не пустит, – для такого заявления у него были основания. Я сказал, что я пройду. „Нет, не пройдет“. – „Ну, посмотрим“. Я сделал маленький трюк <...>. Изучил все слабые стороны нововременской информации, дал несколько важных заметок Борнгардту, он их не пустил. Две соответствующие заметки дал в какую-то другую газету, а с рукописью третьей пошел прямо к М. А. Суворину, взяв с собою все предыдущие произведения. Борнгардт едва не вылетел из „Нового Времени“ совсем, что нам не помешало впо-

¹⁴⁰ «Северо-Западная Жизнь» не выходит // Минская Газета-Копейка. – 1915. – 25 августа; №1087.

¹⁴¹ Бегство гг. Солоневичей // Минская газета-копейка. – 1915. – 7 сентября; 1102.

следствии поддерживать самые дружеские отношения. Так я стал работать в „Новом Времени“. И так я получил доступ к политическому быту и политической технике двух последних лет Императорской России»¹⁴².

В очередной раз прямую речь Солоневича необходимо снабдить небольшим именованным указателем. О М. А. Суворине, сыне основателя газеты, скажем ниже и подробнее, сначала – о двух других персонажах. Столь запомнившийся нашему герою Федор Федорович Борнгардт (1876—1938) происходил из обрусевших немцев и после революции остался жить в СССР, в 1937 году был арестован в Астрахани по обвинению в антисоветской агитации, получил 10 лет и летом следующего года скончался в Сталинградской тюрьме.

Ренников – это литературный псевдоним Алексея Митрофановича Селитренникова (1882—1957), нововременца с 1912 года, редактора отдела «Внутренние известия». После Гражданской войны Ренников – эмигрант, сотрудник парижской газеты «Возрождение», автор нескольких книг (очерки, рассказы, сатирические романы, пьесы).

Итак, бывший студент Иван Солоневич стал репортером «Нового Времени», здесь же обосновался и его отец. Чему подтверждением служит запись в Адресной и справочной книге «Весь Петроград на 1916 год»:

«Солоневич Лукьян Мих <айлович>. В <асильевский> О <остров> 9 л <иния, дом> 22. Сotr <удник> газ <еты> «Нов <ое> Вр <емя>»¹⁴³.

Аналогичная запись об Иване Лукьяновиче (тот же адрес и то же место работы) появляется в адресной книге на 1917 год¹⁴⁴, где дублируются и сведения о Л. М. Солоневиче. Кстати сказать, 9-я линия дополняет географию проживания И. Л. в Петербурге-Петрограде: он не фигурирует в списке адресов, содержащихся в студенческом деле Солоневича и приведенных нами в предыдущей главе, и он, скорее всего, не для отписки. По крайней мере, наш герой упоминает в своих воспоминаниях об этом периоде своей жизни только в связи с Васильевским островом. «Отвратительный, типично петербургский «доходный дом», как он его называл, был, кстати, построен по проекту известного архитектора П. Ю. Сюзора.

Лев Рубанов называет и еще один адрес:

«В Петербурге, живя в студенческой компании на Вознесенском, часто ездил к Ване на Жуковскую <ул. Жуковского – И. В>, близ Эртелева переулка, где Ваня служил в „Новом Времени“. На Жуковской у Вани я отдыхал от студенческой обстановки, так как Ваня имел квартиру в 3—4 комнаты, где его жена Тамара Владимировна, как гостеприимная хозяйка, угощала гостей чаем, после чего состоялся иногда преферанс. Их сын Юра тогда был годовалым, а может быть и нескольких месяцев...»¹⁴⁵.

Можно предположить, что переезд на Васильевский состоялся после того, как Лукьян Михайлович со своей второй семьей покинул Петроград, уехав на Кубань. До этого Иван, скорее всего, просто не хотел стеснять отца, с которым жили Борис и Всеволод, а также единокровный брат Евгений и мачеха. Боб заканчивал свое среднее образование в Восьмой гимназии – она располагалась неподалеку, в доме 8 по той же 9-й линии. Из выпускников этой гимназии прославились поэт Иннокентий Анненский, который в 1890-х был и ее директором, и – гораздо ближе к описываемым событиям – Михаил Зощенко (выпускник 1913 года). Будущий советский писатель, между прочим, так переживал по поводу проваленного экзамена по русскому языку, что даже предпринял попытку самоубийства. Впрочем, после того как его откачали, переэкзаменовка прошла успешно. С нашими героями – братьями Солоневичами – ничего

¹⁴² Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936—1940 гг. – М.: «Москва», 1997. – С. 280—281.

¹⁴³ Весь Петроград на 1916 год. – Пг.: Новое Время, 1915. – III отдел. С. 640.

¹⁴⁴ Весь Петроград на 1917 год. – Пг.: Новое Время, 1916. – III отдел. С. 646.

¹⁴⁵ Рубанов Л. Памяти основателя // Наша Страна, Буэнос-Айрес. – 1988. – 17 сентября; №1989.

подобного случиться, конечно, не могло: другая порода. Борис, окончив гимназию, поступил в 1917 году Петроградский Политехнический институт имени Петра Великого, воплотив таким образом в жизнь мечту старшего брата Ивана. Еще раньше, в 1916 году это сделал средний брат Всеволод. Но пришли они в Политех разными путями. Дик перевелся со второго курса юридического факультета Императорского московского университета, а Боб поступил напрямую на физико-математический факультет университета Петроградского и на кораблестроительный в Политехнический. Понятно, что учиться в двух высших учебных заведениях одновременно было невозможно, и Борис выбрал Политех¹⁴⁶.

Душа горит на сотне вертелов,
лишь вспомню переулочек Эртелев, —

так звучало не очень складное двустишие, которым один молодой поэт постарался выразить свое негодование по поводу «реакционной» позиции газеты «Новое время». Редакция этого издания помещалась в доме №6 по Эртелеву переулку (ныне улица Чехова), а типография – в домах №№11 и 13.

Советская историография классифицирует «Новое Время» как черносотенное издание, притом ведущее. Это неправда: у организаций черносотенцев, Союза Русского Народа и Союза Михаила Архангела, были свои средства массовой информации. «Новое Время» можно было бы еще отнести к органу националистов – благодаря тому, что его ведущий публицист Михаил Осипович Меньшиков (1859—1918) состоял в Главном совете Всероссийского национального союза (как мы помним, в эту организацию еще в Вильне вступил и Л. М. Солоневич). Но и такой подход не оправдан. Детище А. С. Суворина было слишком серьезным коммерческим проектом, чтобы представлять интересы какой бы то ни было партии или даже движения. Что, конечно, никак не мешало вести работу в определенном политическом русле.

Вообще, позиции черносотенцев (или крайне правых) и националистов были близки, и принципиально различались лишь в одном:

«Союз русского народа, – пишет современный исследователь М. Б. Смолин, – был агрессивен и простонароден в большинстве своем, тогда как Всероссийский национальный союз появился <...> как союз не приемлющих октябристских („второсортные кадеты“, как называл их Меньшиков) дальнейших радикальных конституционных вождедений и отодвигания национальных вопросов на второй план (для националистов было важно незамедлительное решение еврейского вопроса), а также не согласных с крайне правыми в их отношении к Государственной Думе и нежелания выставлять народность впереди Православия и Самодержавия. Для националистов и Православия, и Самодержавия вытекали из национальных особенностей, а не наоборот, как это считалось крайне правыми»¹⁴⁷.

Новый, столичный, этап журналистской деятельности И. Л. Солоневича был не слишком продолжительным.

Среди постоянных авторов газеты предреволюционного периода – сплошь звучные имена: Александр Аркадьевич Столыпин, брат покойного премьер-министра; писатель Николай Александрович Энгельгардт; профессор Дмитрий Николаевич Вергун; статс-секретарь, тайный советник, член Государственного совета, сенатор Александр Петрович Никольский; писатель и публицист граф Лев Львович Толстой (сын великого писателя). И так далее – список этот можно было бы развернуть, без преувеличения, на две-три книжных страницы.

¹⁴⁶ Подробнее см.: Маньков С. А. Братья Всеволод и Борис Солоневичи – студенты петроградских вузов (по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга) // Иван Солоневич – идеолог Народной Монархии: Материалы XVI научно-практ. конференции: СПб. 18 ноября 2018 года. – СПб: Российский Имперский Союз-Орден: Ред. газ. «Монархистъ», 2019. – С. 22—31.

¹⁴⁷ Смолин. М. Б. Имперское мышление и имперский национализм М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Письма к русской нации. – М.: Москва, 2002. – С. 24.

Уж как минимум нельзя не упомянуть о братьях Сувориных, продолживших дело великого отца. Накануне революции все трое были заметными величинами не только в среде издателей и журналистов, но и на общественном поприще. Старший из братьев, Михаил Алексеевич Суворин (1860—1931) был главным редактором «Нового Времени», редактором-издателем журнала «Лукоморье», издателем журналов «Русская Будущность» и «Русско-Британское Время», товарищем председателя совета Всероссийского общества редакторов ежедневных газет, председателем Петроградского Литературно-Художественного общества, председателем комитета по организации экспедиции к Северному полюсу, а также директором театра А. С. Суворина (и сегодня он известен как Малый театр).

Алексей Алексеевич Суворин (1862—1937), после того как несколько лет отработал ответственным секретарем «Нового Времени», практически отошел от дел «Товарищества А. С. Суворина», издавая «Маленькую газету». Его больше занимало писательство и разработка собственной методики лечебного голодания.

Перечень должностей младшего из братьев, между прочим, любимца А. П. Чехова – Бориса Алексеевича Суворина (1879—1940) тоже впечатляет: редактор газет «Вечернее Время» и «Новое Время»; редактор-издатель газеты «Время» в Москве и журнала «Конский Спорт»; председатель правления Общества издателей периодической печати в Петрограде; председатель Общества содействия физическому развитию учащейся молодежи.

Досушие домыслы некоторых сегодняшних «исследователей» ставят скромного репортера в один ряд с «золотыми перьями» суворинского издания – Василием Васильевичем Розановым (1856—1919) и тем же Меньшиковым. Увы, но в предреволюционные годы И. Л. Солоневич был в ведущей российской ежедневной газете далеко не на первых ролях – рангом ниже даже забытых ныне профессора А. А. Пиленко или уже упоминавшегося А. М. Ренникова. Штатный сотрудник, не более того. Так, например, в опубликованном по случаю 40-летия «Нового Времени» «более или менее полном» списке сотрудников фамилия «Солоневич» отсутствует¹⁴⁸. Однако же в юбилейном выпуске иллюстрированного еженедельного приложения к газете на групповом фотоснимке Иван Лукьянович запечатлен. Он стоит во втором ряду, сразу за Борисом Сувориным, который чрезвычайно ценил способности молодого репортера.

В дореволюционной журналистике существовали три своеобразных сословия, а может быть и касты: репортер, фельетонист и редактор. Первый добывал информацию. Второй ее анализировал и излагал в наиболее удобной и интересной для читателя форме (в отличие от сегодняшнего фельетониста, обреченного на сатиру). Наконец, третий, редактор – это журналист, оценивающий написанное, приводящий текст к наиболее приемлемому для данного издания виду.

Иван Солоневич был репортером. Одно из учебных пособий для вузов так характеризует дореволюционного представителя этого звания:

«Репортер – легкий на подъем, наблюдательный человек, с цепкой памятью, умеющий легко и быстро входить в контакт с самыми разными людьми и располагать их к себе. Хорошо развиты основные органы чувств: зрение, слух, не в последнюю очередь обоняние, осязание... Наконец, обладающий хорошей интуицией, „нюхом на сенсацию“. Разумеется, это далеко не полный перечень»¹⁴⁹.

Надо полагать, что собственную близорукость вкупе с «кашей во рту» (косноязычие) наш герой должен был компенсировать предельным развитием остальных вышеперечисленных профессиональных качеств.

¹⁴⁸ Новое Время. – 1916. – 29 февраля; №14360.

¹⁴⁹ Гвоздев Л. Журналистика: инструментарий, навыки, техника безопасности: Учебное пособие. – М., 1999.

Первые публикации нового сотрудника столичной газеты основываются на личных переживаниях: испытав на себе, пусть и в небольшой степени, тяготы беженства, Солоневич видел, как страдала белорусская крестьянская масса. И в первые месяцы он много пишет о ее нуждах, о работе, зачастую несогласованной, различных комитетов и организаций помощи беженцам.

Вот небольшой отрывок из самого первого очерка И. Л. в «Новом Времени»:

«Самое ужасное, это – беженцы-крестьяне. Вросшие в свою родную землю, они срысываются с нее только в ту последнюю минуту, когда враг находится в расстоянии нескольких верст и когда соседние деревни охвачены дымом пожаров. Возы с захваченным имуществом представляют собою нагромождение часто самых ненужных вещей: тут старые ведра, кухонная посуда, грабли. Часто нет зимней одежды, в суматохе забытой в заветных углах «скрын» и чердаков. Как общее правило, крестьяне захватывают коров, свиней, баранов, если только интендантство не реквизирует их вовремя для надобностей войск... Но по дороге часто нечего есть и людям, не только коровам... На выручку приходит неизбежный Еврей-перекупщик, и корова идет за 50 коп. – 1 рубль...»

Эта масса потоками течет на восток. Правительство, а большие всего земство и земский и городской союзы организуют по пути питательные пункты, врачебную помощь... Но что это значит для массы, оторванной бурей войны от своего труда?

Обычная картина: в бесконечном ряду возов вы выбираете один и подходите. Длинный воз с натянутым на обручах полотном, – «буды», нечто вроде автомобильного верха; внутри – несколько ребятишек на грудах разнообразнейшего хлама; на козлах столетний дед, рядом идет одна-две бабы...

– Куда ж ты, дед, едешь?

– А в Москву.

– Да ты что ж там делать-то будешь?

– А кто ж его, панночка, знает. Люди говорят у Москву ехать. Усе у Москву едут...

Они не словоохотливы. Лица спокойные, неожиданно спокойные... Ребятишки испуганно забились в угол «буды», а старому деду все равно...

– Что ж вы взяли с собой?

– А ничего, панночка, не узяли. Як почау «ен» палить, як почау... Гляжу – ажно Немшиковцы горят. Наехали тутатка казаки – утекайте... Ничего не узяли. Коровки две узяли, так одна сдохла, другую жиду продали...

Картофельные поля, лежащие на пути беженцев, почти сплошь раскопаны. Все чаще и чаще беженцы отказываются от работы. В их примитивных умах где-то глубоко гнездится убеждение, что тот «кто-то», который согнал их с родного гнезда, должен им дать и пищу, и кров, и одежду..»

И длинные вереницы идут все дальше и дальше на восток»¹⁵⁰.

Репортажи начинающего нововременца невелики по объему – в основном это публикации в две-три тысячи знаков. Таким же небольшим был и материал, написанный в жанре корреспонденции, благодаря которому подтверждается один существенный факт из биографии нашего героя. А именно, что его единственный сын Юрий родился не в Петрограде, а в Москве. Это обстоятельство, зафиксированное в десятке печатных и архивных источников, честно говоря, долгое время вызывало недоумение автора этих строк: как же так, муж в Питере, а жена рождает в Москве?

Если же немного поразмыслить, то ситуация имеет свою внутреннюю логическую стройность. Уезжая из Минска, Иван знает, что на первых порах не сможет обеспечить нормальных условий проживания своей беременной жене. Отцу все-таки проще, ведь он воссоединяется со своей второй семьей. Обременять его Иван, очевидно, совсем не хочет, тем более что

¹⁵⁰ И <ван> С <олоневич>. В Минске // Новое время. – 1915. – 18 сентября (1 октября); №14197.

и младшие братья оставались на иждивении Лукьяна Михайловича. Выход был найден такой: на некоторое время отправить Тамару к ее родственникам в Москву, чтобы уже потом, как следует обустроившись в Петрограде, перевезти туда и ее, и ребенка.

Юрий Иванович Солоневич родился 15 октября 1915 года. А за пять дней до этого в «Новом Времени» выходит корреспонденция Ивана Лукьяновича, отправленная из Москвы. Она называется «Студенты-рабочие» и рассказывает о том, как в Первопрестольной организована работа по привлечению студентов к разгрузке вагонов с дровами на вокзалах.

Проходит чуть больше месяца и молодой отец, формально не студент, но, без сомнения, связей с этой средой не порывавший, уже сам выступает в роли грузчика. Этому эпизоду посвящена самая объемная его публикация за время работы в «Новом Времени» – очерк «Студенты-грузчики». Приведем небольшую выдержку из него:

«Улучив момент, я обратился к одному из работающих с вопросом о записи в артель.

– Через десять минут будет перерыв, – обратитесь к старосте... У нас такое условие, – день должны поработать бесплатно, а там видно будет.

Перерыв... Разыскиваю старосту. Внизу, в барже, на мешках, где нет ветра и потому сравнительно тепло, сидит компания человек в 10 и усиленно курит. Спрашиваю, кто из них староста.

– Это я, вам что угодно.

Основательный юноша с весьма независимым видом и повелительными манерами. Заявляю робко, что желал бы, дескать, записаться в артель.

– У нас мест нет. И вообще – примешь новичка, – он только напортит, а за него потом вся артель отдувайся...

Тем временем меня критически осматривают остальные грузчики.

– А знаешь, Сашка, это кажется здоровый парень. Пожалуй, стоит взять.

Староста смягчается.

– А вы студент?

– Студент.

– Ну что ж, пожалуй, попробуйте. Только тяжельно будет. Это вам не на лекциях сидеть. Сегодня поработайте, а завтра посмотрим...»¹⁵¹

Этот бесценный опыт пригодится Солоневичу еще не раз – и после февральской революции в Петрограде, и на заре Советской власти в Одессе, и уже в эмиграции в Финляндии, в первые месяцы после побега. Впрочем, мы опять забегаем вперед.

В разделе «Внутренние известия» выходят подготовленные Иваном Лукьяновичем обзоры провинциальной печати. Хотелось бы написать, что публикации выходят «регулярно», однако это желание упирается в недостаточность доказательной базы.

Работа по выявлению полного перечня публикаций Солоневича в «Новом Времени» оказалась не таким уж простым делом. Трудности поиска обусловлены тем, что большинство газетных авторов в то время пользовались не только псевдонимами, но и криптонимами. А заметки скромного репортера, пусть и бывшего на хорошем счету, зачастую и вовсе оставались без подписи.

И неудивительно, что в 1970-е в письме к нынешнему редактору основанной Солоневичем газеты «Наша Страна» Н. Л. Казанцеву с легкой долей недоумения спрашивал А. И. Солженицын: «Не знаете ли Вы: под каким псевдонимом печатался И. Солоневич в „Новом времени“? Сколько я прочел этой газеты за 1916 и 1917 – ни разу его фамилии не встретил»¹⁵².

¹⁵¹ Новое время. – 1915. – 31 октября (13 ноября); №14240.

¹⁵² «Газета ваша определенно крепнет, интереснее, разнообразнее»: Письма Александра Солженицына редактору «Нашей Страны» Николаю Казанцеву // Наша Страна. – 2008. – №2852; 20 сентября.

Нам довелось проштудировать подшивку суворинской газеты за период с осени 1915-го по самое закрытие осенью 1917 года. За это время всего одна (!) публикация Ивана Лукьяновича в «Новом Времени» была подписана «Ив. Солоневич». Все остальные: «И. С.», «Ив. Сол.», «Ив. Солон», «Ив. Невич». А сколько еще было неподписанных!

С уверенностью пока можно говорить о 46 публикациях Ивана Солоневич в газете. Еще полтора десятка, по тем или иным косвенным признакам, следует отнести к категории предполагаемого авторства. Конечно, работа штатного сотрудника должна была быть представлена на страницах ежедневного «Нового Времени», как минимум, на порядок большим числом. Все-таки Солоневич прослужил в редакции с сентября 1915 года до самого октября 1917-го, когда суворовское издание и с ним еще шесть наиболее контрреволюционных были закрыты большевиками.

«Итак, я вошел в святилище петербургской политики последних двух лет Императорской России, – вспоминал И. Л. Солоневич. — Редакция „Нового Времени“. Редакционные ужины после двух часов ночи, где за бутылкой (бутылки были, невзирая ни на какие сухие законы) каждый из сотрудников делился всем, что узнал за день („не для печати“). Кулуары Государственной Думы. Министерства. Биржа. Контрольные пакеты. Мальцевские, ланозовские, нобелевские и прочие акции. Милые старички, штатские и военные: „Вы знаете, мне третьего дня Митька Рубинштейн посоветовал купить мальцевские, и действительно – пятьсот рублей заработал“. – „Да плюньте вы, генерал, рано или поздно этот Митька снимет с вас последние штаны – этим он ведь и живет“. – „Да помилуйте, конечно, еврей, но такой культурный, такой милый, такой услужливый“. Через месяц – ни мальцевских, ни штанов. Хорошо еще, если пенсия осталась. Сплетни о Распутине. „Царица шпионка“. Самые гнусные из сплетен – сплетни из великокняжеских салонов»¹⁵³.

Наш герой мог поддаваться полемическому задору, неточно цитировать своих оппонентов, даже фантазировать «ради красного словца», но поймать его на лжи относительно фактов собственной биографии вряд ли кому удастся, за исключением явных ошибок памяти. С протокольной точностью подтверждаются даже самые невероятные эпизоды его жизни. Мы, конечно, проверяли эти «показания» не ради желания поймать за руку, а для того, чтобы узнать побольше о его фантастической судьбе.

В начале августа 1916 года Иван Солоневич, ратник второго разряда, был призван в армию и зачислен рядовым в лейб-гвардии Кексгольмский полк. Он просился в школу прапорщиков – но не пустили из-за косноязычия. Больше того: по причине плохого зрения его зачислили в швейную мастерскую.

«Швейная мастерская меня вовсе не устраивала. И так как для сотрудника «Нового Времени» не все уставы были писаны, то скоро и совершенно безболезненно был найден разумный компромисс – я организовал регулярные спортивные занятия для учебной команды и нерегулярные спортивные развлечения для остальной солдатской массы. Я приезжал в казармы в 6 утра и уезжал в 10 дня. Мои добрые отношения с солдатской массой наладились не сразу: близость к начальству эта масса всегда рассматривала как нечто предосудительное. Но они все-таки наладились.

Это был маршевый батальон, в составе что-то около трех тысяч человек. Из них – очень небольшой процент сравнительной молодежи, остальные – белобилетники, ратники ополчения второго разряда, выписанные после ранения из госпиталей – последние людские резервы России, – резервы, которые командование мобилизовало совершенно бессмысленно. Особое Совещание по Обороне не раз протестовало против этих последних мобилизаций: в стране давно уже не хватало рабочих рук, а вооружения не хватало и для существующей армии.

¹⁵³ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. – М.: «Москва», 1997. – С. 286.

Обстановка, в которой жили эти три тысячи, была, я бы сказал, нарочито убийственной: казармы были переполнены – нары в три этажа. Делать было совершенно нечего: ни на Сенатской площади, ни даже на Конно-Гвардейском бульваре военного обучения производить было нельзя. Людей кормили на убой – такого борца, как в Кексгольмском полку, я, кажется, никогда больше не едал. Национальный состав был очень пестрым – очень значительная часть батальона состояла из того этнографически неопределенного элемента, который в просторечии назывался «чухной». Настроение этой массы никак не было революционным – но оно было подавленным и раздраженным. Фронт приводил людей в ужас: «Мы не против войны, да только немец воюет машинами, а мы – голыми руками», «И чего это начальство смотрело». Обстановка на фронте была хорошо известна из рассказов раненых»¹⁵⁴.

Работа в «Новом Времени», действительно, продолжалась. И в августе, и в сентябре 1916-го выходят заметки Солоневича. Среди них две, набранные самым мелким шрифтом, привлекают наше особое внимание. В первой говорилось:

«Петроградский кружок спортсменов «Кречет» разыграл свое первенство по легкой атлетике.

<...> в толкании ядра первый Солоневич 7 метр. 87 сант. <...> в прыжках в высоту победителем оказался Кирсантьев 1 м. 35 сант., затем Константинов и Солоневич. <...> в прыжках в длину <...> <третьим> Солоневич 4 м. 86 см. <...> в метании диска <второй> Солоневич 21 м. 61 см.

Первенство выиграл Константинов, получивший 16 очков, за ним Кирсантьев, получивший 21 очко, затем Солоневич 27 очков»¹⁵⁵.

А вот и вторая: *«8 сентября петроградская лига легкой атлетики устроила состязания в эстафетном беге на дистанцию в 10.000 метров, на переходящий приз «Вперед», учрежденный членами русского национального общества любителей спорта. <... участвовали три клуба...>*

Победу одержала команда петроградского кружка любителей спорта <...> На втором месте команда «Кречета» в следующем составе: Забелин, Федоров, Смирнов, Молокиенко, Корытов, Гуськов, Солоневич I, Солоневич II, Кирсантьев и Зайцев. Время, показанное этой командой, 34 м. 20 с.»¹⁵⁶.

Кто это конкретно был из братьев Солоневичей, сначала один, а потом первый и второй – установить не представляется возможным. И средний брат Всеволод, и младший Борис в 1916 году уже вовсе могли проявлять свои атлетические способности. Но, в любом случае, трудно предположить, что информация об этих не самых крупных спортивных состязаниях попала на страницы ведущей российской газеты без помощи Ивана Лукьяновича.

Наступало время страшное, революционное. Не до спортивных игрушечных баталий. Казармы Кексгольмского полка располагали к размышлениям на другие темы.

«Моим командиром был барон Тизенгаузен – я сейчас не помню его чина. Это был атлетически сложенный человек, очень выдержанный и очень толковый. Он сумел установить – в меру своих возможностей – прекрасные отношения с солдатской массой, и может быть, именно поэтому Кексгольмский полк никакой революционной активности не проявил. Но атмосфера была убийственной. Я пошел к барону Тизенгаузену и сказал: «Так что же это такое – пороховой погреб?» – «...Совершенно верно: пороховой погреб. И кто-то подвозит все

¹⁵⁴ Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. – М.: «Москва», 2001. – С. 225–226.

¹⁵⁵ Состязания по легкой атлетике // Новое Время. – 1916. – 20 августа (2 сентября); №14532.

¹⁵⁶ Приз «Вперед» // Новое время. – 1916. – 11 (24) сентября; №14554.

новый и новый порох. Нас – шесть офицеров на три тысячи солдат, старых унтер-офицеров у нас почти нет – сидим и ждем катастрофы».

В общем выяснилось, что бар. Тизенгаузен докладывал об этом по служебной линии: не получилось ничего. Пытался действовать по «светской» линии – тот же результат. Бар. Тизенгаузен посоветовал мне пустить в ход «нововременскую» линию. Я попробовал. Доложил М. А. и Б. А. Сувориным о положении дел и о моем разговоре с бар. Тизенгаузеном. По существу все это братья Суворины знали и без меня, но я был живым свидетелем, непосредственным очевидцем, а мои репортерские способности в редакции ценились очень высоко. Словом, и М. А. и Б. А. Суворины пришли в действие: к кому-то ездили, с кем-то говорили – во всяком случае, с Военным Министерством и генералом Хабаловым. Ничего не вышло. М. А. о результатах своих усилий не говорил почти ничего, а Б. А. выражался с крайней степенью нелитературности»¹⁵⁷.

Конечно, этот и подобные ему запасные полки, а никак не бабы, стоявшие в хлебных очередях (в первый раз за три года войны, и при том никаких карточек!) были если не стержнем и движущей силой, то топливом февральской революции. Как пишут в сентиментальных романах: тучи сгустились, гроза назревала.

Наш герой тем временем демобилизовался – не судьба была понюхать фронтового пороху Первой Мировой и его однополчанам. У Ивана Солоневича имелись на то свои собственные веские причины. Соответствующий документ подшит в его студенческом деле:

«Служивший в запасном батальоне Лейб-гвардии Кексгольмского полка ратник 2 разряда Иван Лукьянович Солоневич <...> (в походах и сражениях не был) по освидетельствованию, произведенному 18 января 1917 г. комиссией врачей Петроградского Николаевского военного госпиталя, оказался одержим: понижением зрения до 0,1 вследствие близорукости правого в степени 6 ОД и левого в степени 4 ОД и на основании <...> приложения к приказу 1913 года №289 УВОЛЕН НАВСЕГДА ИЗ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ как совершенно к ней неспособный, носить оружия не может».

И вот, комиссованный в январе 1917 года Иван решает восстановиться в университете. В феврале он подает прошение «об обратном приеме», заплатив недоимки – 25 рублей за 1914-й и столько же за 1915 год. Справка, датированная 21 февраля 1917 года, говорит о том, что Иван Солоневич «принят обратно в число студентов юридического факультета»¹⁵⁸.

Всего через несколько дней случилась революция...

Подводя итог дофевральскому периоду жизни «Нового Времени», Солоневич писал в эмиграции:

*«Новое Время» выдвигало на первый план идею русской государственности, боролось с попытками под маской критики развалить мощное здание российского государства, громило разрушительные тенденции левых партий, словом, удачно или неудачно, другой вопрос – защищало те русские позиции, которые мы, с этих позиций теперь выбитые, – оцениваем несколько иначе, чем мы их оценивали в 1914 году. Может быть, несколько иначе оценили бы и М. Меньшикова, кончавшего свои предвоенные статьи неизменным *caeterum censero*: «а сколько у нас пулеметов?». Пулеметов у нас не хватило. Но призыв иметь пулеметы – был ретроградством, империализмом, черносотенством. Меньшиков заплатил за это и за многое другое расстрелом»¹⁵⁹.*

¹⁵⁷ Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. – М.: «Москва», 2001. – С. 228–229.

¹⁵⁸ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, №61273, лл. 27, 27об, 28, 28об, 29, 29об.

¹⁵⁹ Солоневич И. Л. О «Новом» и «Вечернем Времени» // Голос России. – 1937. – №29; 5 января.

А о его нововременских публикациях после февраля 1917-го будет рассказано чуть позже.

ВЕЛИКАЯ БЕЗМОЗГЛОСТЬ

Иван Солоневич немало трудов положил на то, чтобы доказать: никакой революции в феврале 1917 года не было – был переворот. Свои заключения он делал не только на основании изученных документов и мемуаров, но также исходя из того, что видел собственными глазами. Поэтому глава, посвященная роковому 1917-му, в нашем повествовании будет стоять особняком. В ней биограф уходит на задний план и предоставляет возможность главному действующему лицу книги выйти на авансцену. Ибо нет решительно никаких оснований переводить прямую речь в косвенную. Такую, например:

«Последние предреволюционные дни по поручению Б. А. Суворина лазил по окраинам, говорил с рабочими, с анархистами, с эсдеками и с полицией. Полиция была убеждена: все уже пропало. Начальство сгнило. Армия разбита. Хлебные очереди как бикфордовы шнуры. Я ходил и наблюдал: от Таврического и Мраморного дворцов, от салона баронессы Скопин-Шуйской до баб в хлебных очередях. Если мне удастся когда-нибудь написать, как Короленко, „Записки моего современника“, это будет книга! В некоторых отношениях – не во всех – у меня безошибочная память»¹⁶⁰.

Как и всякий монархист, именно Февраль, а не Октябрь Солоневич считал отправной точкой российской катастрофы. К осмыслению событий, предшествовавших отречению Царя-Мученика, он постоянно возвращался на протяжении своего долгого творческого пути. Но первая его публикация о «великой и бескровной» состоялась на страницах «Нового Времени». В номере от 9 (22) марта 1917 года под инициалами «И. С.» помещена заметка «Немцы о русской революции». Вот ее содержание целиком:

«Осведомленность немцев о происходящих в России событиях рисуется в следующем виде:

В 5 часов вечера 3 марта германская главная квартира имела подробное донесение своих агентов об образовании Исполнительного Комитета Государственной Думы. Что касается самого народного движения, то немецкие агенты изображают его так.

«25 февраля на улицах были только отдельные толпы голодных людей (очевидно, хвосты у булочных). В этот же день состоялось секретное заседание у Родзянко, но город казался спокойным. 26 февраля улицы наполнились возбужденной толпой и революция стала общим лозунгом. В полдень особый выпуск газеты «Речь» опубликовал указ о роспуске Думы. Одновременно в клубе кадетской партии состоялось тайное заседание, известие о котором облетело весь город.

Первое кровавое столкновение произошло 27 февраля, причем тотчас же часть войск перешла на сторону революционеров. Начальник Петроградского округа Хабалов скрылся. В этот же день революционеры завладели заречной частью города, имея главную квартиру на Финляндском вокзале. Революционеры освободили заключенных из тюрем, причем разоружили одного жандарма, сопровождавшего транспорт раненых.

В полдень революционеры заняли почту и правительственные места.

Утром следующего дня все войска перешли на сторону революции и она одержала полную победу. По сведениям из Хапаранды, революция перекинулась в Москву».

2 марта «Франкфуртская Газета» сообщила, что царь арестован при проезде из Петрограда в Москву и принужден к отречению.

В тот же день германская печать получила сведения об опубликовании в Петрограде декларации Временного Правительства. Текст ее приводится дословно и без всяких искажений.

¹⁶⁰ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. – М.: «Москва», 1997. – С. 286—287.

3 марта в Германии были опубликованы акты отречения Николая II и Михаила Александровича и список арестованных в Таврическом дворце, причем относительно некоторых лиц приведены даже подробности, так, например, относительно Добровольского немцы осведомлены, что он искал спасения в итальянском посольстве.

* * *

Противоречивые, сбивчивые и часто неверные сведения все-таки подтверждают главное: немцы зорко следят за Россией и ловят вести о нашем внутреннем положении, независимо от источника, из которого они исходят»¹⁶¹.

В авторстве сомневаться практически не приходится. В 1915—1917 годы был только один постоянный сотрудник Нового Времени», который имел сходные инициалы – Иван Борисович Смольянинов – но он пользовался криптонимом «И. Б. С.». Нелишне будет также отметить, что генерал Смольянинов, прошедший не одну войну, в том числе и Первую Мировую, издал до революции несколько сборников рассказов и даже «книжку стихов» и был одним из активных участников скаутского движения. Расстрелян большевиками в Крыму в 1920 году, этот факт упоминается в книге Бориса Солоневича «Молодежь и ГПУ»¹⁶².

Но вернемся к содержанию заметки. И вспомним атмосферу, царившую тогда в Петрограде – и в столичной печати в частности. Безумный восторг по поводу «освобождения от ига царизма» разделяли даже такие консервативные публицисты, как ведущие авторы того же «Нового Времени» Василий Розанов и Михаил Меньшиков. Первый, к примеру, сравнивал царскую Россию со здоровым человеком, у которого болел зуб. Революция, дескать, этот зуб, то бишь Самодержавие, вырвала. И теперь «Илье Муромцу никто не связывает ноги»¹⁶³. Вторым, Меньшиков, «успокаивал» монархистов: не народ предал Царя, а Царь предал народ. Революционная лихорадка настолько подействовала на Михаила Осиповича, что и он, изменяя своему публицистическому таланту, не удержался от банальных сравнений: «... мы твердо верим, что освобожденный народ наш, сбросив с себя груз преступного самодержавия, окажется гораздо сильнее, чем был, как богатырь, сорвавший свои оковы»¹⁶⁴.

А ведь всего год назад на докладе председателя Совета министров Б. В. Штюрмера по случаю 40-летия суворинского издания Государь Император Николай Александрович начертал: **«Ценю стойкость, с какою „Новое Время“ всегда охраняло русские национальные идеалы, желаю газете дальнейшего процветания»**¹⁶⁵.

И вот, в условиях революционной истерии, когда от имени Великих Князей распоясавшиеся борзописцы публиковали свои «интервью», а члены Императорского Дома не могли даже поместить опровержения¹⁶⁶, скромный репортер Солоневич и публикует свою заметку, общий смысл которой можно кратко выразить так: Россия находится в состоянии войны, и свершившийся переворот явно на руку врагу. Сказать больше и конкретнее было просто невозможно – при всей наступившей «свободе». И появилась у него такая возможность нескоро – почти через 20 лет. Ведь и в белогвардейской, и уж тем более в советской печати (а Солоневич публиковался и в одной, и в другой), в силу известных причин, сложились свои каноны подачи «февральских» событий. Умозаключения монархиста Солоневича в них никак не вписывались.

¹⁶¹ И <ван> С <олоневич>. Немцы о русской революции // Новое время. – 1917. – 12 (25 марта); №14725.

¹⁶² Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. – София: Голос России, 1937. – С. 54—55.

¹⁶³ Розанов В. В. Перед положительными задачами истории // Новое Время. – 1917. – 8 (21) марта; №14721.

¹⁶⁴ Меньшиков М. О. Три опасности // Новое Время. – 1917. – 9 (22) марта; №14722.

¹⁶⁵ Высочайшая отметка // Вечернее Время. – 1916. – 29 февраля; №1405.

¹⁶⁶ См., напр.: Закатов А. Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 года. – М.: Новый Век, 1998. – С. 86—93.

Впрочем, даже в эмиграции самобытный автор долго не мог дорваться до своего читателя. Зато, когда это получилось, тема Февраля зазвучала громко. В 1937 году намечается только контур, даются первые штрихи к развенчанию «распутинской легенды»:

«Что же касается Распутина – то его еще нужно очистить и от великосветских сплетен и от голливудского налета. Тогда, кроме кутежей и женолюбия, ничего предосудительного и не останется. Но это – его частное дело <...>

Но в данном случае «частная жизнь» была не только вывернута наизнанку, не только заляпана грязью, «инсинуациями самого грязного свойства», но и в этом виде «доведена до сознания народных масс». Можно сказать, что Ее Величество Сплетня одолела Его Величество Царя. Царь – заплатил своей жизнью. Россия заплатила двадцатью годами тяжчайших страданий – но сплетня продолжает свое победное шествие <...>

В подсоветской России сплетня как-то повывелась. Может быть, потому что не до нее. Страданиями двадцати лет выжжена сплетня и о Царской Семье. В сознании подсоветских масс – в особенности, крестьянства – образ Николая Второго сконструировался совсем не в том аспекте, которого ожидали убийцы. Не Николай Кровавый, не Николай Последний, а Царь-Мученик. Заплативший жизнь за свою верность России, за верность тому слову, которое Он дал от имени России и проданный своим «средостением». О жизни и о гибели Государа ходит масса слухов – в большинстве случаев совершенно апокрифических, создаются легенды, путей которых никто проследить не в состоянии. И именем Государа как бы возглавляется тот многомиллионный синодик мучеников за землю русскую, к которому каждый день сталинской власти вписывает новые имена. Для монархической идеи нет оружия более сильного, чем легенды и мученический венец. Призрак Царя Мученика бродит по России, и он тем более страшен для власть имущих – что его ни в какой подвал не затащишь»¹⁶⁷.

Еще раз отметим дату – 1937 год – и вспомним, что прославление в лике святых Царской Семьи Русской Православной Церковью Заграницей состоялась только в 1981 году. Иван Солоневич не был человеком святой жизни, но какой-то особый дар пророчества, основанный, казалось бы, на простом наблюдении действительности, он явно имел. Другие смотрели – и не видели. Не зря же сказано в Св. Писании: «У них есть глаза, чтобы видеть, а не видят; у них есть уши, чтобы слышать, а не слышат; потому что они – мятежный дом» (Иез. 12, 2).

Солоневич – видел. Подробнее значение сплетен о Распутине как своеобразной прелюдии к революции Иван Лукьянович рассматривает в отдельной статье:

«По тхоржевско-голливудскому сценарию выходит так, что и Империю, и Монархию погубил-де пьяный мужик. Распутинская борода – а также и прочие вторичные и первичные признаки таинственного старца, заслонили собою и историю России, и преступления правящего слоя, и военный разгром, и тяжкую внутреннюю борьбу, и безлюдье, и бесчестность – все заслонили. Осталась одна пьяная борода, решившая судьбы России. Чем не Голливуд?»

Это банально-дурацкое, тхоржевско-голливудское, детективно-сенсационное представление о роли Распутина слишком уж настойчиво и назойливо вдалбливается в сознание всего мира – в том числе и в сознание русской эмиграции. Это представление – насквозь лживо. Для всех виновников гибели Империи и Монархии Распутин – это неоценимая находка. Это козел отпущения, на спину которого можно перевалить свои собственные грехи. Это – щит, под прикрытием которого так просто и так легко болтать о болезненности Императрицы и о слабости Императора: сами-де виноваты, зачем были болезненными, зачем были слабыми»¹⁶⁸.

¹⁶⁷ Солоневич И. Л. Убийцы, царевубийцы, самоубийцы // Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам!: Сб. статей. – СПб: Русиформ, 2003. – С. 33.

¹⁶⁸ Солоневич И. Л. За тенью Распутина // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. – М.: «Москва», 2001. – С. 25—26.

Тезис о том, что главной причиной революции стала беспомощность старого правящего слоя и то обстоятельство, что война и революция совпали с периодом его смены новым, только нарождающимся, Солоневич доведет до логического конца в «Народной Монархии». Но начинает разрабатывать его уже в 1930-е годы.

«Николаю Второму пришлось действовать в тот период, когда правящий слой догнивал окончательно. Цифры – бесспорные и беспощадные цифры дворянского земельного оскудения – это только, так сказать, ртутный столбик общественного термометра: температура упала ниже тридцати трех: смерть. Слой, который не мог организовать даже своих поместий, – как мог он организовать государство.

Я, конечно, не говорю об исключениях – типа Столыпина. Я говорю о слое. Николай Второй попал в то же положение, о котором говорил Ключевский: «московский государь, которого ход истории вел к демократическому полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации». На низах эта администрация была сильно разбавлена оппозиционными разночинцами. На верхах она была аристократической сплошь. Слой умирал: полуторавековое паразитарное существование не могло пройти даром: не трудящийся да не живет.

Без войны смена слоя прошла бы, конечно, не безболезненно, но, во всяком случае, бескровно. Однако, на Николая Второго свалилось две войны – и ни одной правящий слой не сумел ни предотвратить, ни организовать. Слою оставалось или взять вину на себя, или переложить ее на плечи Монархии.

Левая часть правящего слоя перекладывает вину без всякого зазрения совести: «проклятый царский режим». Правой части – такой образ действия все-таки несколько неудобен – и вот тут-то и подвергается Распутин. Дело же, конечно, вовсе не в Распутине. Дело в том, что

война свалилась на нас в момент окончательной смены правящего слоя.

Один слой уже уходил, другой еще не пришел. Вот отсюда-то, а вовсе не от Распутина, и произошло безлюдье, «министерская чехарда», «отсутствие власти» и – также трагическая безвыходность положения Царской Семьи. Отсюда же «кругом трусость и измена». Смертный приговор Царской Семье был вынесен в «августейших салонах», большевики только привели его в исполнение»¹⁶⁹.

Итак, распутинская легенда – только частность, но частность – очень показательная. Солоневич скрупулезно, факт за фактом «смыкает» с Распутина «голливудский грим», в результате чего получается такой портрет: «пьяный, развратный и необычайно умный мужик. Этот мужик был, действительно, целителем, и он, действительно, поддерживал своим гипнозом жизнь Наследника. Разговоры о его влиянии чрезвычайно сильно преувеличены. Основного – сепаратного мира – он так добиться и не смог. Жаль»¹⁷⁰.

Солоневич, автор вообще-то далекий от мистицизма, усматривает некую фатальность во всем, что происходило накануне февраля 1917-го. «А что мог сделать Государь? – восклицает он. — Уступить? А кому именно уступить? Клеветникам? Клеветники и без уступки добились своего. Передать всю власть Государственной Думе? Будем реалистичны: это означало бы передачу всей власти Павлу Милокову со всеми вытекающими отсюда керенскими последствиями. Мы уже знаем, что именно получилось из власти, полученной Государственной Думой в марте 1917 года. Подобрать из среды правящего слоя лучших людей? А где они были, вот эти лучшие люди?»¹⁷¹.

¹⁶⁹ Там же. – С. 27—28.

¹⁷⁰ Там же. – С. 30.

¹⁷¹ Там же. – С. 31—32.

И далее: «Все, что было толкового среди правящего слоя, Государь пытался найти и поднять. Но он был окружен слишком плотной стеной. П. А. Столыпин был найден и поднят случайно: «молодой саратовский губернатор». И карьера его была головокружительной, в обход всякого чиновничьего местничества. А ведь как травила Петра Аркадьевича вот та же придворная великосветская бюрократическая среда, – конечно, с неизбежной помощью еврейского либерализма.

Все, что было в этом правящем слое ценного, Монархия пыталась найти. За двадцать лет рассеяния и полной свободы действия в этом слое не нашлось, кроме ген. Врангеля, ни одного ценного человека. Слой сгнил. Слой стал политическим импотентом»¹⁷².

По мнению Солоневича, «у Государя Императора в данных исторических условиях был только один путь – путь Ивана Грозного, Петра Великого и Николая Первого. Самым беспощадным образом придавить и продавить всю эту гниль. Организовать новую опричнину, новых потешных, новые шпицрутены или, применяясь к условиям эпохи, нынешних германских штурмовиков. Найти новых Меншиковых, а может быть, и Скуратовых. Но для этого нужна была беспощадность, которой у Государя Императора не хватило»¹⁷³.

«Государь Император для данного слоя был слишком большим джентльменом, – считает Солоневич. – Он предполагал, что такими же джентльменами окажутся и близкие ему люди, и эти люди, повинувшись долгу присяги, или, по меньшей мере, чувству порядочности, отстоят по крайней мере его семейную честь. Не отстояли даже и его семейной чести. Ничего не отстояли. Все продали и все предали. Исторически это было мстью за Ивана Грозного. Но всякая мсть – это в большинстве случаев мсть самому себе. Правящий слой «отомстил» и убийством семьи, и своим собственным самоубийством. Свое собственное самоубийство он заканчивает в эмиграции.

У Государя Императора не хватило беспощадности. Мы должны из этого извлечь свой собственный урок. Государь ушел из жизни, может быть, и не «героем». Но он ушел мучеником. «На крови мучеников созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее». Сейчас, после революции, распутинская клевета русской монархии уже не одолеет. Ни Перса, ни Тхоржевского русский народ читать не будет. Холливудский фильм русский народ не смотрит и смотреть не будет. Профессорские и генеральские мемуары до него не дойдут. Но мученическая гибель Царской Семьи, всей Семьи, до него **уже дошла**»¹⁷⁴.

Неисправимый оптимист, Иван Лукьянович, похоже, несколько недооценил последствия того духовного кризиса, в который ввергли «революционные преобразования» русский народ. Сегодня и фильмы голливудские смотрят с удовольствием, и генеральские мемуары читают, да и литература, поддерживающая миф о Распутине, расходится немалыми тиражами – все в новых и новых вариациях. Но, с другой стороны, ведь и почитание Царственных Мучеников в среде православного народа (а это и есть остатки **русского** народа) – тоже факт!

Развенчание распутинской легенды – пока еще вопрос времени. А то, какими методами эта легенда культивировалась сразу после февральского переворота, хорошо иллюстрирует следующий отрывок из другой статьи Солоневича, написанной уже после Второй Мировой войны:

«У меня был старый товарищ юности – Евгений Михайлович Братин. В царское время он писал в синодальном органе «Колокол». Юноша он был бездарный и таинственный, я до сих пор не знаю его происхождения, кажется, из каких-то узбеков. В русской компании он называл себя грузином – в еврейской – евреем. Потом он, как и все неудачники, перешел к большевикам. Был зампредом харьковской чрезвычайки и потом представителем ТАССа и «Известий» в Москве. Потом его, кажется, расстреляли: он вызван был в Москву и как-то исчез.

¹⁷² Там же. – С. 33–34.

¹⁷³ Там же. – С. 37–38.

¹⁷⁴ Там же. – С. 38.

Летом 1917 года он перековался и стал работать в новой газете «Республика», основанной крупным спекулянтом Гутманом. В те же времена действовала Чрезвычайная Следственная комиссия по делам о преступлениях старого режима. Положение комиссии было идиотским: никаких преступлений – хоть лавочку закрывай. Однажды пришел ко мне мой Женька Братин и сообщил: он-де нашел зашифрованную переписку Царицы и Распутина с немецким шпионским центром в Стокгольме. Женьку Братина я выгнал вон. Но в «Республике» под колоссальными заголовками появились братинские разоблачения: тексты зашифрованных телеграмм, какие-то кирпичи. Какие-то «обороты колеса» и вообще чушь совершенно несусветимая. Чрезвычайная Комиссия, однако, обрадовалась до чрезвычайности, – наконец-то хоть что-нибудь. ЧК вызвала Братина. Братин от «дачи показаний» отказался наотрез: это-де его тайна. За Братина взялась контрразведка – и тут уж пришлось бедняге выложить все. Оказалось, что все эти телеграммы и прочее были сфабрикованы Братиным в сообществе с какой-то телеграфистской.

Вообще за такое изобретение Братина следовало бы повесить, как впрочем и Милюкова. Но дело ограничилось только скандалом – из «Республики» Братина все-таки выгнали вон – его буржуазно-революционная карьера была кончена и началась пролетарски революционная – та, кажется, кончилась еще хуже. Потом, лет двадцать спустя, я обнаружил следы братинского вдохновения в одном из американских фильмов. Так пишется история»¹⁷⁵.

Братин, кстати, вполне себе реальный персонаж, снимки с его личностью до сих пор украшают семейный фотоальбом Солоневичей. И здесь самое время отметить, что личные свидетельства Солоневича о февральских событиях, во множестве разбросанные по его произведениям эмигрантского периода, придают его работам непередаваемый колорит. По сути, это взгляд нормального, здорового человека на сумасшедший дом, в который превратилась Россия после переворота. При этом они ни в коей мере не являются мемуарами, в которых автор, как правило, один-единственный из всех знал, как надо, но его не послушали, за что и заплатились. Эмигрантская мемуаристика, посвященная февральским дням, почти вся выдержана в этом ключе.

«Я помню февральские дни: рождение нашей великой и бескровной, – какая **великая безмозглость** спустилась на страну, – вспоминал Солоневич. – Сотысячные стада совершенно свободных граждан толклись по проспектам петровской столицы. Они были в полном восторге, – эти стада: проклятое кровавое самодержавие – кончилось! Над миром восстает заря, лишенная «аннексий и контрибуций», капитализма, империализма, самодержавия и даже православия: вот тут-то заживем! По профессиональному долгу журналиста, преодолевая всякое отвращение, толкался и я среди этих стад, то циркулировавших по Невскому проспекту, то заседавших в Таврическом Дворце, то ходивших на водопой в разбитые винные погреба.

Они были счастливы – эти стада. Если бы им кто-нибудь тогда стал говорить, что в ближайшую треть века за пьяные дни 1917 года они заплатят десятками миллионов жизней, десятками лет голода и террора, новыми войнами – и гражданскими и мировыми, полным опустошением половины России, – пьяные люди приняли бы голос трезвого за форменное безумие. Но сами они, – они считали себя совершенно разумными существами: помилуй Бог: двадцатый век, культура, трамваи, Карла Марла, ватерклозеты, эс-эры, эс-деки, равное, тайное и прочее голосование, шпаргалки марксистов, шпаргалки социалистов, шпаргалки конституционалистов, шпаргалки анархистов, – и над всем этим бесконечная разнузданная пьяная болтовня бесконечных митинговых ораторей...»¹⁷⁶

¹⁷⁵ Солоневич И. Л. Миф о Николае Втором // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. – М.: «Москва», 2001. – С. 89–90.

¹⁷⁶ Солоневич И. Л. Народная Монархия – М.: Феникс, 1991. – С. 308.

С дотошностью летописца Солоневич выдает подробности виденного и слышанного в февральские дни. И несколько страниц его писаний стоят гораздо больше иных многотомных исследований, поэтому мы позволим себе еще одну, совсем уж огромную цитату:

«Причины Февральской революции в России очень многообразны <...> Но последней каплей, переполнившей чашу этих причин, были хлебные очереди. Они были только в Петербурге – во всей остальной России не было и их. Петербург, столица и крупнейший промышленный центр страны, был войной поставлен в исключительно тяжелые условия снабжения. Работницы фабричных пригородов «бунтовали» в хлебных хвостах – с тех пор они стоят в этих хвостах почти тридцать лет. Были разбиты кое-какие булочные и были посланы кое-какие полицейские. В городе, переполненном проституцией и революцией, электрической искрой пробежала телефонная молва: на Петербургской стороне началась революция. На улицы хлынула толпа. Хлынул также и я. <...>

На Невском проспекте столпилось тысяч пятьдесят людей, радовавшихся рождению революции, конечно, великой и уж наверняка бескровной: какая тут кровь, когда в с е ликуют, когда в с е охвачены почти истерической радостью: более ста лет раскачивали и раскачивали тысячелетнее здание, и вот, наконец, оно рушится. Можно предположить, что в с е те, кто в восторге не был – на Невский просто не пошли. Точно так же, как четыре года тому назад не пошли те, кто не собирался радоваться по поводу трехсотлетия Династии.

Бескровное ликование длилось несколько часов; потом где-то, кто-то стал стрелять – толпа стала таять. Я, по репортерской своей профессии, продолжал блуждать по улицам. Толпа все таяла и таяла, остатки ее все большие и большие концентрировались у витрин оружейных магазинов. Какие-то решительные люди бьют стекла в витринах и «толпа грабит оружейные магазины».

Мало-мальски внимательный наблюдатель сразу отмечает «классовое расслоение» толпы. Полдюжины каких-то зловещих людей – в солдатских шинелях, но без погон, вламываются в магазины. Неопределенное количество вездесущих и всюду проникающих мальчишек растаскивает охотничье оружие – зловещим людям оно не нужно. Наиболее полный революционный восторг переживали, конечно, мальчишки: нет ни мамы, ни папы и можно пострелять. Наследники мозикан и сиуксов были главными поставщиками «первых жертв революции»: они палили куда попало, лишь бы только палить. Они же были и первыми жертвами. Зловещие люди, услышав стрельбу, подымали ответный огонь, думаю, в частности, от того же мальчишеского желания попробовать вновь приобретенное оружие. Зеваки, составлявшие, вероятно, под 90 процентов «толпы», стали уже не расходиться, а разбегаться. К вечеру улицы были в полном распоряжении зловещих людей.

Петербургские трущобы, пославшие на Невский проспект свою «красу и гордость», постепенно завоевывали столицу. Но они еще ни в чем не были спаяны ни идеей, ни организацией; над этим, с судорожной поспешностью и на немецкие деньги, в подполье работали товарищи товарища Ленина, – сам он был еще в Швейцарии.

Шла беспорядочная стрельба – и наследники мозикан и сиуксов палили по воронам, фонарям, и, в особенности, по ледяным сосулькам, свешивающимся с крыши. Зловещие люди, грабившие магазины, стреляли в чисто превентивном порядке: чтобы никто не лез и не мешал. Так что попадали и друг в друга... Зазевавшиеся прохожие, любопытные, выглядывавшие из своих окон мальчишки, «павшие жертвой в борьбе роковой» с незнакомым оружием, и зловещие люди, не поделившие награбленного – все это было потом, с великой помпой, похоронено на Марсовом Поле. По такой же схеме рождались жертвы и герои национал-социалистической революции, и Хорст Вессель, убитый по пьяному делу в кабаке, был возведен в чин мученика идеи: у него оказалась идейно выдержанная внешность.

Не претендуя ни на какую статистическую точность, я бы сказал, что перед моментом перелома от ликования к грабежам, толпа процентов на девяносто состояла из зевак –

вот, вроде меня. Они были влекомы тем чувством, из-за которого наши далекие предки были изгнаны из рая. Я предполагаю, что из девяноста сыновей Евы – дочерей было очень мало – человек с десяток имели при себе оружие. И у них была теоретическая возможность перестрелять зловещих людей, как куропаток. Но каждый из нас предполагал, что он – в единственном числе, что зловещие люди являются каким-то организованным отрядом революции и, наконец, что где-то наверху есть умные люди – полиция, генералы, правительство, Государственная Дума и прочие, которые уж позаботятся о распределении зловещих людей по местам их законного жительства – по тюрьмам. Кроме того – и это, может быть, самое важное – как только началась стрельба, то все *padres familias* сообразили, что на Невском-то грабят магазины, а на других улицах, может быть, уже грабят его собственную квартиру. Сообразил это и я.

Мы с семьей – моя жена, сынишка, размером в полтора года, и я – жили в крохотной квартирке, на седьмом этаже отвратительного, типично петербургского «доходного дома». Окна выходили в каменный двор-колодезь, и в них даже редко проникали солнечные лучи. В эту квартирку я вернулся вовремя: какая-то, уже видимо «организованная», банда вломилась с обыском: отсюда, де, кто-то в кого-то стрелял. Стрелять было не в кого, разве только в соседние окна, наши окна выходили во двор. На ломаном русском языке банда требует предъявления оружия и документов. У меня в кармане был револьвер – я его, конечно, не предъявил. Я мог ухлопать человека два-три из этой банды, но что было бы дальше? Остатки банды подняли бы крик о какой-то полицейской засаде, собрали бы своих сотоварищей, и мы трое были бы перебиты без никаких. Я предъявил свой студенческий билет – он был принят как свидетельство о политической благонадежности. Банда открыла два ящика в комод, осмотрела почему-то кухонный стол и поняв, что отсюда ничего путного произойти не может, что грабить здесь нечего, отправилась в поиски более значных мест. На улице загрохотал и умолк пулемет. Раздался глухой взрыв. Потом оказалось: другая банда открыла жилище городского. На другой день трупы городского, его жены и двух детей мы, соседи, отвезли в морг.

Вот так, в моменты общей растерянности, – правительственной в первую очередь – были пропущены первые, еще робкие языки пламени всероссийского пожара. Их можно было потушить ведром воды – потом не хватило океанов крови. К концу первого дня революции зловещих людей можно было бы просто разогнать. На другой день пришлось бы применить огнестрельное оружие – в скромных масштабах. Но на третий день зловещие люди уже разъезжали в бронированных автомобилях и ходили сплоченными партиями, обвешанные с головы до пят пулеметными лентами. Момент был пропущен – пожар охватывал весь город...

Из каждаых 3–4 людей, присутствовавших при рождении великой и бескровной, погиб один – я остался в числе уцелевших счастливицев. Но мой брат погиб на фронте Гражданской войны, мать моей жены умерла в тюрьме чрезвычайки, моя жена разорвана советской бомбой, мой отец сослан куда-то на гибель. И это есть средняя цена революции для среднего человека страны. Любой риск в 1917 году обошелся бы дешево.

Но мы проворонили. На второй день революции город был во власти революционного подполья. Какие-то жуткие рожки – низколобые, озлобленные, питекантропские, вынырнули откуда-то из тюрем, ночлежек, притонов – воры, дезертиры, просто хулиганье. И по всему городу шла «стихийная» охота за городовыми.

Почему именно за городовыми? Тогда я этого никак не мог понять. Можно было себе представить, что победившая революция постарается истребить своего наследственного врага – политическую полицию, «охранку» царского режима. Но городовые никакой политикой не занимались. Они регулировали уличное движение, подбирали с мостовых пьяных пролетариев, иногда ловили трамвайных ворюшек и вообще занимались всякими такими аполитичными делами, совершенно так же, как лондонские или нью-йоркские Бобби. За что же их-то истреблять?

Но зловещие люди гонялись за ними, как за зайцами на облаве. Возникали слухи о полицейских засадах, о пулеметах на крышах, о правительственных шпионах, и Бог знает, о чем еще. Мой знакомый, любитель фотографии, был пристрелен у своего окна: он рассматривал на свет только что отфиксированную пластинку – его приняли за шпиона. При мне банда зловещих людей около часу обстреливала из пулемета пустую колокольню: какой-то старушке там померещился поп с «пушкой» – о том, как именно поп смог бы втащить трехдюймовое орудие на колокольню и что бы он стал из этого орудия обстреливать, зловещие люди отчета себе не отдавали. Они еще находились в состоянии истерической спешки: или и другие слухи – о том, что к Петербургу двигаются с фронта правительственные войска, и что, следовательно, дело может кончиться виселицами; о том, что какие-то юнкера заняли какие-то подходы к столице – вообще дело еще не совсем кончено. Нужно торопиться. Зловещие люди явно торопились: *Carpe diem*. Наиболее сознательные из них подожгли здание уголовного суда.

Тогда я тоже не мог понять: при чем тут уголовный суд? Огромное здание пылало из всех своих окон, ветер разносил по улицам клочки обожженной бумаги. Я нагнулся, поднял какую-то папку, и сейчас же около меня возникла увешанная пулеметными лентами зловещая личность: «тебе чего здесь, давай сюда!» Я послушно отдал папку и отошел на приличную дистанцию. Зловещие люди тщательно подбирали все бумажки и также тщательно бросали их обратно в огонь.

Смысл этого «ауто да фе» я понял только впоследствии: тут, в здании уголовного суда, горели справки о судимости, горело прошлое зловещих людей. И из пепла этого прошлого возникало какое-то будущее»¹⁷⁷.

Приводит Иван Лукьянович и мнения простого народа, от имени которого творилась «революция» и который ее не просто не хотел, но и попросту боялся:

«Моя кухарка Дуня, неграмотная рязанская девка, узнав об отречении имп. Николая Второго, ревела белугой: «Ах, что-то будет, что-то будет!». Что именно будет, она, конечно, не могла знать с такой степенью точности, как знали: Достоевский, Толстой, Менделеев и Охранное отделение. Дворник, который таскал дрова ко мне на седьмой этаж – центрального отопления у нас в доме не было – дворник с демонстративным грохотом сбросил на пол свою вязанку дров и сказал мне:

– Что – добились? Царя уволили? – Дальше следовала совершенно непечатная тирада. Я ответил, что я здесь не при чем, но я был студентом, и в памяти «народа» остались еще студенческие прегрешения революции. В глазах дворника я, студент, был тоже революционером. Дворник выругался еще раз и изрек пророчество:

– Ну, ежели без царя – так теперь вы сами дрова таскайте, – а я в деревню уеду, ну вас всех ко всем чертям!

Мой кузен, металлист Тимоша, посоветовал мне в рабочий район в студенческой фуражке не показываться – рабочие избьют. Я навсегда снял свою студенческую фуражку. Ни мой дворник, ни сотоварищи Тимоши еще не знали того, что в феврале 1917 года по меньшей мере половина студенчества повернулась против революции и к октябрю того же года против революции повернулось все студенчество – одно из самых таинственных явлений русской истории»¹⁷⁸.

Как видим, вполне контрреволюционный народ. «Несознательный». Русский. Православный.

¹⁷⁷ Солоневич И. Л. Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. – С. 91—99.

¹⁷⁸ Там же. – С. 164.

Даже по вышеприведенным отрывкам из статей и книг Солоневича, видно, насколько глубоко переживал он падение Монархии в России, как личное и общественное переплеталось в его творчестве. Высшего накала это осмысление революции достигло в серии статей, по сути – монографии, полностью посвященной февральскому перевороту, с «говорящим» названием – «Великая фальшивка Февраля».

Опираясь, в основном, на правые источники и на общеизвестный ход событий 1916–1917 гг., Солоневич развенчивает «великую и бесстыдную ложь о февральской народной революции».

«Эта ложь, – отмечает Солоневич, – культивируется более или менее всеми партиями России, начиная от коммунистической и кончая ультраправыми. По существу, обе эти точки зрения совпадают: ВКП (б) говорит: „Народ сделал революцию“. Ультраправые говорят: „Чернь, обманутая левыми, сделала революцию“. Срединные партии, виляя хвостом то вправо, то влево, талдычат о завоеваниях Февраля, завоеваниях, в результате которых „народ“ сидит в концлагерях, а „избранные“ разбежались по Парагваям»¹⁷⁹.

*«О Великой французской революции Талейран говорил: „В ней виноваты все, или не виноват никто, что, собственно, одно и то же“. О Феврале этого сказать нельзя. И если на левой стороне был теоретический утопизм, то на правой было самое прозаическое предательство. Это, к сожалению, есть совершенно неоспоримый **факт**»¹⁸⁰.*

Солоневич доказывает: «в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор», организованный земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии – тут главную роль сыграл Родзянко; денежной знатью – А. Гучков и военной знатью – ген. М. Алексеев. «У каждой из этих групп были совершенно определенные **интересы**. Эти интересы противоречили друг другу, противоречили интересам страны и противоречили интересам армии и победы – но никто не организует государственного переворота под влиянием плохого пищеварения. Заговор был организован по лучшим традициям XVIII века, и основная ошибка декабристов была избегнута: декабристы сделали оплошность – вызвали на Сенатскую площадь **массу**. Большевицкий историк проф. Покровский скорбно отмечает, что Императора Николая Первого «спас мужик в гвардейском мундире». И он так же скорбно говорит, что появление солдатского караула могло спасти и Императора Павла Первого. Основная стратегическая задача переворота заключалась в том, чтобы изолировать Государя Императора и от армии и от «массы», что и проделал ген. М. Алексеев. Самую основную роль в этом перевороте сыграл А. Гучков. Его техническим исполнителем был ген. М. Алексеев, а М. Родзянко играл роль, так сказать, слона на побегушках. Левые во всем этом были **абсолютно** ни при чем. И только после отречения Государя Императора они кое-как, постепенно пришли в действие: Милюков, Керенский, Совдепы и, наконец, Ленин – по тем же приблизительно законам, по каким развивается всякая настоящая революция. Но это пришло позже – в апреле – мае 1917 года. В феврале же был переворот, организованный, как об этом сказали бы члены СБОНРа или Лиги, «помещиками, фабрикантами и генералами»¹⁸¹.

Итак, к Февралю «народ» не имел ровно никакого отношения. «Конечно, и сто тысяч чухонских баб, – иронизирует Иван Лукьянович, – входят все-таки в состав „народа“. Входят, конечно, и тысяч двести запасных. В общем и бабы и гарнизон дали бы от одной десятой до одной пятой **одного** процента всего населения страны. Остальных девяносто девять процентов... никто ни о чем не спрашивал»¹⁸².

¹⁷⁹ Солоневич И. Л. Великая фальшивка Февраля // Солоневич И. Л. Наша страна. XX век. – М.: «Москва», 2001. – С. 194.

¹⁸⁰ Там же. – С. 195.

¹⁸¹ Там же. – С. 198.

¹⁸² Там же. – С. 247.

По Солоневичу, «февраль 1917 г. – это почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросшего в март, июль, октябрь и так далее... Нет, конечно, никакого сомнения в том, что революционные элементы в стране существовали, – в гораздо меньшем количестве, чем в 1905 г., но существовали. В 1905—1906 гг. их подавили. В 1917 г. их подавлять **не захотели**»¹⁸³.

«Нам, народным монархистам, – пишет Солоневич в заключении «Великой фальшивки Февраля», – необходимо установить ту **правду**, что между Царем и Народом если и было «средостение», то не было антагонизма. Что если Государь Император делал для России и для народа все, что только было в человеческих силах, – то и Народ отвечал Ему своим доверием. Что революция – обе революции: и Февральская и Октябрьская вовсе не вышли из народа, а вышли из «средостения», которое хотело в одинаковой степени подчинить себе и Монархию и Народ.

Всякий разумный монархист, как, впрочем, и всякий разумный человек, болеющий о судьбах своей Родины (а в том числе и о своей собственной судьбе), не имеет права подменять факты декламациями и даже галлюцинациями. Мы обязаны установить тот факт, что российская монархия петербургского периода **НЕ БЫЛА** гармоничной монархией, какой была московская. Что дворцовые заговоры и перевороты шли, собственно, почти непрерывным «фронтом». Будущая Российская Монархия **не может** быть восстановлена не только без «народного голосования», но и без всенародной помощи. Отстраивая эту Монархию в очень тяжелых условиях, – легких условий не видать, – мы **обязаны** учесть все тяжкие уроки нашего прошлого и заранее обеспечить Будущую Российскую Монархию от ее самого страшного врага – внутреннего. И в его самом страшном варианте – коленопреклоненном»¹⁸⁴.

До осени 1917 года И. Л. Солоневич продолжает работать в «Новом Времени». Одним из примечательных эпизодов этого краткого периода между двумя революциями стала встреча с князем П. А. Кропоткиным.

«В 1917 году он прибыл в революционную Россию, был встречен цветами, овациями и приветствиями – и был сдан в архив. Мне, в качестве репортера, пришлось его интервьюировать. Мы очень мило беседовали минут пятнадцать. Это был замечательно милый маленький старичок, с патриархальной белоснежной бородою и с детскими глазками, в которых все еще светилась какая-то восторженность. Он был признанным идеологом мирового анархизма. В 1917 году он предпочитал об анархизме не говорить вовсе. Его интересовала победа России и союзников, разгром Германии, укрепление Временного правительства и вообще все то, что интересовало всех нас, – кроме большевиков, тогда промышлявших пораженческой политикой на деньги германского генерального штаба»¹⁸⁵.

Гораздо больше внимания в своих воспоминаниях о русских смутных днях Иван Солоневич уделяет контактам по родственной линии. Здесь вновь выступает на сцену сын Степана Тимофеевича Солоневича, двоюродный брат нашего героя, рабочий-металлист на заводе Леснера:

«Тимоша был крепким и простым деревенским парнем. В силу нашего семейного малоземелья для него была спланирована городская карьера и он поступил в гродненское ремесленное училище. Жил он в нашей семье, но учеба, даже в скромных рамках ремесленного училища, не давалась ему никак. Он не был ни тупицей, ни лентяем, но, просто, ни к каким книгам сердце у него не лежало. После года тяжелых испытаний на школьной скамье он бросил училище, поехал в Петербург и там устроился на завод. Зимой 1916—17 годов он – металлист, зара-

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же. – С. 249.

¹⁸⁵ Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2006. – С. 395.

батывал уже больше, чем я – журналист: фронт требовал всего, и рабочим платили любые цены. Он слегка копил деньги, к моему крайнему удивлению взялся и за книги, но не по «истории рабочего движения», а по обработке металлов, по автомобилизму и прочему в таком роде: Тимоша «сознательным рабочим» не был. Он женился, было двое детей и были планы – лет этак через десяток открыть собственную автомобильно-починочную мастерскую: Тимоша предвидел будущее автомобиля. Это, в общем, был нормальный, средний рабочий страны. Может быть и несколько выше: даже в петербургских условиях он избежал соблазна таскаться по митингам и кабакам.

Во всемирно-исторические дни марта 1917 года я как-то заехал к Тимоше. Он жил далеко, на окраине города, на Черной Речке, в деревянном домишке, который Каутский назвал бы лачугой. В лачуге было две комнаты и кухня, около лачуги был огородик и даже предмет живого инвентаря: коза. Тимошина жена встретила меня несколько неприветливо: «Тимоши нет дома, понесли дурака черти на Невский таскаться, глотку драть». Женица была занята стиркой белья и чем-то еще в этом роде, так что я от обмена мнений уклонился. Был все-таки поставлен самовар. Тимоша явился неожиданно скоро и вид у него был сконфуженно-извиняющийся: «весь завод пошел, неудобно было, я по дороге сбежал...».

Техника манифестаций, демонстрация и прочего в этом роде тогда еще находилась на младенческом уровне. Теперь – это совсем просто: телефонный звонок из партийного комитета и любое количество тысяч пойдет шататься по улицам по любому поводу и орать любое «долой» или «да здравствует». Тогда – в 1917 году – еще уговаривали. И на каждом заводе были свои эс-эровские, эс-дековские и всякие иные партийные товарищи, которые «подымали завод» на массовое действие. Нельзя скрывать и того прозаического обстоятельства, что на каждом заводе есть достаточное количество людей, которые предпочтут шататься по улицам вместо того, чтобы стоять за станком. Тем более, что заработная плата – она все равно идет.

Но Тимоша, как, впрочем, и многие другие, ухитрился сбежать по дороге. Дело стояло всерьез: хлеба в городе уже не было: первая ласточка <...> голода. Я жил черным рынком и редакционными авансами. Тимоша на черный рынок своих скудных сбережений носить не хотел и есть было нечего.

На окраинах города «толпа» уже громила булочные. У Тимоши было достаточно соображения, чтобы понять: разбитая булочная не давала ровно никакого ответа на вопрос о питании его семьи, разгром булочной это есть реакция идиота: идиот сопрет пять фунтов хлеба, зато булочная вовсе перестанет существовать. Но вопроса о том, что же он будет есть завтра, идиот себе не задает. На маленьком семейном совете было установлено, что соседи и товарищи – Иванов, Петров и Сидоров – поехали в Лугу, Тосно и прочие места покупать хлеб у мужиков. Поехали и мы с Тимошей. Привезти хлеба, муки, сала и чего-то еще. Так был проделан мой первый опыт революционного товарооборота»¹⁸⁶.

Однако же наступил момент, когда перебиваться редакционными авансами стало совсем невмозможу. И Иван Солоневич вспомнил о своем мимолетном опыте работы грузчиком – тем более, что работа эта теперь стала оплачиваться раз в пять выше, чем труд журналиста.

«Гениальная мысль, возникшая у нас в атлетическом кружке студентов Петербургского университета, сводилась к тому, что мы, гиревики, борцы и боксеры, чемпионы и рекордсмены, мы и не с такой работой справимся. Практическая проверка не подтвердила гениальности этой идеи: первые часы мы обгоняли профессиональных грузчиков, потом шли наравне, а к концу рабочего дня мы скисли все. На завтра явилось нас меньше половины. На послезавтра пришло только несколько человек. Грузчики зубоскалили и торжествовали. Но все это протекало в совершенно дружеских формах, пока дело не дошло до денатурата.

¹⁸⁶ Солоневич И. Л. Диктатура слоя. – Буэнос-Айрес: Наша Страна, Буэнос-Айрес, 1956. – С. 127—129.

Я никогда не принадлежал и, вероятно, никогда не буду принадлежать ни к какому обществу трезвости. Я уважаю водку. Если ее нет, то, в худшем случае, можно пить коньяк. Если нет ни водки, ни коньяку – я предпочитаю чай. Российский же денатурат снабжался какой-то особенной дрянью, которая иногда вызывала слепоту. В общем, когда слишком «интеллигентная» часть нашего атлетического кружка дезертировала с погрузочного фронта и на Калашиниковской пристани остались только самые сильные и самые голодные, грузчики протянули нам оливковую ветвь. На мешках с пшеницей были положены доски, и на досках возвышались две четверти денатурата, окруженные ломтями черного хлеба, кислыми огурцами и еще чем-то в этом роде. Мы были приглашены на «рюмку мира», и мы отказались. Боюсь, что по молодости лет мы сделали это не слишком дипломатично. Грузчики были глубоко оскорблены. Грузчики восприняли наш отказ, как некое классовое чванство. стакан денатурата был выплеснут в физиономию одного из студентов. Студент съездил грузчика по челюсти. Грузчики избили бы студента, и всех нас вместе взятых, если бы мы, презрев наше тяжелоатлетическое прошлое, не занялись бы легкой атлетикой: бегом на довольно длинную дистанцию при спринтерских скоростях. Так кончилось наше первое «хождение в народ».

Тогда – опять же по молодости лет, – я жалел, что у нас не было, например, революеров. Сейчас об этом не жалею: грузчики были оскорблены в своих лучших чувствах, а чувства у них и в самом деле были не плохие. Они, грузчики, не принимали никакого участия в революции, но они были очень довольны ее достижениями: десятки тысяч тонн пшеницы лежали не груженными, рабочих рук не хватало и грузчики стали зарабатывать в три, в пять, в десять, в пятьдесят раз больше, чем они зарабатывали раньше. Даже падение курса рубля не могло угнаться за ростом их заработка. И только потом, осенью, рухнуло все: грузить больше было нечего»¹⁸⁷.

Предотвратить большевицкую осень оказалось некому. Футболисты, легкоатлеты, борцы – в основном, студенты – оказались контрреволюцией не востребованы. В их число входил и Иван Солоневич.

«По преимуществу из этих студентов организовалась студенческая милиция, кое-как охранявшая порядок. Я был начальником какого-то васильеостровского отделения. Через А. М. Ренникова я был связан с контрразведочной работой и несколько позже был чем-то вроде представителя спортивного студенчества при атамане Дутове. Были дни корниловского мятежа. Поддержать этот мятеж в Петербурге должен был Дутов со своими казаками. Нас, студентов-спортсменов, чрезвычайно плотно и давно организованных, было человек семьсот. За нами стояла и часть остального студенчества. Мы умоляли Дутова дать нам винтовки. Дутов был чрезвычайно оптимистичен: „Ничего вы, итатские, не понимаете. У меня есть свои казачки, я прикажу – и все будет сделано. Нечего вам и соваться“. Атаман Дутов приказал. А казачки сели на борзые на поезда и катнули на тихий на Дон. Дутов бросил на прощание несколько невразумительных фраз, вот вроде тех сводок о заранее укрепленных позициях, на которые обязательно отступает всякий разбитый генерал. Я только потом понял, что атаман Дутов был просто глуп той честной строевой глупостью, которая за пределами своей шеренги не видит ни уха ни рыла. Очень может быть, что из нашей студенческой затеи, если бы мы и получили винтовки, не вышло бы все равно ничего. Ну а вдруг? Мало ли какой камушек в решающий момент может перевесить весы истории? Наш камушек, камушек студенческой молодежи, людей смелых, тренированных, как звери, и знающих, чего они хотят, был презрительно выброшен в помойную яму истории»¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Там же. – С. 132—133.

¹⁸⁸ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936—1940. – М.: Москва, 1997. – С. 288.

«Нововременская» эпопея, подходила к концу. Солоневич вспоминал:

«Петроградская городская дума, в ответ на насильственный захват власти большевиками, постановила бороться до последней капли крови. Очередное заседание, на котором должны были пролиться эти последние капли крови, было назначено на другой день: к чему торопиться, история все равно работает на нас. На другой день не пришел никто.

Петроградская городская Дума первого созыва революции была профессорская, адвокатская, либерально мыслящая и благородно чувствующая. <...>

На обоих этих заседаниях – состоявшемся, а также и несостоявшемся, присутствовал и я. Я не изрекал клятв и не обязывался проливать капли крови – я был только репортером. И к тому же не слишком опытным. Состоявшееся заседание было бурным, возмущенным и бестолковым. Резолюция о борьбе до последней капли крови была принята единогласно. Я предвосхищал «историческое заседание», всемирно исторические слова, которые я опубликую в печати и которые потом пройдут сквозь века и века <...> Я пришел не один: были все репортеры столицы, и русские, и иностранные. У всех было обилие карандашей и блокнотов: нельзя упустить ни одного всемирно исторического восклицательного знака. Но все мы так и ушли – с девственно-чистыми блокнотами. Все борцы остались по домам. Некоторые прислали записки о болезни, некоторые обошлись и без этих всемирно-исторических документов. Простите за грубое сравнение: на какую иной, кроме медвежьей, могла быть эта внезапная эпидемия? Люди не догадались даже избрать редакционную комиссию для выработки хоть какой-нибудь всемирно-исторической фразы, хоть самой малюсенькой!»¹⁸⁹.

Печатать эти всемирно-исторические фразы, впрочем, все равно было бы негде: большевики моментально закрыли семь ведущих столичных газет: «День» социалистов, «Речь» кадетов, «Русскую Волю», «Народную Правду», «Биржевые Ведомости» и, конечно, суворинские «Новое Время» и «Вечернее Время». Официально это было оформлено задним числом 27 октября (9 ноября) Декретом о печати. Закрытию подлежали органы прессы, «призывающие к открытому сопротивлению или неповиновению Рабочему и Крестьянскому правительству; сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; призывающие к деяниям явно преступного, т. е. уголовно наказуемого характера».

¹⁸⁹ Солоневич И. Л. Мировая революция, или Новое изгнание из рая. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2006. – С. 446.

ТЫЛЫ И ФРОНТЫ БЕЛОЙ АРМИИ

Закончить обучение в университете, по словам Ивана Лукьяновича, ему пришлось «в эвакуационном порядке в эвакуационное время конца 1917 года». В краткой автобиографии, написанной в Финляндии в 1934 году, сразу после побега из советского концлагеря, он сообщал:

«После большевистской революции бежал на юг. Редактировал в Киеве газету „Вечерние Огни“ (1919 г.). После занятия красными Киева несколько дней редактировал в Одессе газету „Сын Отечества“, заболел сыпным тифом и остался в СССР»¹⁹⁰.

В 1936 году в статье, посвященной памяти Ивана Михайловича Калининкова (о нем мы уже упоминали в главе, посвященной «нововременскому» периоду), Солоневич добавляет подробности:

«Октябрьская революция закрыла «Новое Время» автоматически – февральская его еле еле терпела. И все мы сразу же оказались без копейки. Никто из нас в левую прессу не пошел. Потом, кажется, в конце ноября 1917 года, коллективу «Нового Времени» было предложено Володарским: «Мы разрешим выпуск газеты, пусть она по-прежнему будет антибольшевистской, но пусть она не обзывает нас бандитами и немецкими шпионами». Тогда это нужно было большевикам для некоторого контакта с границей, где «Н. В.» имело большой вес.

Вопрос этот был поставлен на обсуждение общего собрания сотрудников. Никакого обсуждения не последовало. Иван Михайлович был первым и единственным выступавшим «по данному вопросу». «И говорить не о чем!». Так вовсе и не говорили. Через месяц или полтора выпустили мы «Вечерние Огни», которые фактически вел И. М. (до этого он фактически, в свои-то 25—27 лет, был первой скрипкой в редакции «Нового Времени»), а я заведывал московским отделом «Огней» – советская власть к тому времени переселилась в Москву: не столько от врага внешнего, сколько от врага «внутреннего», от которого ее защищали кремлевские стены. «Вечерние Огни» сразу задавили штрафами и все мы перебрались на Украину»¹⁹¹.

Теперь мы немного отлистаем назад и отметим, что после февральской революции Солоневич, до того скромный репортер, стал одним из передовиков «Нового Времени». С марта по октябрь 1917 года он опубликовал около 20 статей. Были и публикации на первой странице, и там же анонсы статей, размещенных внутри газеты.

Журналист Солоневич сильно переживал по поводу притеснений свободы прессы во вроде бы свободной России. «Если бы собрать все факты насилий над «свободной печатью» за первые полгода русской революции, то их хватило бы по меньшей мере на полвека старого режима, – констатирует он. – И все же кто-то говорит о каких-то «завоеваниях»¹⁹².

Репортаж с лекции Г. А. Алексинского «Как спасти Россию?» звучит приговором социалистам. Причем этот приговор они провозглашают себе сами:

«Русская революция выросла из хвостов. Отсюда ее, так сказать, «потребительский» характер. Отсюда же и потребительский характер русского социализма, который заботится не о создании новых общественных благ, а о том, как бы растаскать по своим собственным карманам существующие.

В устах Г. А. Алексинского, социал-демократа и бывшего политического эмигранта, это звучит почти трагически. Русский социализм – это страшный удар для наших зарубежных единомышленников. Они теряют под собой моральную почву, политическое влияние и авто-

¹⁹⁰ Архив СПб о-ва «Мемориал». Фонд «Братья Солоневичи», оп. 1, д. 5, л. 1.

¹⁹¹ Солоневич И. Л. Памяти И. М. Калининкова. – Голос России. – 1936. – 4 августа; №7.

¹⁹² И. С. <олоневич>. Свободная печать // Новое время. – 1917. – 4 (17) октября; №14888.

ритет в массах. Русский социализм губит и Россию и себя, ибо все параллели, проводимые между ним и старым режимом, говорят не в пользу революционной власти»¹⁹³.

24 октября (6 ноября) 1917 года в «Новом Времени» вышел репортаж Солоневича под названием «Церковь и цирк». Заметим, что до октябрьского переворота остается один день!

И вот за день до наступления этой «новой эры» Солоневич пишет:

«Старое еще не умерло. Как и века назад, Русь начинает собираться у церковных стен. У той же иконы Божией Матери, которая, по преданию, три века назад спасла русский народ в годину лихолетья. Которая сопровождала князя Пожарского, Петра Великого, которая напутствовала и благословляла Кутузова. Не под красными знаменами собирается русское чувство и не под звуки марсельезы, а под сенью хоругвей и под печальные мотивы вековых церковных песнопений. Так было, так будет. Вера народная не умерла»¹⁹⁴.

Как оптимистично это все звучит! Но – увя...

«Воскресная манифестация была неожиданна не только потому, что ее „пресекли“, а она все-таки состоялась, но и по тем массам, которые стеклись к Казанскому собору и по тому чувству, которым была охвачена эта почти сотысячная толпа»¹⁹⁵.

Итак, накануне Красного Октября в Петрограде почти сотысячный крестный ход на праздник Казанской икон Божьей Матери. Кто-то слышал об этом? Есть этот факт в анналах истории? Продолжаем цитировать:

«В Казанском соборе еще идет церковная служба, а сквер и проспект уже переполнены народом. По соображениям «свободы слова» нельзя, конечно, передать всего того, что там говорили. Русское правительство нанесло жестокий удар русскому чувству. Оно, конечно, не посмело бы и заикнуться против какой угодно манифестации, если бы ее вызвали Бронштейны, Кацы и Нахамкесы. Но это была русская манифестация, а над русским чувством кто теперь не издевается.

– Идти к Керенскому... Ежели он Русский – он должен почувствовать, – говорит какой-то рабочий в под-девке и картузе, судя по виду трезвенник.

– Да, дожидла, можно сказать, Россия. Русскому человеку и молиться нельзя...

Все совершилось само собой. Когда духовенство с хоругвями вышло к этой огромной толпе, то подъем религиозного чувства дошел до апогея. Снимали шапки, крестились, многие плакали. И уже, конечно, нельзя было ог-раничиться крестным ходом вокруг собора. Слишком много накопело за эти восемь месяцев и надо было хоть в чем-нибудь излить наболевшее сердце. Толпа свернула на Невский и пошла, как предполагали раньше, к Зимнему дворцу.

Необычный и неожиданный вид у Невского, так прочно проплеванного бошльшевистскими семечками. Рядом со мною идет солдат. На груди у него огромный красный бант. Он незаметно, потихоньку снимает его, прячет в карман и оглядывается, не заметил ли кто. Проезжают на грузовике матросы. Минутная заминка. Потом снимают шапки и проезжают как-то конфузливо, словно в чем-то извиняясь перед этими хоругвями и обнаженными головами.

Площадь перед Исаакием наполнена вся. Речь протоиерея Орнатского все время прерывается рыданиями. Он вспоминает всю историю чудотворной иконы Казанской Божией Матери, так тесно связанную с историей многострадальной Руси. Эти исторические воспоминания приобретают какой-то особый смысл в наши страшные дни. Орнатский говорит о народной вере и о том, что народы крепнут только верою, ибо мы воочию видим, как даже война решается не пушками и пулеметами, а духом народным. Проповедник зовет всех русских людей

¹⁹³ И. Солоневич». Как спасти Россию?: (Лекция Г. А. Алексинского) // Новое время. – 1917. – 5 (18) октября; №14889.

¹⁹⁴ Ив. <Соло> невич. Церковь и цирк // Новое время. – 1917. – 24 октября (6 ноября); №14905.

¹⁹⁵ Там же.

сплотиться вокруг погибающей родины, сплотиться в вере, ибо как сказал евангелист Иоанн: «сия есть победа, побе-дившая мир, – вера наша».

Толпа почти в экстазе. Клянется умереть за Русь. Солдаты, много рабочих, очень много офицеров, женщины, сестры милосердия. Даже матросы. Все они разных классов, вероятно разных убеждений, быть может даже вчерашние враги. Сегодня они все как один, в одной молитве и одном порыве...

Так собирается дух народный...»¹⁹⁶.

А далее, на конграссе, Солоневич описывает митинг большевиков, состоявшийся в тот же день:

«Еще под неизгладимым впечатлением этого русского прадника я попадаю в цирк. Здесь другой полюс России, или того, что было недавно Россией. Серая однотонная толпа. Лица с выражением какого-то тупого упорства, и на эстраде человек, зовущий к братоубийственной войне. Углубление классовой розни.

Их было очень много в воскресенье, этих большевистских митингов. Смотр революционной демократии. Смотр тем силам, которые, быть может, завтра будут брошены с ножом в руку на ближнего своего. Все те же слова, к которым Петроград притерпелся за восемь месяцев революции. Прибегали ораторы, вбегали на кафедру, выбрасывали заученные слова и убежали. Им надо было попасть на двенадцать митингов в один день; пустить на каждом из них тот однажды напетый в Циммервальде граммофонный диск, у мнее которого революционная демократия до сего времени ничего не выдумала. Все знали, что скажет Троцкий и что в таких случаях должен сказать Кац. Знали и слушали, тупо и покорно исполняя свой революционный долг. Завтра они так же тупо и покорно пойдут, быть может, на улицы, чтобы разбежаться при первом окрике или свергнуть власть, если для такого окрика у нее не найдется смелости. Принимается готовая резолюция. «Кто не согласен, проши встать». Не вставать же, в самом деле, мне. Резолюция принята. Аплодисменты.

Хоронят Россию»¹⁹⁷.

О закрытии «Нового Времени» мы уже сообщали. А какова же была судьба «Вечерних Огней»? Жизнь газеты оказалась недолгой. Иван Солоневич переехал в первопрестольную и возглавил московское бюро. Газета выходила с 8 (21) марта по 11 (24) июля 1918 года. Перед закрытием ее выпуск дважды приостанавливался на одну-две недели.

Ведь еще 28 января 1918 года Совнарком принял Декрет о революционном трибунале печати. В нем предусматривались наказания за «нарушение узаконений о печати, изданных Советской властью». Ревтрибунал был подчеркнута демократичен, его работа в отличие от ЧК была публична: дела слушались при участии обвинения и защиты, а процессы освещались в прессе.

Первое публичное заседание Петроградского революционного трибунала печати состоялось 31 января. Часто в качестве государственного обвинителя на таких заседаниях выступал сам комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский (настоящее имя – Моисей Маркович Гольдштейн). В своих зажигательных речах, которые после его безвременной кончины были изданы отдельной брошюрой, он клеймил врагов советской власти. В мае 1918 года удостоилась высокого внимания и газета «Вечерние Огни». Володарский заметил, что она стремилась «создать такое настроение в рядах широких масс граждан, которое говорило бы им: Советская власть не прочна, ей угрожает опасность оттуда, отсюда, да еще вот

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

откуда и т. д.». Когда «подсудимые» пытались сослаться на свои ошибки, Володарский парировал: «Припомните такой случай, когда бы вы ошиблись в пользу Советской власти?»¹⁹⁸.

Из публикаций Солоневича этого периода стоит выделить первую же – «Путешествие из Петрограда в Москву». Она появилась в «Вечерние Огнях» 6 апреля (24 марта) 1918 года.

Вот ее текст без купюр:

«...Носильщик советует «устроиться» в вагоне для эвакуируемых рабочих. Там попросторнее. Как-нибудь с ними поговорить – можно влезть. В классный и думать нечего.

Пошли. Ночь. Холодно. Моросит какой-то не то снег, не то дождь. На запасных путях стоят эвакуационные вагоны IV класса. Около них – горы всякого домашнего скарба. Скарб самый разнообразный – больше всего тряпье, но есть и продукты новейшей формации: кресла, две оттоманки и даже буфет в неизбежном стиле «модерн». Все это дорогое – вероятно, революционной эпохи – жалко бросать.

«Поговорил» и устроился в доме. Соседи – несколько рабочих, три солдата, жена какого-то красногвардейца с пятью ребятишками и тридцатью двумя местами багажа. Еще несколько женщин с детьми. Все это устраивается, спорит, кричит, визжит, плачет. Ад.

Наконец, расселись. Начинаются разговоры. Осторожные, выпытывающие... «Плохо стало. Работы нет, хлеба нет, немец все прет и прет...»

– Да, верно уж и Могилев заняли, – говорит солдат. – А у меня, между прочим, родные там, в деревне, значит. Вот и не знаю – попаду, или нет. На Витебск не пустили ехать... Сказывают, забирают наших в Германию, на окопные работы.

Жена красногвардейца не выдерживает:

– А вот, сидели бы в окопах, так не забирали бы.

– Да, что ж. Мы и сидели. Да только, когда нет порядку, – сиди, не сиди – ничего не высидишь.

– Да, порядку, это верно, никакого нет.

Молчат. Видно, что дальше говорить боятся. Посматривают на меня.

Говорит с верхней полки рабочий.

– Совсем плохо стало. Я вот в «Треугольнике» работал. Рассчитали. Семьсот рублей получил. В Орел еду – там, сказывали, работа есть. А у меня семейство! Жена, ребятишек четверо. Дорога. Семьсот рублей – надолго ли хватит? Ну, хорошо, найду работу в Орле. А не найду – тогда что? С моста – да в воду.

– Я сам рязанский. Куда ехать. У нас с голоду пухнут. Писали – кору стали есть.

– А на Украине хлеба-то, говорят, сколько! Ну, да теперь немец позабирает...

Обращается ко мне испытующе...

– А как вы, товарищ, полагаете, хлеб-то из Украины мы получим?

– Думаю, нет.

– Так, как же мы будем?

– Да так – кто с голоду помрет, а кто и жив останется.

Молчат. Рабочий отваживается рискнуть.

– Наговорили, наговорили, а теперь – накося, выкуси.

Лед сломан. Говорят с ненавистью. Сколько рабочих рассчитано. В одном Петрограде «почитай с миллион». Куда теперь всем им деться? Солдаты говорят о брошенных орудиях, складах, о павших с голоду лошадях. Лошадей им, пахарям, жалче всего. Фабрики не работают, дороги не ходят, есть нечего.

– У нас в Курской губернии пахать бы пора. Да куда там! Прямо обалдел народ. Сады повырубил, скот порезали, хлеб на самогонку пошел. А теперь за землю дерутся, словно она уйдет куда. Так и не пахнут.

¹⁹⁸ Цит. по: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX—XX вв.: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2001.

И все большевики виноваты. Так же, как раньше решительно во всем был виноват «царский режим». Любят русские люди «кивать на Петра».

– Я не понимаю, – вмешиваюсь я, – сами вы рабочие и крестьяне. Правительство у вас рабочее и крестьянское – ваше правительство. Так кто же вам виноват?

– Сами виноваты. Оно, конечно, товарищ, правильно – сами виноваты. Только, знаете, народ-то темный, бедный. Насыпали кучу золота, да и показали ему – на вот, бери. Ну, он и обалдел.

«При старом режиме хуже не было». «Хоть бы уж немец пришел». «Да, брат, и при немце несладко»...

Сижусь и думаю: вот где она, подлинная «контрреволюция». Не Гучков и не Родзянко, а вот этот рязанский мужичок, который едет, не зная куда, потому в Рязанской губернии «с голоду пухнут». В этой «привилегированной» жене красногвардейца, которая с неделю за билетами стояла, да потом трое суток с вокзала на вокзал ездила – с пятью ребятами и со своим буфетом.

И слова у них теперь все не те, что я слышал еще два месяца тому назад – не партийной отливки.

Разговор на верхних полках.

– Да, что ж, воевать-то снова придется. Опять, слышь, мобилизацию объявляют.

– Придется... Да только уж довольно дураками быть, пора и поумнеть.

Станция. Входит какой-то железнодорожный рабочий. Сразу смолкают... Засыпаю.

Проснулся – слышу голос нового соседа.

– Так вот на митинге и обсуждали: уволить этих офицеров, или нет. Выступил этот Васильев. Говорит – что пуццай работают, тоже людям есть надо. А председатель-то, паскудненький такой, пьяница, ему и говорит: «Вижу я, Васильев, что вы против рабочего класса и за буржуев, и потому считаю вас с сегодняшнего дня уволенным». Так и уволили.

– ...А вечером прямо не выходи. Ходит эта красная гвардия; стой, говорит, оружие имеешь? Сейчас обыск. Ну, ежели часы или кошелек – пропали. Каждое утро трупы подбирают... И потом у нас в Бологом – как выберут меньшевика в Совет – так через неделю, – смотришь, он уже большевик. Власть, значит.

Господи, и здесь контрреволюция. Ложусь и засыпаю под контрреволюционный стук колес»¹⁹⁹.

Другой репортаж, заслуживающий нашего внимания, это отчет о первом Первомае в Москве 1918 года. Текст опубликован без подписи, но никаких сомнений в авторстве Солоневича лично у меня нет.

Текст назван довольно смело: «Неудавшийся праздник». Да и текст – под статью.

«Холодная и очень ясная солнечная погода. Вся Москва залита красным цветом: красные флаги, красные плакаты, красные щиты, точно незапекившаяся кровь.

По Тверской проходят войска и очень редкие и малочисленные рабочие процессии. Публики мало.

Главная артерия торжественного дня – Тверская улица. Проходят латыши, матросы, красная армия. На Триумфальной площади встреча. Латыши, прекрасно обмундированные, сильные сытые люди и навстречу им наши бежавшие из плена, изможденные, исхудалые люди, одетые в лохмотья русских и австрийских шинелей. Они подходят к милиционерскому и робко осведомляются, «где бы им поесть», но милиционерский величественно машет рукой. Они мешают движению.

¹⁹⁹ Ив. <Соло> невич. Путешествие из Петрограда в Москву: (Эвакуационные настроения) // Вечерние Огни. – 1918. – 6 апреля (24 марта); №14.

* * *

На Красной площади должен состояться грандиозный митинг и смотр войскам. Войска пришли, но публики для митинга нет. Площадь огорожена колючей проволокой, и за этим заграждением воздвигнута трибуна для ораторов. Здесь Свердлов, Муралов, Подбельский. Предполагалось выступление Троцкого, но Троцкий, вероятно, не захотел выступить перед такой ничтожной аудиторией.

Проходит парад. Муралов отдает честь, а Свердлов снимает шляпу. Парад закончен, но Свердлов ждет дальнейшего сбора публики. Наконец, собирается около тысячи человек, и Свердлов произносит речь. Речь такая, какой должна быть всякая официальная речь на официальном празднике. Повторяется мотив о помощи западноевропейского пролетариата, о том, что русский пролетариат обогнал всех, но, однако, без чужой помощи долго не продержится.

Скобелевская площадь вся залита красным. Из памятника Скобелеву сделали нечто вроде эшафота. Здесь должен состояться митинг тоже грандиозный и тоже с участием Троцкого. Но нет главнейшего условия для митинга – нет аудитории. Подъезжает некто в автомобиле, осматривается и уезжает. Через полчаса на площадь приезжают грузовики с деятелями «сцены и арены». Они жалко и по ипаргалкам поют «Интернационал».

Уезжают деятели «сцены и арены», заходит солнце, и публика постепенно расходится. Не состоялся также митинг и на Театральной площади.

Единственный митинг был на Красной площади. Здесь собралась толпа человек в 200—300. Какой-то оратор призывал к самодисциплине. Оратор окончил. На трибуну выходит председатель митинга и заявляет, что желающих говорить больше не находится.

– Может быть, товарищи подождут, пока подъедет кто-нибудь из товарищей. Но товарищи молча и угрюмо расходятся.

* * *

На Ходынке грандиозный парад всех родов войск. Публики очень мало. К пяти часам дня подходит тысяча до пяти солдат, латышей, матросов, красной армии, прибывают на автомобилях Ленин и Троцкий. Но церемониал, так тщательно разработанный, так и не приводится в исполнение. Речей говорить не для кого, и после обхода фронта Ленин и Троцкий уезжают.

На Ходынке присутствовала между прочим американская миссия Красного Креста во главе с полковником Робинсом.

* * *

К вечеру по Тверской целый ряд маленьких летучих митингов. Настроение явно не официальное. Рабочих почти нет. Вообще за весь вчерашний день рабочих на улицах было гораздо меньше, чем даже в обычные будни.

И Свердлов на митинге на Красной площади говорил о том, что праздник нужно считать совершенно не удавшимся²⁰⁰.

После закрытия «Вечерних Огней» ее сотрудники – бывшие нововременцы – бежали, кто на Дон, кто на Украину. И. М. Калинин стал работать в антибольшевистских газетах сначала в Одессе, а затем и в Киеве, где возобновил издание «Вечерних Огней».

Об издании «Вечерних Огней» в Киеве при белых удалось найти следующую информацию.

²⁰⁰ В Москве: Неудавшийся праздник (По телефону от нашего корреспондента) // Вечерние Огни. – 1918. – 2 мая (19 апреля); №35.

Эта ежедневная газета выпускалась с августа по декабрь 1919 года (с перерывом) Киевским Бюро Союза Освобождения России²⁰¹, редакция располагалась на Крещатике. Перерыв был обусловлен известными каждому поклоннику творчества М. А. Булгакова обстоятельствами: в годы Гражданской войны власть в Киеве менялась четырнадцать раз, если за первый переворот считать Февральскую революцию, один из них и приостановил выход «Вечерних Огней».

События тогда развивались следующим образом: красные оставили город 30 августа 1919 года, на следующий день утром в него вступили украинские войска С. В. Петлюры, но продержались всего несколько часов и бежали. Киев заняла белая Добровольческая армия Вооруженных Сил Юга России генерала А. И. Деникина. В день входа в город добровольческих отрядов, 31 августа, и вышел первый номер «Вечерних Огней» в Киеве.

Скорее всего, именно к этому периоду относится следующий эпизод из воспоминаний Солоневича:

«В Киеве, на Садовой 5, после ухода большевиков я видел человеческие головы, простреленные из нагана на близком расстоянии:

«...Пуля имела модный чекан,

И мозг не вытек, а выпер комом...»²⁰², – цитирует Иван Лукьянович советского поэта Илью Сельвинского.

Следующее взятие Киева Красной Армией состоялось 14 октября 1919 года. А уже 16 октября красные отступили, и в город вернулись добровольческие войска, которые окончательно покинули город в декабре.

В выходных данных «Вечерних Огней» в качестве редактора значился некто «Ивков». Ранее такого псевдонима у Ивана Солоневича не было (или мы о нем не знали), хотя на страницах дореволюционного «Нового Времени» такую подпись найти можно. Так что информация нашего героя о том, что он «редактировал» киевскую газету на сто процентов не подтверждается. Но это с одной стороны. С другой же – отсутствие инициалов у этого «Ивкова» и других дополнительных сведений о подлинном редакторе «Вечерних Огней» не позволяет уличить Солоневича в недостоверности его «показаний». Как всегда, имеет право на существование и компромиссная версия: редактировать-то редактировал, но главным в газете все-таки не был.

Однако же занимал не последние роли, в этом сомневаться не приходится, ведь передовые статьи обычно не доверяют готовить сотрудникам, находящимся на низах редакционной иерархической лестницы. Даже несмотря на путаную и нервную обстановку времен Гражданской войны.

Иван Солоневич подписывал свои передовицы в «Вечерних Огнях» иногда и своим именем, что рассеивает какие бы то ни было сомнения, но чаще всего – «Ив. Невич» или «Ив. Сол.». Причиной тому, скорее всего, – работа в антибольшевицком подполье, чему мы ниже посвятим несколько страниц.

По свидетельству видного журналиста и политического деятеля эмиграции Сергея Львовича Войцеховского, уже в годы Гражданской войны И. Л. Солоневич исповедовал народно-монархическую идеологию: «Благо России может быть обеспечено только Монархией. Монархия в России возможна только одна – НАРОДНАЯ, БЕССОСЛОВНАЯ. Иван Лукьянович твердил это всегда – и в 1919 году в Киеве, когда я с ним познакомился в редакции „Вечерних Огней“, и годом позже, в Одессе, когда он о Народной Монархии говорил в советском подполье нам, членам Союза Освобождения России...»²⁰³.

²⁰¹ Несоветские газеты: 1918—1922: Каталог собрания Российской национальной библиотеки. – СПб: Изд-во Российской национальной библиотеки, 2003. – С. 26.

²⁰² Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – М.: РИМИС, 2005. – С. 23.

²⁰³ Войцеховский С. Л. Завещание И. Л. Солоневича // Наша Страна. – 1953. – 27 июня; №180.

В этот период творчества у Солоневича эпизодами пробиваются уже высказывания, достойные «России в концлагере» – книги, принесшей ему мировую известность:

«Есть десятки, а может быть и сотни тысяч людей, которые с существованием советской власти связали не только свою судьбу, но и свою жизнь. Им, конечно, не простят всех издевательств, которые они два года проделывали над связанной по рукам и ногам Россией. Пока существует советская власть – они все. Они – цари и боги над лишенными прав массами советских подданных. К их услугам готово все, начиная от советских автомобилей, советских денег, кончая чрезвычайками и почти неограниченным правом грабежа. Они знают, что с падением советского Кремля, для них потеряно все. Для многих – потеряна и жизнь. За свою власть и свои жизни они будут бороться, стиснув зубы, бороться до последнего издыхания»²⁰⁴.

Так писал Иван Солоневич накануне второй годовщины «Красного Октября».

Вообще, годы Гражданской войны – наверное, самый сложный период для нашего биографического исследования. Воспоминания Солоневича об этом времени всегда носят отрывочный характер. Налицо, что называется, дефицит фактического материала. Можно было бы попытаться компенсировать его рассуждениями нашего героя, которые носят отвлеченно-теоретический характер. Но это спасает только отчасти. Судите сами:

*«Я не думаю, что в эти годы я отличался выдающимися аналитическими способностями. – писал Солоневич. – Мое отношение к большому было типичным для подавляющей – и неорганизованной – массы населения страны. Я, как и это большинство, считал, что к власти пришла сволочь. В качестве репортера я знал – и неверно оценивал – и еще один факт: это была **платная** сволочь. По моей репортерской профессии я знал о тех громадных суммах, которые большевики тратили на разложение русского флота в первую мировую войну, знал, что эти суммы были получены от немцев. Теория военного предательства возникла поэтому более или менее автоматически. **Социальный вопрос** ни для меня, ни для большинства страны тогда никакой роли не играл. И для этого вопроса ни у кого из нас, большинства страны, не было никаких предпосылок»²⁰⁵.*

Или еще:

«Я, более или менее средний молодой человек России, нес свою шкуру на алтарь гражданской войны вовсе не из-за банков, железных, дорог, акций или платного или бесплатного раздела земли. Не из-за этого несли свою шкуру и другие юноши России. Ни колхозов, ни концентрационных лагерей, ни голода, ни вообще всего того, что совершается в России сейчас, мне еще видно не было. Пророчества Герцена, Достоевского, Толстого, Розанова, Лермонтова, Володина и других, которые я знал и тогда, совершенно не приходили в голову, скользили мимо внимания. Я, в отличие от большинства русской интеллигентной молодежи, действительно питал непреодолимое отвращение ко всякому социализму, но во-первых, против большевизма подняла свои штыки и та интеллигентная молодежь, которая еще вчера была социалистической, и та рабочая молодежь, которая еще и в годы гражданской войны считала себя социалистической»²⁰⁶.

Конкретики так мало, что любой факт приобретает повышенную ценность. Однако для того, чтобы собрать в какую-то логическую цепочку встречи и разговоры, события и впечатления нужен если не стержень, то хотя бы ниточка, на которую можно нанизать жемчуг известного. А уж что нанизывать – есть.

Вот Киев, 1918 год:

²⁰⁴ <Соло> Невич Ив. Решительный бой // Вечерние Огни. – 1919. – 12 (25) октября; №47.

²⁰⁵ Солоневич И. Л. Диктатура импотентов. – Новосибирск: Благовест, 1994. – С. 153.

²⁰⁶ Там же.

«...в германском Киеве мне как-то пришлось этак «по душам» разговаривать с Мануильским – нынешним генеральным секретарем Коминтерна, а тогда представителем красной Москвы в весьма неопределенного цвета Киеве. Я доказывал Мануильскому, что большевизм обречен – ибо сочувствие масс не на его стороне.

Я помню, как сейчас, с каким искренним пренебрежением посмотрел на меня Мануильский... Точно хотел сказать: – вот поди ж ты, даже мировая война – и та не всех еще дураков вывела...

– Послушайте, дорогой мой, – усмехнулся он весьма презрительно, – да на какого же нам чорта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счете – наплевать нам на сочувствие масс...»²⁰⁷.

А вот примерно в то же время и, надо полагать, в том же месте, совсем неожиданно всплывает спортивный сюжет:

«...и еще в 1918 году провел со Збышко-Цыганевичем почти двухчасовую борьбу вничью»²⁰⁸.

Имеется в виду польский атлет Станислав Збышко-Цыганевич, носивший титул чемпиона мира по борьбе с 1919 по 1923 год. Каким ветром занесло его в «неопределенного цвета» Киев – одному Богу известно.

Проходит год, и вновь на первом месте – политический контекст:

«...после беседы с генералом Драгомировым в Киеве 1919 года, увенчавшей собою длинный каталог совершенно трагических наблюдений, стало ясно: по чисто политическим причинам Белая армия обречена на разгром. Практических выводов из этого теоретического прогноза я тогда не сделал»²⁰⁹.

Свернем немного на узкую дорогу родственных связей, в известной степени продолжающую киевскую нить. Именно в Киеве в том же 1919 году произошла встреча Ивана с братьями после долгой разлуки.

Борис, как мы помним, окончив перед революцией Восьмую Петербургскую гимназию, поступил в Политехнический институт. Летом 1917-го он уезжает к отцу на Кубань. Там его и застает большевистский переворот.

Боб записывается в Добровольческую армию – в офицерскую роту «Спасение Кубани». Помимо участия в боевых действиях, продолжает вести скаутскую работу (сам скаут с 1912 года). Его статья о спорте в этих молодежных организациях была опубликована в сборнике «Русский Скаут», вышедшем в 1919 году²¹⁰. Известно также, что на территориях, занятых белыми, Борис Солоневич сотрудничал в газетах «Единая Русь», «Кубанское Слово», «Свободная Речь» и «Осваг» (Осведомительное агентство).

В Киев он «прорвался к брату в гости из Ростова только на несколько дней»²¹¹. Во время этой командировки Борис повидался и со средним братом Всеволодом. О нем мы знаем немного. Перед революцией Всеволод (Дик) тоже был студентом Политеха, в Гражданскую воевал на стороне белых. Из воспоминаний Ивана Лукьяновича известно, что Всеволод Солоневич одно время служил комендором, то есть наводчиком артиллерийского орудия, на канонерской лодке «Некрасов», потом недолго на бронепоезде и вновь – на флоте. Последним местом его службы стал линейный корабль «Генерал Алексеев». До революции этот линкор

²⁰⁷ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. – М.: РИМИС, 2005. – С. 114.

²⁰⁸ Солоневич И. Л. Штаб-капитаны Совдепии // Солоневич И. Л. Вся власть – русским мозгам!: Сб. статей. – СПб: Русиформ, 2003. – С. 104.

²⁰⁹ Солоневич И. Л. Контуры будущего // Солоневич И. Л. Коммунизм, национал-социализм и европейская демократия. – М.: Москва, 2003. – С. 286.

²¹⁰ Русский скаут / Сост. Э. П. Цытович. – Екатеринбург – Армавир: Энергия, 1919. – 160 с.

²¹¹ Солоневич Б. Л. Молодежь и ГПУ. – София: Голос России, 1937. – С. 427.

Черноморского флота именовался «Император Александр III», после Февраля – «Воля», а уже в Гражданскую был назван в честь основателя Добровольческой армии.

Жизнь Дика оборвалась в 1920 году, вот как описывает это Борис Солоневич в своей книге «Молодежь и ГПУ»:

«Эвакуированный, как раненый, из Туапсе в Крым, я очутился в Севастополе с тоскливым сознанием полного одиночества. Следы старика отца были потеряны в волнах гражданской войны, пронесшихся на Кубани. Оба старших брата были где-то на Украине, через которую тоже перекатывались тяжелые валы грозных событий.

И я, 20-летний юноша, чувствовал себя песчинкой в бушующем самуме.

Через несколько дней после моего прибытия в Севастополь кто-то окликнул меня на улице.

– Солоневич, вы ли это?

Под матросской бескозыркой весело улыбалось лицо киевлянина Лушева, когда-то вместе с моими братьями тренировавшегося в «Соколе».

Мы сердечно расцеловались.

– А Всеволода уже видели? – спросил моряк. Среднего брата Всеволода я видел в последний раз больше года тому назад в Киеве, куда я на неделю с винтовкой в руках прорвался с Кубани. При его имени мое сердце дрогнуло.

– Да разве он здесь?

– Ну как же!.. Комендором на «Алексееве»!.. Через несколько минут я был на Графской пристани и скоро на большом военном катере подходил к высокому серому борту громадного броненосца. Сознание того, что я сейчас увижу своего любимого брата, с которым мы были спаяны долгими годами совместной жизни, окрыляло и делало счастливым.

Бегом взбежал я по трапу к вахтенному офицеру. Высокий серьезный мичман на секунду задумался.

– Всеволод?.. Как же, помню... В очках? Да... да... Нам только что сообщили, что он умер в Морском госпитале... <...>

А через неделю я и сам лежал в сыпном тифе в той же палате, где недавно умирал мой брат. И в полубреду я слышал, как подходили ко мне сестры милосердия и шепотом спрашивали:

– Солоневич?

– Да... Только другой...

– Ну, совсем как тот!.. Ну, Бог даст, хоть этого выходим!...»²¹²

Однако возвращаемся к поиску ключевой точки. Что было главным для Ивана Солоневича на Юге России: работа в белой печати или контрразведывательная деятельность в красном тылу? Участие в первой – доказано и, собственно говоря, ничем выдающимся не является.

Автор монографии «Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917—1920 гг.)» Л. А. Молчанов утверждает, что подавляющее большинство журналистов и литераторов из Москвы и Петрограда бежали на юг России и Украину, где продолжали свою профессиональную деятельность. В частности, из нововременцев он называет М. Н. Бялковского (кишиневская «Молва»), А. И. Ксюнина, Чазова, Н. И. Маркова (севастопольский «Юг России») ²¹³.

К этому перечню необходимо сделать добавления. В первую очередь надо упомянуть Б. А. Суворина, который был редактором ежедневной газеты «Вечернее Время» (Ростов-

²¹² Там же. – С. 33—34.

²¹³ Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917—1920 гг.). – М.: Издат-профпресс, 2002. – С. 59.

на-Дону, 1918—1919; Харьков, 1919). Затем – профессора Н. Н. Алексева, редактора «органа русской государственной и национальной мысли», основанной В. В. Шульгиным газеты «Великая Россия» (Севастополь; Ростов-на-Дону, 1919). И, наконец, А. М. Ренникова, который был главным редактором ежедневной литературной общественно-политической газеты «Заря России» (Ростов-на-Дону, 1919; Харьков, 1919).

Единственный, кажется, суворинец, ставший сотрудником советской печати – это Н. М. Ежов, публиковавший с середины 1890-х годов в петербургском «Новом Времени» фельетоны о московской жизни под псевдонимом «Не фельетонист». Как минимум, двое были расстреляны большевиками: М. О. Меньшиков и И. Б. Смольянинов.

Контрразведывательная работа, кроме личных признаний Солоневича постфактум и совсем уж мимолетного свидетельства С. Л. Войцеховского, не подтверждается больше ничем. Соответствующих архивных данных нет или, как минимум, до них еще не добрались исследователи.

Указания самого Солоневича предельно схематичны:

«Потом была работа на Белую армию и с Белой армией. Побег из Москвы на Украину, авантюрное путешествие из гетманского Киева в красный Питер. Побег из красного Питера с семьей Каллиниковых в тот же Киев. Побег из петлюровского Киева в белую Одессу. Командировка из белой Одессы в красный Киев. Подпольная работа в красном Киеве. Секретные сводки отдела осведомления Совнаркома, которые доставала Тамочка. Секретные военные сводки, которые доставал я. Эти сводки снимал на киноплёнку И. М. Каллиников, отправлял в белую Одессу, а в белой Одессе никто не читал.

Эта работа стоила примерно трехмесячного ежечасного риска жизнью и невероятных усилий. И вот: никто даже не поинтересовался результатами этого риска и этих усилий»²¹⁴.

Из семьи Калининных (или Каллиниковых, как пишет фамилию Солоневич, и не только он) мы знаем двух братьев, Бориса и Ивана Михайловичей. Первый, напомним, был приятелем Ивана Лукьяновича по университету, второй – коллега по работе в «Новом Времени». Оба после Гражданской войны – в эмиграции. С Иваном Михайловичем наш герой там уже не встретится: в июле 1925 года И. М. Калинин, главного редактора и издателя газет «Неделя» и «Русь», убили в его собственной квартире в Софии. В эмигрантской среде никто не сомневался в том, что это было делом рук большевистской агентуры. Солоневич придет в Софию спустя одиннадцать лет и ему тоже предстоит пережить покушение, устроенное иностранным отделом ОГПУ.

Шпионские страсти 1930-х годов еще станут предметом нашего разбирательства, хотя и не хотелось бы превращать биографию И. Л. Солоневича в сплошной детектив. Но его работу в белой контрразведке в годы Гражданской войны необходимо признать историческим фактом – никаких противоречий, противоположаний и опровержений от людей, которые имели полную возможность это сделать, нет.

Еще одно свидетельство самого Ивана Лукьяновича:

«В Киеве, в июле 1919 года, в кабинете редактора газеты «Коммунист» (он же и председатель тогдашнего украинского совнаркома) товарища Раковского, я, на основании сводок «отдела осведомления совнаркома», объяснял на карте положение дел на фронте. В этой странной редакции я, без достаточных к этому оснований, считался специалистом по военным делам. В эти дни добровольческая армия брала Полтаву, большевики уже готовились к эвакуации Киева, но все еще надеялись на перелом. На моих «военных» разъяснениях присутствовало человек пять.

²¹⁴ Солоневич И. Л. Пути, ошибки и итоги // Солоневич И. Л. Белая Империя. Статьи 1936—1940. – М.: Москва, 1997. – С. 288—289.

Когда я вернулся к себе, в информационный отдел, секретарь редакции, тов. Киселев, сказал мне с иронической улыбкой: «а как, в сущности, легко узнать белогвардейца». Сердце чуть-чуть замерло. Я пожал плечами и с деланным равнодушием спросил:

– Что это вам взбрело в голову?

– Да так, все дело в местоимениях: мы и вы. У вас два раза вышло, что Полтаву берем «м ы»...

Редакция была странная. Киселев в ней был «делегатом» от меньшевиков, впоследствии чрезвычайка его расшифровала и ликвидировала»²¹⁵.

С газетой «Коммунист» приключилась история. Автор блога в интернете Владимир Корнилов нашел интереснейшую публикацию в белогвардейской печати и сопроводил ее таким предисловием: «В связи с тем, что в последнее время в определенных кругах модно стало печатать и ссылаться на работы „теоретика русского монархизма“ Ивана Солоневича, будет уместно привести краткие воспоминания о нем, опубликованные Петром Рыссом в харьковской прессе 28 октября 1919 г. и значительно расходящиеся с официальной биографией Солоневича».

²¹⁵ Солоневич И. Л. Три ухода // Голос России. – 1936. – 1 декабря; №24.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.